ПИОНЕР

ИЮНЬ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

Фото Г. БИБИКА и В. СМИРНОВА

Там, за горами,
лежат наши города и деревни, реки
с пионерскими лагерями на берегах,
а тут, в горах — граница.
Пятеро верховых — пограничный дозор.
Сейчас все спокойно
в маленькой долине, и кони идут шагом,
но кто знает,
что ожидает бойцов,
когда они проедут дальше?
День прошел, опустилась ночь.
Но ни темнота, ни ветер или дожди —
ничто не может помешать
охране государственной границы.
И рвется вперед сильная собака —
нашла след!
За ней солдаты —
сквозь ночь и через овраги...
Нарушитель будет задержан!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Издательство «Правда»

1969 г.

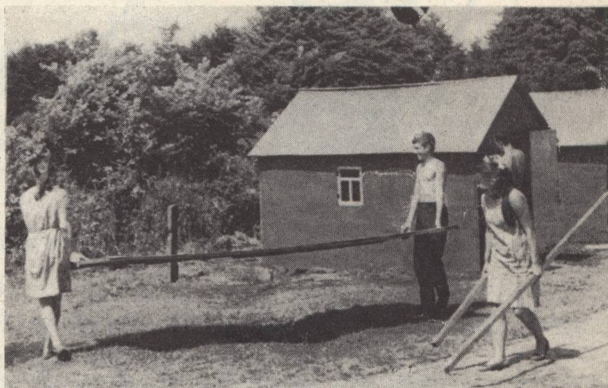

Лето ворвалось на улицы городов, захлопало крыльями палаток, закружилось сквозняками во дворах. Без устали носится футбольный мяч. Первые его удары о мостовую — позывные лета.

Форвард ты или вратарь, загляни в наш клуб **«Три мяча и шайба»:** может быть, ты найдешь здесь для себя полезные советы. Ведь заседание клуба ведет сам **Мяч Кожаный.**

Во всех городах и селах, над всеми дворами, как сигнал отбоя, трубят дружные мамины голоса: «До-мой!» А юнкоры свердловского отряда «КАРАВЕЛЛА» уверяют, что их мамы подчиняются коллективу. Хотите узнать секрет свердловчан, читайте невыдуманные рассказы ребят о жизни одного двора.

Знаешь ли ты, что среди ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ есть необычный, написанный на куске бересты знаками-тотемами? Это письмо двенадцатилетнего Володи Ульянова другу сохранило для нас летний день, один день детства Володи. О самой первой рукописи и других рукописях Ленина рассказано в корреспонденции **Н. Елистратовой.**

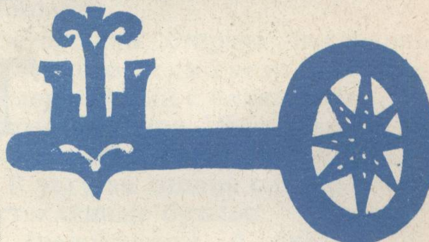

В этом номере тебя ждут и герои «ВОЕННОЙ ТАЙНЫ» **Аркадия Гайдара** и новые приключения Гомера Прайса.

На дне обыкновенного наперстка нашел сказку поэт **Овсей Дриз.** И какую смешную!

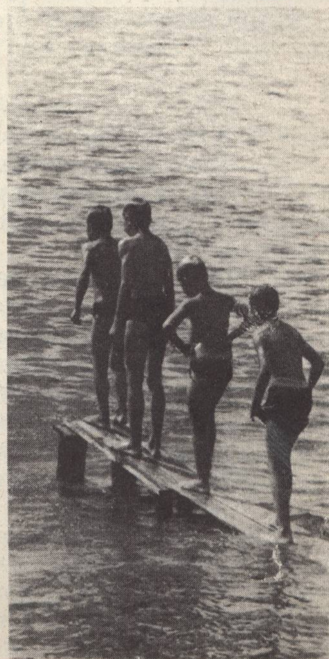
А **Виктор Драгунский** на этот раз написал немножко грустный рассказ «МОЯ ЗНАКОМАЯ СЛОНИХА ЛЯЛЬКА».

Откликнитесь, любители театра! Сегодня в нашем театре **«Фонарик»** первое представление пьесы **Александры Бруштейн** «ОДУВАНЧИК». Приглашаются все ребята, не достигшие шестнадцатилетнего возраста. Взрослые могут проникнуть на премьеру только «зайцами», и то, если их не разоблачат

И, наконец, сообщение, полученное по телефону в последнюю минуту. Вот оно:

И К НАМ ПРИШЛО ЛЕТО! По нашему хотению, по нашему умению появись... лагерь!

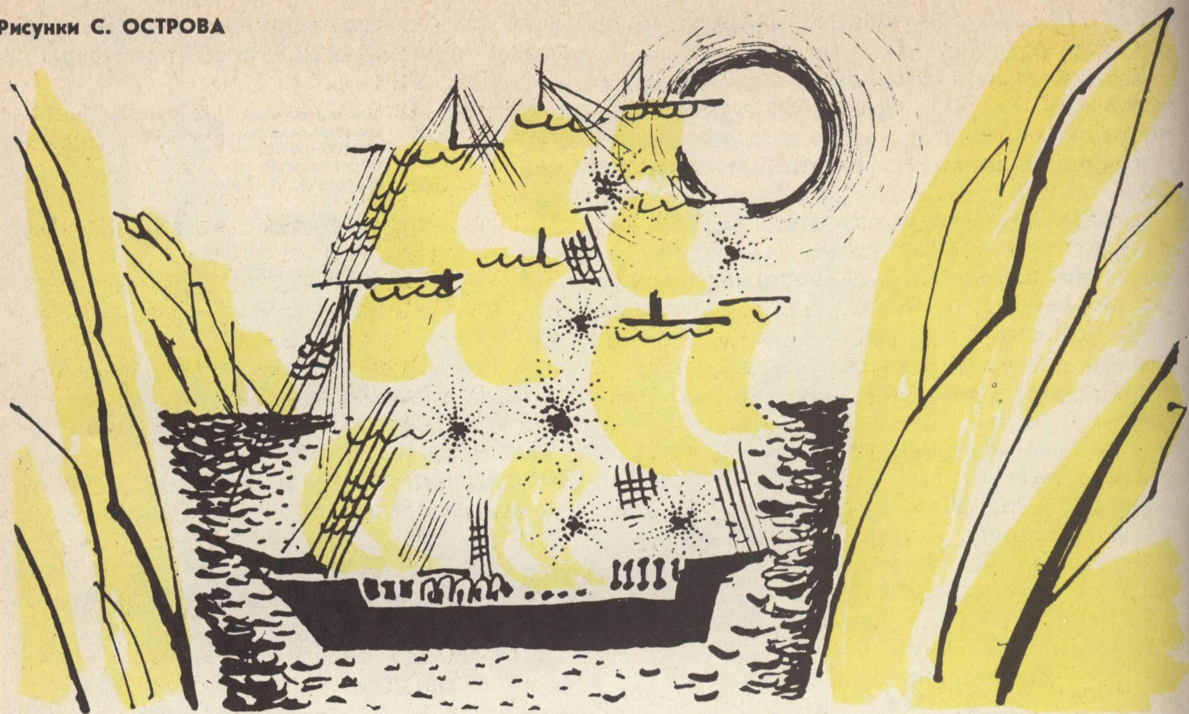
Фанерные щиты — вот наш строительный материал. Котлы, ложки-вилки да рюкзаки — вот наше имущество. Сложили в кузов грузовика, запаслись горючим — и прощай, школа! Где приглянулось, остановились, огляделись. Лес есть? Есть! Речка есть? Есть!

Выгрузили щиты, пригнали один к одному — получился домик, на вид вроде игрушечного, а внутри просторный. Приладили вдоль стен нары, постелили тюфяки — заходи, располагайся! Воды натаскали, разобрали припасы — вкусным таким дымком потянуло. Не успели оглянуться — вырос на опушке фанерный городок. По чьему велению, по чьему хотению? По нашему.

Строить этот городок мы начали в сентябре и строили его весь учебный год. Мальчики выпиливали по чертежам щиты и нары. Девочки шили всем шорты, рубашки, пилотки. Работали всей школой и поехали в лагерь не десять, не двадцать человек, а вся наша 2-я школа из города Спасска, Рязанской области.

Вот что значит наше хотение и наше умение.

Рисунки С. ОСТРОВА

А. ГАЙДАР

ВОЕННАЯ ТАЙНА

СЦЕНАРИЙ

Окончание

Пустая палата. За окном смех, игры. Влетел в окно большой мяч и покатился. Крадучись, входит в палату Владик. Отшвырнул мяч ногой. Достает из столика бумажник.

КРУПНО: **Считает деньги. Насупился. Оглядывается.**

Быстро снимает верхнюю наволочку подушки. Под ней нижняя. Сдернул нижнюю и быстро надел верхнюю наволочку на подушку. Влетает за мячом Эмка. Владик сунул наволочку за майку.

ЭМКА. Ты что с нами не играешь?

— Мне некогда.

ЭМКА *(передразнивает)*. Ох, и некогда! Какой работник! *(С любопытством.)* Что это у тебя живот торчит?

ВЛАДИК. Винограду объелся.

ЭМКА. И много съел?

ВЛАДИК *(сердито)*. Двадцать пять килограммов.

Эмка забирает мяч и от двери грозит Владику пальцем.

— Ой, и врешь! Ты что-то хитрый!

Мелочный ларек близ лагеря. Подошел человек, купил папирос. Подбежал мальчишка, купил конверт. Владик в кустах подождал, пока ушли. Подошел и просит:

— Дайте мне колбасы.

ПРОДАВЕЦ. Сколько?

Владик показывает на целый кружок.

— Вот всю эту.

ПРОДАВЕЦ *(удивленно)*. Что, тебе разве обеда не хватает?

ВЛАДИК. Нет. Это я для больной бабушки. Дайте хлеба.

— Сколько?

ВЛАДИК *(показывает на целую буханку).* Вот весь этот.

Владик получил каравай и опустил его в наволочку. Колбаса еще на прилавке. Подбегает Баранкин.

БАРАНКИН. Дайте кнопок на гривенник.

Увидал Владика с колбасой и удивлен. Догадался и улыбнулся.

— Это ты купил колбасу для собаки?

ВЛАДИК *(с запинкой).* Да, для собаки.

БАРАНКИН. Но для чего же так много? Это она обожрется и с места не сдвинется.

Продавец удивленно оборачивается к Владику.

— Молодой человек! Разве ваша бабушка... собака?

Владик поспешно дергает Баранкина:

— Ты не слушай его! Идем, он выпивши.

Натка Шегалова и Алька в саду.

НАТКА. Твой папа придет к нам на праздник?

АЛЬКА. Да, придет. *(Помолчав.)* Он меня спрашивал про тебя. Какая ты — добрая или злая.

НАТКА *(с любопытством).* А ты сказал?..

АЛЬКА. А я сказал — когда как.

НАТКА *(разочарованно).* Это каждый человек — когда как. Ты бы мог сказать про меня что-нибудь получше.

АЛЬКА *(подумав).* Ему говорить нечего. Он и сам все видит. *(Пауза.)* Ты не видела у него на плече шрам? Это он на маневрах прыгал с парашютом взрывать какой-то мост. А ты бы с парашютом прыгнула?

Натка молчит.

АЛЬКА *(укоризненно).* Ты прыгни. Я бы обязательно прыгнул. *(Пауза.)*

НАТКА. Ты гордый, Алька?

АЛЬКА. Мы все гордые... и я, и он, и мама... *(Пауза.)* Только ее уже нет.

Владик Дашевский где-то на задворках возле мусорной ямы. Поднял грязную бутылку. Посмотрел на свет и отбросил. Поднял другую. Посмотрел и бацнул ее о камень. Вылетела из-за камня ошалелая кошка.

Сад. Натка говорит своей помощнице Нине:

— Нина, ужин и линейку ты сегодня проведи без меня.

— А ты?

— Я уйду.

— Далеко?

— Нет. Не очень. *(Пауза.)* Только ты никому не говори, что я ушла из лагеря.

— А ты не ходи.

— Нельзя никак, Нина. Если я не пойду, то я теперь совсем пропала.

НИНА. Все секреты! *(Со вздохом.)* Да они меня без тебя, Натка, не слушаются. Вчера на отдыхе кто-то за косу куклу привязал. А в сандалии цветов натолкали.

— Они тебя любят, Нина.

НИНА *(вздохнув).* Любят-то любят. *(Печально.)* Да ты, говорят, не авторитетная.

НАТКА *(улыбаясь).* Какая?

НИНА *(сердито).* Не авторитетная.

— А ты построже.

— Пробовала построже. Все равно хохочут. Вчера в моем столике полный ящик яблоками натолкали.

— Экая беда, яблоки! Кабы лягушку!

НИНА *(жалобно).* Ой, Натка, и лягушек и кузнечиков уже сажали тоже.

То же место в саду. Пробежал над вершинами кустов фанерный волк, а за ним заяц с ружьем. Это на высоких палках несут макеты ребята.

Потащил ведро с краской и кистью Баранкин.

Пронеслась стайка девчонок в бумажных колпаках и со скакалками.

Тихо выходит Владик. Раздвинул кусты. Низкий домик с открытой верандой. На веранде клетки с кроликами, клетка с лисой.

Вывеска: *Зооботанический кабинет.*

На стене приклеена бумага: *План культработы 4-го отряда на вторую шестидневку.*

Внизу под текстом подпись: *вожатый отряда Н. Шегалова.*

Владик осторожно оторвал последние строчки бумаги, сложил и сунул в карман.

Вошел в дверь. Полки с банками, камни, плакаты, сухие растения. Несколько ребят сидят и наклеивают в папку листья. Ходит дежурный. В углу за спиной сидящих стоят пустые стеклянные бутыли.

ВЛАДИК *(дежурному).* А скажи, дежурный, отчего это у вас лисица подохла?

ДЕЖУРНЫЙ *(подскакивает).* Как подохла?

Выбегает на террасу.

Владик за спиной сидящих быстро схватил бутыль и выставил ее за окно.

Возвращается дежурный и грозит Владику.

Владик вышел. Обошел террасу. Схватил бутыль и скрылся в кустах.

Кран. Бежит слабо вода. Владик ополоснул бутылку и налил воды.

— Пейте, бабушка, на здоровье.

Усмехнулся, отпил глоток, закрыл бутыль стеклянной пробкой.

Ворота у входа в лагерь. Выходит осторожно Натка.

Вход в крепость. Выходят осторожно Баранкин, Алька и Эмка.

Кусты раздвинулись. Пропустил ребят и, крадучись, идет к входу Владик. В ру-

ках· у него наполненная сумка из наволочки.

Темные своды. Горит свеча.

НАДПИСЬ:

Безумец, не поднимай этот тяжелый камень.

Владик поднял камень и положил сумку в углубление. Вышел.

*

Далекий горизонт в тучах. Скрывается за морем солнце.

Стоит Владик. Глянул на море. Посмотрел себе на грудь. Пусто! Точно примеряя, провел пальцем на левой стороне груди кружочек, подумал и провел другой.

На лужайке вдали играют ребята. Терраса. Натка и ее помощница Нина.

НИНА. Где ты вчера была?

НАТКА. Пока не скажу.

НИНА. У Альки секрет, у тебя секрет. Эмка стянула со склада автомобильный гудок. Я спрашиваю, зачем,— молчит. Владик тоже что-то шныряет, как разбойник.

НАТКА. Оставь их. Они что-то готовят к празднику.

НИНА. А ты что готовишь? *(Лукаво.)* Тебя вчера Алькин отец спрашивал.

НАТКА. Беги, Нина. Посмотри, вот там кто-то за козой гоняется. Как бы на клумбу не загнали.

Нина убежала. Тихо подошел к Натке сзади Владик. Натка услышала и обернулась.

— Ты почему не с ребятами?

— Дай мне, Натка, записку. Я сбегаю в порт на пароход и принесу тебе ту книжку, что ты позабыла.

— Не надо. Мне не к спеху. Потом пойду сама и возьму.

ВЛАДИК *(упрямо).* Дай записку. Мне все равно надо в город. Может, мне там на почте есть письмо до востребования.

— Что ты городишь? Какие письма до востребования? Ты барышня, что ли!

ВЛАДИК. Все равно надо. Там в санатории живет один знакомый человек, и, может быть, он уже что-нибудь об отце знает.

— В каком санатории?

ВЛАДИК *(замявшись).* В санатории «Красный... Красный факел», что ли...

НАТКА. Отстань от меня, Владик. Никакого там ни красного, ни синего факела нет. Наверно, какую-нибудь ерунду придумал.

ВЛАДИК. Не дашь?

НАТКА. Не дам.

— Хорошо. Я тогда тебе отплачу тоже.

НАТКА *(усмехнувшись).* Чем же ты мне отплатишь?

— Я расскажу всем, что ты трус. Я на пристани все слышал. *(Отбегает к двери.)*

НАТКА *(вздрогнула).* Постой!

Владик скрылся. Натка подошла к окну. Тихо подошел сзади Алька. Тронул Натку за рукав и осторожно спросил, кивнув на дверь, куда выбежал Владик:

— Он тебя обидел?

НАТКА. Да.

АЛЬКА. Ты на него не обращай внимания. Он сегодня злой. Он и мне сейчас что-то обидное крикнул. А я только улыбнулся. Возьми и улыбнись.

— Нет, Алька, я не могу улыбнуться.

— Сама говоришь — не могу, а сама улыбаешься. *(Помолчав.)* Это ты у меня из-под подушки журнал вытащила?

Слышен горн.

НАТКА *(в замешательстве).* Я.

АЛЬКА. Это вы с папкой сговорились. *(Тихонько смеется.)* Но ты не очень хитрая. Я хитрее. *(Заглянул в окно.)* Идем, это трубят сбор. А хорошая у нас жизнь, Натка. Жаль только, что уже нет мамы.

*

Идет спешная работа в крепости. Могучий танк почти готов. Эмка гудит в автомобильный гудок. Кругом мусор, щепки, ведро с краской.

АЛЬКА. Неужели докончить сегодня не успеем?

ЭМКА. А мы доделаем завтра.

АЛЬКА. Завтра нельзя. Завтра будет взрыв, и из лагеря никого не выпустят.

ЭМКА. А мы потихонечку, ненадолго.

АЛЬКА. Нет, уж мы лучше как-нибудь у Нины отпросимся.

БАРАНКИН *(с негодованием).* Взялись работать вместе, а Владька пропал! Его-то, положим, не жалко,— колбасу жалко.

ЭМКА. Ничего. Мы какое-нибудь мясо от обеда стянем.

Выходят из крепости. Алька показывает через горы на торчащую скалу.

— Вон там озеро, там папа. То-то завтра грохнет...

Закат. Крепчает ветерок. С большой охапкой разноцветных лент для праздничных костюмов идет Натка. Ленты трепыхаются, окутывают ее платье и плечи. Поворот. На повороте встреча с Алькиным отцом. Поздоровались.

НАТКА *(показывая на горы).* У вас все готово?

ГАНИН. Готово. Смотрите, завтра в ту сторону никого из ребят не пускать.

НАТКА. Уже сказано. *(Вынимает из кармана и протягивает ему свернутый в трубку журнал.)* Возьмите.

Идут вместе. Ленты задевают идущего с Наткой рядом Ганина.

НАТКА *(останавливаясь).* Мы вас ждем к празднику. Ребята с Алькой что-то готовят.

— Что?

— Не знаю. Говорят, военная тайна.

Идет спешная работа в крепости. Могучий танк почти готов.

ГАНИН. Приду.

Разворачивает журнал и с удивлением смотрит на Натку...

Натка не понимает.

КРУПНО: **Журнал, и в нем на месте портрета большая квадратная дыра. Портрет вырезан.**

*

Сжав кулаки, Владик стоит один у скалы на берегу моря. Неспокойно синеет море.

НАДПИСЬ: **Завтра взрыв. Завтра праздник. Завтра уходит в Испанию пароход.**

*

Утро. Терраса. Шум, гам, трубят трубачи, бьют барабанщики. Ребята примеряют маскарадные костюмы.

Сидит страшная, носатая рожа Бабы-Яги. Сняла маску — под ней хорошенькое, улыбающееся личико.

Маленький мальчуган в полной форме генерала с орденами плачет. У него разорван на животе бумажный мундир.

Напротив него стоит, нахохлившись, такой же малыш в форме красного кавалериста с саблей. Это виноват он.

Всплеснув руками, подбежала Нина.

НИНА *(грозно)*. Это что за война?

КАВАЛЕРИСТ *(хмуро)*. А пусть белая банда на нашу территорию не лезет.

НИНА *(хватая за саблю)*. Отдай саблю.

КАВАЛЕРИСТ. Красные умирают, но не сдаются.

НИНА. Ну, умирай, пожалуйста.

Кавалерист, не выпуская сабли, падает спиной на пол и в предсмертных судорогах дрыгает ногами.

НИНА *(в ужасе)*. Встань сейчас же, костюм испортишь!

КАВАЛЕРИСТ. Я умер.

Он притих и высунул язык.

Кто-то тронул Нину за плечо. Нина обернулась. «Мертвый» кавалерист подскочил и задал ходу. Перед Ниной Алька. Поодаль Эмка и Баранкин.

НИНА. Что тебе?

АЛЬКА *(хитро и ласково)*. Нина, ведь ты у нас помощница вожатой отряда?

НИНА *(одергиваясь и приободряясь)*. Да, я помощница.

АЛЬКА. Ведь если нам что-нибудь нужно, мы должны у тебя спрашиваться?

НИНА *(гордо)*. Да, конечно, у меня надо спрашиваться. *(С досадой.)* Только у меня никогда никто... *(Спохватилась.)* Да, у меня все всегда спрашиваются.

АЛЬКА. Можно, мы сегодня к празднику чуточку опоздаем? Мы даже не опоздаем, мы придем прямо на площадку.

НИНА. Спросите лучше у Натки.

АЛЬКА. Что же у Натки? Ты ведь и сама начальник.

НИНА *(заколебавшись)*. Я подумаю.

АЛЬКА. Ну, подумай.

НИНА *(подумала)*. Нет, нельзя.

АЛЬКА. Вот и хорошо, что можно. Ах, какой ты замечательный начальник! *(Оборачиваясь к Баранкину и Эмке.)* Я же говорил, что если попроситься, то пустит. А не спросившись, разве уходить можно?

НИНА *(в замешательстве)*. Да, но сегодня из лагеря с шести часов никому отлучаться не велено.

АЛЬКА. Да мы не из лагеря и ни с места. Мы тут... рядышком. Значит, пустила. *(И, не дождавшись ответа, убегают.)*

Нина одна. Показывает пальцем в сторону убежавших ребят.

— Спрашиваются. *(Пауза.)* Значит, авторитет все-таки есть.

*

Владик. Он неспокоен. Передразнил какого-то мальчишку, нырнул в кусты. Подбегает к открытому окну низкого домика. Осторожно заглядывает.

Маленькая канцелярия. Сидит суровая машинистка. Сбоку старый грозный бухгалтер.

Часы показывают без пяти два.

Машинистка говорит нараспев:

— Уже без пяти два.

Владик осторожно вынимает из окна шпингалет и прячется в кусты.

Часы показывают и бьют два.

Машинистка томно пропела:

— Уж два. Пора обедать.

Тяжело отдуваясь, поднялся бухгалтер. Машинистка закрывает окно. Шпингалета нет. Открывает опять и, перегнувшись, смотрит на землю. Шпингалета нет. Покачала головой. Сердито захлопнула окно.

Бухгалтер и машинистка выходят. Дверь заперли на ключ.

Вылезает Владик. Открыл окно. Влез. Вставил шпингалет. Задернул занавеску. Подошел к машинке. Тронул рычаг. Каретка машинки рванула влево. Вздрогнул Владик. Вставил конверт. Печатает одним пальцем. Вынул конверт и посмотрел.

Капитану Шегалову.

Вставил бумагу. Печатает: *«Дорогой дядя, передай книжку, которую я у тебя позабыла, этому мальчику...»*

Неожиданно звонит телефон. Владик вздрагивает. Телефон звонит снова. Владик, который боится, как бы звонок не услышали снаружи, подходит, снимает трубку и говорит писклявым машинисткиным голосом:

— Я вас слушаю.

Кабинет начальника порта. Трубку держит капитан Шегалов.

— Это кто? Машинистка? Будьте добры, передайте вожатой Шегаловой, что звонил ее дядя. Погрузку кончаем, и пусть она приходит обязательно.

В канцелярии. Владик. Говорит писклявым голосом:

— Хорошо. Я передам.

Вешает трубку. Бросается к машинке и печатает: *«А прийти сегодня, к сожалению, никак не могу. У нас пионерский праздник, и я занята».*

НАТКА *(говорит Нине)*. Нина, сейчас передали, что взрыв будет не в шесть, а в пять. Предупреди всех. Особенно звено Владика. Ну что ты на меня глаза вытаращила! Я побегу в штаб лагеря.

Бежит Нина по тропке и кричит:

— Владик!

Остановилась. Попался ей навстречу мальчуган.

НИНА. Ты не видал Владика Дашевского?

МАЛЬЧИШКА. Я с ним не вожусь. Он мне вчера показал фигу.

— Ну, ладно, не водись. Но ты его видел?

— Видел недавно. Вон там.

Нина побежала. Тропка. Кусты. Окно в канцелярию. Нина останавливается и прислушивается. Щелкает машинка. Занавеска задернута.

Нина кричит через окно:

— Марья Петровна, к вам пионер Владик Дашевский не забегал?

Писклявый голос из-за занавески:

— Нет, не забегал. Оставьте меня в покое.

Владик кончает печатать. Прочел. Развернул бумагу, сорванную им со стены возле зоокабинета, подложил копирку и перевел фамилию Натки. Посмотрел. Прищелкнул языком. Положил в конверт. Вылез.

Входят бухгалтер и машинистка. Машинистка идет открыть окно. Увидала, что

шпингалет на месте. Лицо ее выражает крайнее недоумение.

Бежит Владик. Выронил письмо. Как коршун, налетела откуда-то сбоку и подхватила письмо Нинка.

ВЛАДИК. Отдай сейчас же.

НИНА. Нет. Скажи сначала, где твое звено.

ВЛАДИК *(нетерпеливо)*. Два человека в хоровом кружке. Два в танцевальном.

НИНА. А еще три? Где Алька, Эмка, Баранкин?

ВЛАДИК *(неопределенно крутит рукой)*. Они... они тут!

НИНА *(сердито передразнивая, крутит рукой)*. Тут ничего нет. Сейчас же беги и вызови их на площадку. Скоро взрыв. А письмо получишь, только когда с ними вернешься. *(Повернулась и пошла. Самодовольно улыбнулась и сунула письмо в карман.)* Теперь вернется живо!

Злоба и страх перекосили лицо Владика. Вот он что-то придумал и погрозил ей пальцем.

Идет Нина. Навстречу ей попадается малыш. Вплоть до подбородка он нагружен яблоками. Споткнулся. Яблоки рассыпаются, раскатились. Подошла Нина. Письмо у нее торчит из кармана. Наклонилась, собирая яблоки. Одно яблоко закатилось под куст, потянулась за ним. Вдруг из-за куста высунулась рука, тихо цапнула у Нины из кармана письмо и исчезла.

Во дворе крепости. Танк движется вперед. Поворачиваются башни с пушками. Алька, Эмка и Баранкин довольны. Вдруг танк остановился и зарычал.

АЛЬКА. Что это? В моторе перебои?

Танк зарычал еще злобнее, подпрыгнул, залаял и бросился к входу. Стоит спиною к стене застигнутый Владик.

ЭМКА *(сердито)*. Ты куда пропал? Где колбаса?

ВЛАДИК. Съел. Уходите отсюда. Зовет Натка.

ЭМКА. А не врешь?

Баранкин привязывает к палке бечевку. Алька поднимает топор. Эмка — молоток... Хотят идти. Оглянулись: Владика нет. Обернулся Алька и видит, что Владик шмыгнул в крепость.

АЛЬКА. Он что-то хитрит! Нам говорит — уходите, а сам прячется.

Баранкин быстро привязывает танк веревкой к кусту у входа. Ребята крадутся за Владиком.

Танк на привязи. Объектив поднимается. Вдалеке видна уже знакомая нам вершина скалы.

Владик зажег свечу.

Штаб взрыва у озера. Углубление с укрытием для динамо-машины. Горн играет тревогу. Бегут люди. Инженер Ганин подходит к взрывной кнопке.

Владик в башне. Зажег свечу.

НАДПИСЬ: **Безумец, не поднимай...**

Вдруг Владик услышал шум. Задул свечу и, выбежав на свет, в другую комнату столкнулся с ребятами.

АЛЬКА. Почему же это нам уходить, а сам ты не уходишь?

ВЛАДИК. Не твое дело. Живо отсюда марш! Или я отберу у вас собаку. Она моя.

Подходит к Альке.

АЛЬКА. Врешь! За последние дни ты ее даже не накормил ни разу. Что ты без нас задумал?

Владик сжимает кулаки.

БАРАНКИН *(мрачно Владику)*. Но, но, не лезь! А то я не посмотрю на то, что ты с палкой.

Эмка подскакивает со скрюченными пальцами.

— А я за него царапаться буду.

Владик, отступая, говорит:

— Трое на одного!.. *(Альке.)* Ты трус. А что я задумал, то и сделаю!

Алька презрительно улыбнулся.

Раздается далекий сильный удар. В страхе замерли ребята. Это взрыв.

Дым. Пыль. Рухнула вершина. Упало дерево. На какой-то скале покачнулся и обвалился тяжелый камень. Хлынула вода. Ползет могучий мутный поток.

*

КРУПНО: **Обернувшись лицом к темному дымному облаку, три девчонки и трое мальчишек звонко трубят в блестящие фанфары победу.**

С треском и блеском разворачивается лагерный праздник.

Песни. Марши. Карнавал. Пляски.

Пришли летчики. Их окружил веселый хоровод. И куда бы смущенные летчики ни двинулись, тесно сомкнувшееся кольцо следует за ними.

В толпе Натка. Натка сегодня приоделась. В волосах у нее цветы.

НАТКА. Но где же Алька?

Идет праздник. На площадке возникают стройные пирамиды.

В уголке две нетерпеливые девчурки-цыганки вот-вот готовы ринуться в пляску.

Спрашивает у них Натка:

— Вы не видали Альку?

ЦЫГАНКИ. Не мешай, не видали.

НАТКА *(мальчугану)*. Беги поищи Альку. Скажи, что вон его отец идет.

МАЛЬЧУГАН *(весело улыбнулся)*. Сейчас найду.

Выскочили в круг и завертелись цыганки.

Кто-то положил Натке на оба плеча тяжелые руки. Пробует Натка обернуться, но не может.

НАТКА *(строго)*. Кто балует?

Шегалов быстро поворачивает ее лицо к себе.

— Я. Приказано утром принять грузу еще пять вагонов. *(Показывает на море.)* Видишь, судно отошло и стоит на рейде.

НАТКА *(поежившись)*. Дядя, у тебя лапа, как у белого медведя. Ты как сюда догадался прийти?

КАПИТАН ШЕГАЛОВ. Не пришел, а приплыл. Вон уходит мой катер.

НАТКА. Он за тобой вернется?

— Если вызову, то вернется.

— Да... Но как же ты его вызовешь, если твое судно стоит на рейде?

Далеко в море виден корабль.

ШЕГАЛОВ *(с усмешкой)*. Покричать можно. У меня голос *(показывает басом)* ого-го.

Вот показался Сергей Ганин. Бьют и сверкают сильной струей фонтаны. Ганина приветствуют шумными возгласами.

ШЕГАЛОВ *(Натке)*. Это еще что за победитель?

Подошел Ганин к Натке, поздоровался. Взглянул на Шегалова.

Изумленное лицо Ганина, и такое же изумленное у Шегалова. Протянули друг другу руки.

Еще более изумленное лицо Натки.

НАТКА. Но постойте. Где вы уже познакомились?

Одновременно Шегалов показывает на орден Ганина, а Ганин на орден Шегалова.

НАТКА. На фронте? Но чего же вы оба молчите?

ШЕГАЛОВ *(Ганину)*. Киев помнишь?

ГАНИН. Еще бы! *(Шегалову.)* А Одессу помнишь?

ШЕГАЛОВ *(похлопывая себя по загривку)*. Еще бы! А давно ли... *(Задумавшись.)* Нет, давно... *(Недоуменно показывает на танцующих ребят.)* Новые люди выросли.

ГАНИН. Постой. Я тебе покажу сейчас моего сына. *(Нетерпеливо оборачивается, но Альки нигде не видно.)*

НАТКА *(смущенно)*. Он где-нибудь тут прячется. У них же тайна. Погодите... Я сейчас.

В сторонке мальчуган-генерал под охраной двух конвоиров. Мальчуган-кавалерист обеспокоен.

КАВАЛЕРИСТ. Куда они пропали? Сейчас уже начнется военный парад.

Бежит Натка. По дороге в нее бросили бомбу конфетти. Она сердито отряхнула волосы.

НАТКА. Нина, уже темнеет. Где ребята? Где Алька?

НИНА. Я их ненадолго отпустила. Я послала за ними Владика. Вот и письмо! *(Она сунула руку в пустой карман и разводит руками.)*

— Но куда же ты их отпустила?

— Не знаю! Где же письмо?

На Нину и Натку накидывают ленты серпантина.

Натка сердито рвет ленты и кричит:

— Какое письмо? Как не знаешь? Ты должна знать!

Маленькие танцорки — матрешки и китаянки, которые, репетируя выступление, плавно покачивались, с недоумением обернулись.

Одна матрешка говорит китаянке:

— А вдруг они убежали смотреть взрывы?

НАТКА *(Нине)*. Отряди человек пять. Найти сейчас же! Что за глупости!

— Ты не бойся. Он пробьет окно, и мы выберемся.

С веселыми лицами нырнули в кусты один гонец, другой, третий.

Идет праздник. Танец матрешек. Танец китаянок. Общий танец.

Сергей и Натка пробираются через толпу. Подбегает гонец. Потом другой.

— Нигде нет.

— Не нашли, Натка.

Натка хмурится. Ударил первый залп ракет.

Вдруг шум, крики.

— Это они... это они...

— Нашлись!

Обрадованный Сергей, Натка и Шегалов бросаются к площадке.

Катит, ворочая башнями, танк. Все хохочут.

НАТКА *(Сергею)*. Ну, вот видите, что они придумали.

Вдруг замолкает Натка. Видно, что за танком волочится веревка с обломком ветки.

Танк окружают. Сзади танка большая рваная дыра. Внизу танка красное пятно.

Испуганно говорит китаянка матрешке:

— У танка кровь! Танк ранен!

Подбегает третий гонец.

— Их нигде нет, Натка.

Подбегает горнист.

— Натка, трубить тревогу?

НАТКА. Не надо. Тише. Где начальник лагеря?

С треском взрывается второй залп ракет.

Танцуют в сторонке три девчонки. Рядом малыш-кавалерист и малыш-генерал.

ГЕНЕРАЛ *(в страхе)*. Пропали?

КАВАЛЕРИСТ. Пропали.

Замахивается саблей на танцующих девчонок.

— Стойте, глупые! Чего скачете!

Гаснут в небе ракетные звезды.

Баранкин с силой бьет по камню, так что отлетают искры.

Выбегает с фонарем человек. Свернул направо. Выбегает другой. Накинул плащ-дождевик. Свернул налево. Вылетел из ворот один кавалерист, за ним другой. То мелькнет, то спрячется за тучи луна. На море шторм.

Луна озаряет угрюмые развалины крепости и то место, где играли строившие танк ребята. Знакомая ограда. Но низкий вход завален тяжелым камнем. Валяются осколки. Куст, к которому был привязан танк, надломлен. Разбитая надвое вывеска. Остаток надписи: «нковый завод».

Внутри крепости. Перехватив колени руками, сидит и тихо плачет Эмка.

Баранкин, топором расширяя узкое окошко бойницы, отбивает по кусочку камешки.

Насупившись стоит Владик и смотрит вверх. Наверху трещина и какая-то дыра. Нависли камни. Посыпалась струйка земли. Все шатко, непрочно и опасно.

АЛЬКА *(подходит к Эмке)*. Ты не бойся. Он пробьет окно, и мы выберемся.

Баранкин с силой бьет по камню, так что отлетают искры. Трах... Топор сломался.

Баранкин с досадой бросил его на землю и пробует просунуться в дыру. Нет, никак. Пробует Владик — застревает.

АЛЬКА. Пустите меня. *(Лезет)* Если бы еще чуть-чуточку!

Баранкин подымает сломанный топор и неловко бьет по камню.

Старик садовник с фонарем в горах.

Всадник сошел с коня и прислушался.

Сергей и Натка в горах. Рвет волосы ветер.

Бьет по камню Владик. Устал. Бросил. Лезет в дыру Алька. Ура! Пролез.

Обрадованная Эмка кричит в бойницу:

— Беги в лагерь, да поскорее!

Но... Мы видим Альку, стоящего на крохотной площадке над обрывом. По бокам скалы. Внизу море.

Алька попробовал шагнуть по уступу вправо, где скала не так отвесна. С шумом покатились мелкие камушки. Алька отшатнулся к стене и замер.

Опять Алька в крепости.

— Там пропасть. Крутые скалы. Мне не пробраться.

Сидит в уголке и, обхватив колени, тихо плачет Эмка.

Баранкин, тяжело дыша, вытирает совершенно мокрый лоб. Рука его уже перевязана тряпкой. Сыплется сверху земля.

Человек с фонарем встречает капитана Шегалова.

— Что, нет?

— Нет. Не видно и не слышно.

Ночь. Палата. Горит огонек. На цыпочках мечется от окна к окну Нина. Вскакивает спросонья какая-то девчонка. Бормочет:

— Ну, что? Нашли?

Подскочила Нина, укладывает ее.

— Спи! Спи!..

В крепости. Уснули на земле измученные ребятишки. Не спит только Эмка. Она смотрит на Альку. Алька во сне что-то гневно бормочет. Эмка в страхе потянула его за рукав и шепчет:

— Алька, проснись! Ты видишь плохой сон.

Алька приоткрыл глаза и закрыл опять.

Теперь мы видим Алькин сон. Слышна музыка той самой песенки, которую пели когда-то пионеры:

Ты в плену, окончен бой.
Под тюремною стеной
Ходит мрачный часовой.
Стой. Стой. Стой.

Над отверстием бойницы возникает железная решетка.

Стиснув губы, милый брат,
Ты не выдашь свой отряд.

У решетки возникло лицо той самой женщины, портрет которой мы видели в Алькином журнале. Музыка песни идет дальше без слов.

Алькино лицо. По губам видно, что он прошептал «мама».

Опять сон. Песня...

Крикнешь ты врагу в упор,
Что ни пытка, ни топор,
Ни железо и ни кнут
Нас не сломят, не согнут.

Огонь. Взрыв. Решетка исчезла. Из окна открывается вид на светлое, все в солнечных бликах море, на котором стоит удивительный, весь в звездах, корабль.

Алька во сне кричит:

— Мама!.. Беги, мама!..

В страхе дернула Эмка Альку за плечо. Проснулся Алька и быстро спросил:

— Она убежала?

ЭМКА. Кто она?

Опомнился Алька, протер глаза, осмотрелся. Видит он: спят измученные Баранкин и Владик; притихла в уголке Эмка. Постоял Алька и решительно подошел к окну.

ЭМКА. Ты куда?

Горькая улыбка скользнула по Алькиным губам. Он еще раз глянул на своих товарищей и тихонько пробормотал:

Стиснув губы, милый брат,
Ты не выдашь свой отряд.

Обернулся к Эмке.

— Сиди тихо. Не буди их. Я только вылезу и посмотрю...

Алька на крохотной площадке. Теперь лицо его серьезно и сосредоточенно. Осторожно пробирается. Остановился. Перед ним угрюмо темнеют острые скалы.

НАДПИСЬ:

Вперед, товарищ, путь далек
Перед тобой во мраке лег.

Теперь мы видим Альку, осторожно пробирающегося по кручам. Часто он останавливается, передыхая, и ждет, когда вынырнет из-за туч луна. Вот он чуть-чуть не сорвался. Удержался за куст.

В крепости. Удар... Упал сверху большой камень, за ним, вздымая пыль, посыпались песок и щебенка.

Вскочили ребята. В страхе жмутся и заглядывают в бойницу. Но темно и ничего не видно.

ЭМКА. Он сорвется! Он погибнет!..

ВЛАДИК. И мы тоже!

Алька поскользнулся и полетел вниз. Но вот он поднялся. Он на берегу. Прихрамывая, пошел он вправо вдоль узкого берега под скалами.

Вот площадка пошире. Здесь навален сухой кустарник. Но встала скала и преградила ему путь. Теперь мы видим, что Алька очутился в ловушке. Он находится как бы в маленькой бухточке с крутыми навесами, и его ниоткуда с берега не видно. Сел и прислонился к стене. Теперь нам видна узкая каменная гряда, которая уходит далеко в море. На конце гряды большой, похожий на островок камень.

НАДПИСЬ:

Стиснув губы, милый брат,
Ты не выдашь свой отряд.

Подняв на плечо перевязанную ремешком охапку хвороста, Алька по пояс в воде пробирается от камня к камню. Шатается. Остановился у одного камня и опустил голову.

*

Штаб лагеря. Телефон. Кто-то вызывает.

— Плотина. Ну, что? *(Положил трубку и качает головой.)*

Топот. Подскакал к воротам отряд конной милиции.

Сергей и Натка. Остановились. В глубоком отчаянии опустила Натка голову и села на камень. Ганин отошел. Сидит Натка, опустив голову, и ничего не видит. А между тем далеко внизу вспыхнула маленькая светящаяся точка. Вот она заблестела ярко, ярче... Натка открыла глаза. Вдруг она увидела и вскрикнула:

— Огонь! Кто-то внизу зажег огонь!

Смотрит Ганин в бинокль. Но пока видно только слабо полыхающее пламя костра.

Бросаются вперед. Где-то бегут, где-то карабкаются. Стоп. Под ногами обрыв. Теперь в бинокль хорошо виден костер на камне и возле костра чей-то силуэт.

ГАНИН. Это Алька. Это он зажег костер. Стойте здесь. А я назад за лодкой.

Измученный Алька лежит у костра. Дышит тяжело. Костер еле горит. Алька понемногу подкидывает маленькие щепочки. Вот он вынул из бокового кармана и бросил в костер карандаш. Посмотрел, подумал и бросил спичечную коробку. Ярко вспыхнула коробка. Развернул Алька какую-то бумагу. Смотрит. На нем уже знакомый нам вырезанный из журнала портрет темноволосой молодой женщины. Алька бормочет:

— И ей тоже было нелегко.

Бросаются к лодке рыбаки. Среди них Алькин отец. Но мешают спустить лодку волны.

Небо. Огромная туча быстро надвигается на луну.

Лодку опрокинуло.

Тухнет костер. Он горит совсем уже слабо. Натка с тревогой смотрит на исчезающую луну.

КРУПНО: **Ее взволнованное лицо.**

Совсем чуть-чуть мерцает костер.

Натка кричит гневно:

— Я прыгну с самолета хоть тысячу раз!

Подбежала к обрыву и бросилась вниз в воду.

Плывет Натка. Небо. Последний проблеск луны. Навалилась туча. Тьма.

Опять рыбаки пробуют столкнуть в море лодку. Не выходит. Вдруг на уступе над берегом взмахнули и заметались огни.

Стоит капитан Шегалов и подает факелами по семафору сигналы.

В той стороне, куда он смотрит, тьма и лишь чуть видны судовые огни.

Быстро мелькает огненный семафор. Тьма.

Вдруг яркой вспышкой ослепил и начал точками-тире отвечать прожектор.

Шегалов кричит вниз огромной силы голосом:

— Эй, на берегу! Спокойнее! Сейчас придет катер!

Лежит Алька. Вспыхнула в костре последний раз какая-то веточка. Алька лежит с закрытыми глазами. Вылезла на камень и подошла к нему Натка. Алька открыл глаза. Увидал ее. Обессиленный и усталый, но так же, как всегда (это я подчеркиваю), он улыбнулся и спросил:

— Это ты за мной приплыла? *(Пауза.)* Мы все целы, но они там.

Показывает на скалу. Костер тухнет. Тьма.

Мчится по волнам моторная лодка. В лодке фонари. Ганин, матросы. Глядят на берег люди, но кругом темно.

ВСТАВШИЙ ШЕГАЛОВ *(Ганину)*. Где же огонь? Может быть, это были ваши с фонарями?

ГАНИН. Нет, это был костер.

КАПИТАН ШЕГАЛОВ *(рулевому)*. Держи левее, здесь опасно. *(Глядит на небо.)* Проклятая темнота!

Вдруг совсем недалеко ярко вспыхивает огонь.

Камень на море. Натка бросает в костер целые кипы хвороста. Рвет ветер. Натка с Алькой в свете пламени смотрят на подплывающую лодку.

Обратный путь. Ганин держит Альку. Прижалась к нему продрогшая, мокрая Натка. Вышла луна. Проплывают под скалой, с которой бросилась Натка. Сергей Ганин посмотрел на скалу. Перевел взгляд на Натку.

Капитан Шегалов усмехнулся.

— Что и говорить. Прыжок был смелый!

Дымные факелы. С топорами и ломами рабочие разваливают вход в крепость. Среди них Алькин отец.

Ночь. Палата. Мечется от окна к окну Нина. Мелькают вдалеке светлые точки.

Вскакивает девчонка и спросонья бормочет:

— Ну, что? Нашли?

Подбежала Нина. Она и смеется и плачет.

— Да, нашли, нашли! Ну спи же, спи!..

*

Утро. По коридору целыми ватагами носятся ребята. Все возбуждены. Всех разбирает любопытство. Один другому:

— Их нашли под землею? Они там искали клад?

— Нет, их нашли в башне. И никакого клада они не искали.

— А что?

— А то...

Окружили Баранкина. Баранкин сконфуженно отмахивается. Кто-то из ребят у него спрашивает:

— Нет, ты расскажи, там было интересно?

ЭМКА *(сердито)*. Сядь сам, тогда узнаешь, как интересно.

Слышна команда:

— Становись на линейку!

Рабочие с ломами сидят у входа в крепость и перекуривают.

Линейка. Идет Натка. С нею Алька. Рука у него на перевязи.

Ребятишки кричат «ура» и хлопают в ладоши. Выскочила из строя и заскакала обрадованная Эмка.

Подбежала Нина, сунула Эмку в строй. Эмка скачет и в строю.

Рабочие у крепости поднимаются и берутся за лопаты.

ПЕРВЫЙ. Ну, давайте начинаем.

ВТОРОЙ. Постойте, надо посмотреть, не забыли ли мы чего внутри.

Лезет в дыру.

Линейка. Заканчивает Натка:

— ...Так что вы теперь сами видите, как плохо могло бы окончиться это дело. А пока забудем о нем. Сегодня уходит с подарками испанским детям наш пароход, и на-

чальник лагеря разрешил идти нам его провожать.

Владик крикнул из строя:

— Но разве он не ушел еще вчера?

— Нет, задержалась погрузка.

Терраса. Владик подходит к Натке. В руках у него книга.

ВЛАДИК. Я не пойду в порт.

— Почему?

— После вчерашнего я себя плохо чувствую.

— Но что ты один будешь делать?

— Я лягу и буду читать.

НАТКА *(подумав)*. Ну, читай.

Владик под кустом лежит и читает.

Ребята надевают сандалии. В руках у них панамы и палочки.

МАЛЬЧУГАН *(обращаясь к Нине)*. Нина, можно, я пока сбегаю к фонтану?

НИНА. Нет, нельзя, никуда нельзя.

ДРУГОЙ. Нина, можно, я сбегаю поищу себе палку?

НИНА *(с отчаянием, оглядываясь)*. Ой, где Натка? Нет, нельзя, никуда нельзя.

Подлетает Эмка:

— Нина, можно, я тебя поцелую?

НИНА *(кричит)*. Нет, нельзя, нельзя, нельзя!.. *(Пауза.)* Можно. *(Усмехнувшись.)* Однако придется мне подать рапорт об отставке. Сердце у меня мягкое, неавторитетное...

Читает Владик книгу.

КРУПНО: **Теперь мы видим, что Владик ничего не читает, а глаза его бегают. Вот он сунул книгу и шмыгнул в кусты.**

Пробирается к крепости. Стоп. Пусто. Вход наглухо завален. Владик плюнул.

Отряд строится. В сторонке Сергей и Натка.

НАТКА. Вы с нами идете? Это хорошо, вы мне будете нужны.

ГАНИН. И вы мне тоже. Я вам должен что-то сказать.

НАТКА *(весело командует)*. Напра-во! Шагом!..

Из-за кустов выходит рабочий и идет прямо к Натке. В руках у него сумка.

НАТКА. Это что такое? *(Командует отряду.)* Отставить.

РАБОЧИЙ. Не знаю. Нашли в крепости.

Натка достает колбасу, достает буханку, достает письмо, увидала адрес: «Капитану Шегалову». Удивилась, распечатала. Нахмурилась.

— Глупый! Испанские дети едут оттуда к нам, а он задумал бежать в Испанию. *(Командует.)* Шагом... марш!..

С песней о юном барабанщике отряд дружно зашагал по дороге.

Но вот крик:

— Почтальон идет, почтальон!

Отряд остановился. Натка берет у почтальона письма.

— Не разбегаться. Письма я раздам на месте.

Заглянула ей Нина через плечо. Обернулась к ребятам и говорит:

— Владику Дашевскому письмо. А онто с нами и не пошел.

В порту идет митинг. Толпа. Грузятся последние ящики с надписями: «Масло, яйца, колбаса». Опускается огромный крюк на стальном тросе. Снизу кричат:

— Все!.. Конец!..

Подбегает девчурка и вешает на огромный крюк маленькую куколку, которая держит в руках красный флаг. *(Смех.)*

Команда:

— Вира помалу!

Огромный крюк взмахнул куклу вверх, повернулся тяжелый кран и опустил куклу на руки капитану.

Гремит музыка. Капитан идет на мостик. Третий гудок.

Вбегает запыхавшийся Владик.

НАТКА. Почему же ты не остался читать книгу?

ВЛАДИК. Раздумал. *(Хочет отойти.)*

НАТКА. Стой здесь.

— Почему здесь?

*По пояс в воде
Алька перебирается
от камня к камню.*

— Стой здесь, Владик. Мы уже все знаем. Возьми... Тебе от отца письмо.

Музыка. Крики «ура»..

Жадно читает Владик письмо. Улыбнулся. Поднял голову. Трап уже убрали. Смотрит на фотографию, вложенную в письмо.

КРУПНО: **Отец Владика в форме солдата республиканской армии.**

Отряд.

НАТКА *(Владику).* Так твой отец уже не в плену?

ВЛАДИК. Нет. Его отбили, и он уже в польско-итальянском антифашистском батальоне.

НАТКА. Отец твой жив, а корабль ушел, и никуда тебе бежать не надо. Живи с нами.

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС. И не задавайся.

ВЛАДИК *(гневно).* Кто говорит «не задавайся»? У меня отец — герой, а у тебя кто? *(Увидал Альку.)* А ты что нахмурился? Ну, говори?

Алька резко протягивает ему уже знакомую нам фотографию.

Теперь можно уже наконец разобрать как следует лицо этой молодой смуглой женщины с распущенными косами.

ПОДПИСЬ: **Марица Маргулис, болгарская коммунистка. Присужденная к вечной каторге, она дважды бежала из крепости. Три года тому назад она была снова схвачена и после тяжелой пытки убита.**

Алька смотрит в лицо Владику и говорит ему:

— Это моя мама.

Владик отвернулся.

НАТКА *(Владику).* Ты слишком часто думаешь только о себе, Владик. Настоящие герои так ли делают? Посмотри хотя бы на Альку.

ВЛАДИК. Что же на Альку? Ты-то на себя посмотри. А ты смелая?

НАТКА. Да.

ВЛАДИК. Это неправда.

НАТКА. Ты уже опоздал, Владик. Теперь — правда. *(Оборачивается к Нине.)* Нина, я оставляю с собой Владика и Альку. А отряд ты отведешь в лагерь сама.

НИНА *(испуганно).* Ой, Натка! Но я же хотела подавать в отставку!

*

Аэродром. В строю парашютисты. Среди них Натка. Сбоку Ганин, Алька и Владик.

ИНСТРУКТОР. Следующий прыгает Попов, потом пойдет Шегалова.

Небо. Самолет. Точка. Купол.

ИНСТРУКТОР. Шегалова, ты не волнуешься?

Гордо качнула головой Натка.

Снизился самолет. Вошла Натка в кабину. Разбежался и улетел самолет.

Ганин, Алька и Владик смотрят.

Кружит самолет. Точка. Купол.

АЛЬКА *(задумчиво).* Прыгнула. *(Повернулся к отцу.)* Я ее что-то очень люблю, папа.

Бегут ей навстречу. Окружили.

Натка и Ганин. Ганин крепко сжимает ей руку.

НАТКА. Вы, кажется, хотели мне что-то сказать?

ГАНИН *(обернувшись на ребят).* Потом... Не сейчас...

НАТКА. Это тайна?

ГАНИН. Тайна.

НАТКА *(лукаво улыбнувшись).* Военная?

ГАНИН. Нет.

*

Режет волны большой пароход.

КРУПНО: **Раскачивается на ветру, взмахивая флагом, маленькая кукла.**

Скала. На скале, провожая уходящий пароход, стоят и машут руками ребятишки.

Три девчонки, трое мальчишек, высоко подняв блестящие фанфары, трубят победу.

* *

В папке, где был найден сценарий, лежала и еще одна страница: советы А. Гайдара режиссеру-постановщику. Вот они.

Несколько замечаний

Больше всего я не хотел бы, чтобы переигрывали. Слащавость может испортить все.

Это особенно относится к Натке и Альке.

АЛЬКА — правдивый, нервный, но сдержанный ребенок. Говорит он несколько медленно, причем всегда смотрит прямо в глаза. Задает ли он вопрос, отвечает ли — он всегда уверен, что так надо.

В нем нет самоуверенности Владика. Но он ребенок гордый, в хорошем, советском понимании этого слова.

ВЛАДИК — этот несколько заносчив, самоуверен, находчив; он привык командовать, что ему, однако, не всегда удается. Владик говорит с легким польским акцентом, главным образом не всегда на месте делая ударения.

БАРАНКИН — хороший крепыш. Работник. Изобретатель. Он не очень разговорчив, добродушен, любопытен.

ЭМКА — веселая попрыгунья, башкирка. Быстро ссорится и мирится. Когда она привяжется, от нее нелегко отстать. Она плохо говорит по-русски, но это ее нисколько не смущает.

Она твердо уверена в том, что Советская власть создана для того, чтобы всем ребятам, в том числе и ей, можно было побольше играть и повеселее баловаться.

ГАНИН СЕРГЕЙ — человек с орденом. На левом виске шрам. У него большая выдержка. С Алькой он держится, как с равным. Вообще у них

с Алькой есть в характере черты сходные. Но улыбка у них разная.

НАТКА ШЕГАЛОВА — только что выросла. Человек она умный. У нее есть чувство легкой иронии, и оно проявляется не только по отношению к другим (что встречается часто), но и к самой себе.

Она культурная советская девушка — такая, каких сейчас еще не так уж много, но зато через три-четыре года будет уйма.

НИНА — угловатый подросток. Она сама еще пионерка. Очень не прочь сама побегать и побаловаться, но, вспомнив о своем «начальственном» положении, принимает важный вид. Ее любят, но слушаются не очень.

Остальные фигуры — эпизодические.

Л. ЯХНИН

ГОРОД У МОРЯ

Тихий приморский
Маленький город
На круче над морем повис.
Одни переулки
Взбираются в гору,
Другие — спускаются вниз.

По склону горы
Разноцветные крыши
Низеньких белых домов
Шагают ступеньками
Выше и ниже,
Над головами садов.

Большие горшки
На плетеном заборе,
И мягкие тени на них.
Сбежишь по дорожке,
И вот оно, море!
И в воду с разбегу —
Бултых!

Л. МОЧАЛОВ

НАШ ДОМ

Пускай мы домой еще не пришли,
мы знаем, что там, за дождем,
за лесом, за полем, где-то вдали
глядит в непогоду наш дом.

Ненастье шуршит и звенит в стекло,
и лампа уже зажжена.
И там — за стеною — наше тепло
и наша живет
тишина.

Ее охраняет
наш сверчок.
— Тирли,— говорит он,— тирли...
Ему, наверное, и невдомек,
Что мы надолго ушли.

Но тот, кто все время помнит о нас,
нам ставит на стол молоко
и смотрит, вздыхая,— который час? —
а мы еще далеко.

И радостно помнить издалека,
что печь — наш добрый очаг —
дровами потрескивает слегка
и щи в чугуне ворчат.

А рядом, наверное, дремлет сейчас
и нас настороженно ждет,
приоткрывая зеленый глаз,
улиткой свернувшийся кот.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

Фото В. АННИ.

Рукою Ленина

В этом зале, похожем на огромный сейф, всегда темно и таинственно тихо. Мощные стены сделаны из самых прочных сортов железа и бетона. Стены одеты листами свинца и заключены в броню.

В зале находятся драгоценные сокровища — рукописи Владимира Ильича Ленина.

Каждая страница аккуратно завернута в папиросную бумагу, уложена в три папки — сначала из двух белых листов, потом в такую же, только уже из трех листов, и, наконец, — в желтую папку из тонкого картона.

В несгораемых шкафах папки расставлены так же, как книги на полках, только не вплотную, одна к другой, а свободно, чтобы документы могли «дышать». Кондиционная установка очищает воздух от пыли и химических примесей. Здесь всегда одинаковы и температура и влажность воздуха.

Открывать тяжелую бронированную дверь и входить в зал может только один человек — хранитель Ленинского фонда Александра Николаевна Соколова...

Мы разговариваем с заведующим Ленинской секцией Центрального партийного архива, где хранятся эти драгоценные рукописи, **Юрием Александровичем Ахапкиным.**

— В Ленинском фонде, — говорит Юрий Александрович, — больше тридцати тысяч документов. Тут рукописи книг, статей, заметки, сделанные Владимиром Ильичем во время бесед с крестьянскими ходоками, рабочими, солдатами. Около тысячи книг, на полях которых он делал пометки и записи.

А вот один любопытный документ. Ему уже восемьдесят семь лет. Это письмо двенадцатилетнего Володи Ульянова другу Борису Фармаковскому. Оно нарисовано красками на березовой коре. Так когда-то писали индейцы, не знаками, а рисунками — тотемами. Недавно это письмо удалось приблизительно расшифровать. В нем Володя Ульянов в шутливой форме рассказывает Борису, как ребята ходили на охоту. У них, как у настоящих индейцев, были прозвища: Самовар, Жаба, Цапля, Рак. Охота продолжалась до вечера, и бравые стрелки сильно проголодались. Но тот, кто сопровождал ребят, вдруг захотел искупаться. Друзья просили его скорее вылезти из воды, но он не хотел. Тогда охотники сказали, что они все умрут голодной смертью, если их руководитель пробудет в воде еще хотя бы минуту.

«Письмо тотемами» значится в архиве под номером один. А самому позднему документу — сорок шесть лет. Это письмо, продиктованное больным Лениным стенографистке Володичевой 6 марта 1923 года. Адресовано оно грузинским товарищам.

Лежат в архиве и метрика о рождении Владимира Ильича, и его похвальные грамоты, выданные педагогическим советом Симбирской гимназии, и аттестат об ее окончании. Здесь партийные билеты Ленина, его трудовая книжка, удостоверение на имя рабочего Константина Иванова, с которым Владимир Ильич скрывался от шпионов Временного правительства в 1917 году, пропуска в Кремль, Совнарком.

— Посмотрите! — Юрий Александрович протягивает мне старенькую, похожую на ученическую, тетрадку в линейку. На обложке рукою Ленина написано: «Товарищи рабочие! Идем в последний и решительный бой!»

Бережно, боясь неосторожным движением повредить бумагу, перелистываю тетрадь.

В самом центре Москвы, на Советской площади, стоит этот невысокий строгий дом. Здесь, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, хранятся рукописи Ленина.

«Письмо тотемами» — оно значится в архиве под номером один. Ему восемьдесят семь лет.

— Не беспокойтесь,— улыбается Юрий Александрович,— это только копия. Александра Николаевна Соколова никому не выдает ленинских документов, но это совсем не значит, что никто не может их увидеть. У каждого документа есть двойник — фотокопия. И между прочим, та, которую вы держите в руках, необычная. Она была изготовлена в 1924 году для делегатов XIII съезда партии.

Съезд собрался после смерти Ленина и был посвящен его памяти. Делегатам и участникам съезда были вручены как подарок копии нескольких ленинских работ. Печатались они с литографского камня во 2-й типографии Гознака. Над ними трудились самые опытные граверы. И отличить копию от оригинала действительно очень трудно.

Я прошу Юрия Александровича рассказать немного о том, как пополнялся архив.

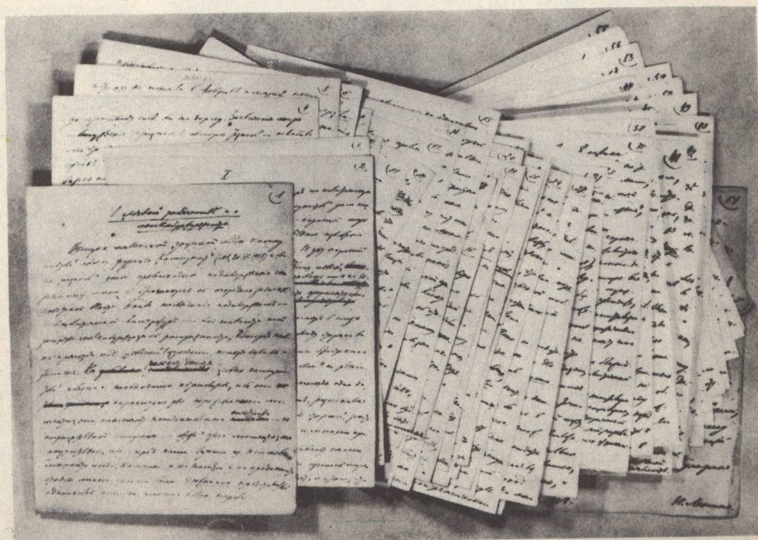
— Все началось с «чемодана Фрея». В 1923 году Надежда Константиновна Крупская прислала его на Большую Дмитровку, в только что организованный Институт Ленина. Что это был за чемодан? Во время революции 1905 года под большинством статей Ленина стояла подпись «Фрей». Это был один из многих его псевдонимов. Надежда Константиновна рассказывала, что в ту пору перед отъездом из Женевы в Россию они с Владимиром Ильичем разобрали все тетрадки, документы и письма. Владимир Ильич сам разложил их по конвертам (в этих конвертах документы хранятся и сейчас), надписал, сложил в чемодан и отдал его на хранение Карпинскому.

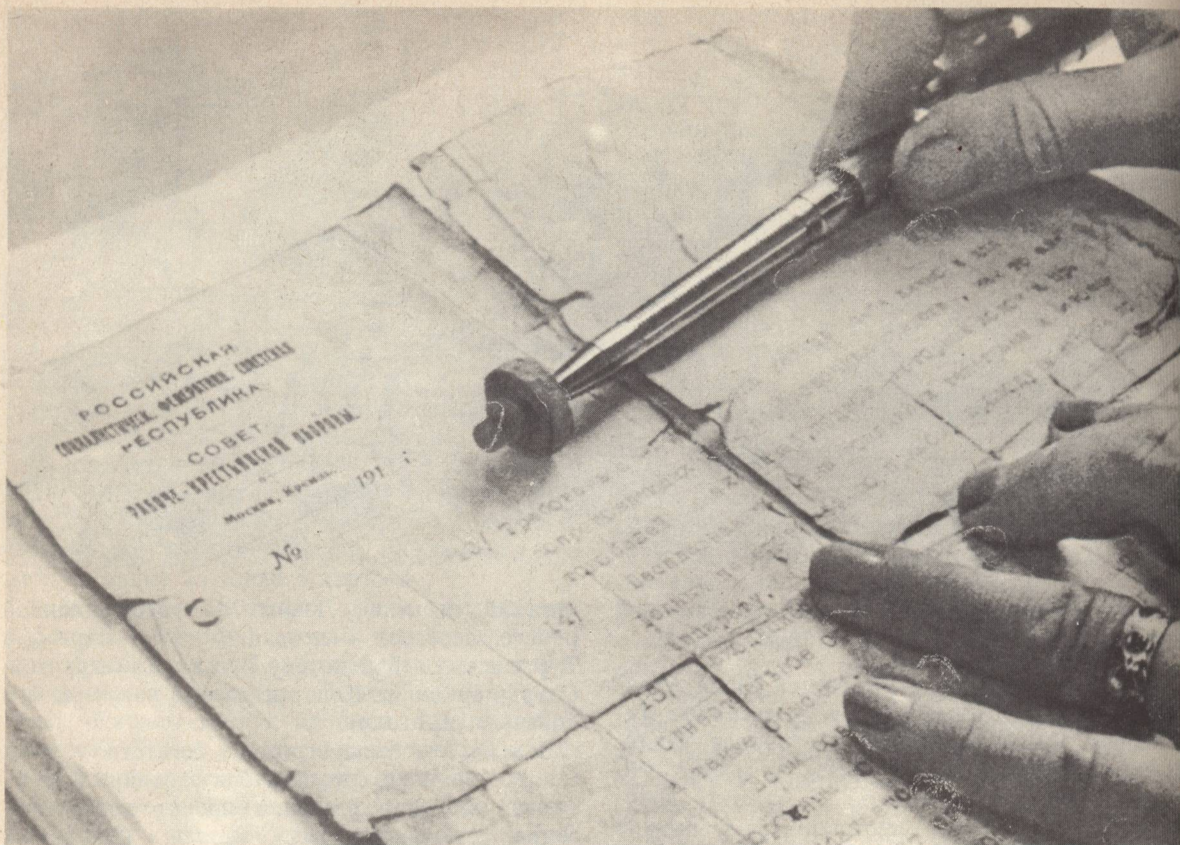
Вячеслав Александрович Карпинский, соратник Ленина по революционной работе, переслал «чемодан Фрея» в Париж, в Тургеневскую библиотеку русских эмигрантов. Оттуда Надежда Константиновна получила его только в 1923 году.

В чемодане было огромное богатство — множество ленинских рукописей и партийных документов. Среди них нашли проект программы социал-демократической партии (Владимир Ильич написал его в 1895 году в тюрьме) и рукопись книги «Шаг вперед, два шага назад».

Спасаясь от царской охранки, Ленин подолгу жил в эмиграции за границей. И всюду много работал. В архиве больше тысячи документов, написанных Лениным на девяти иностранных языках: немецком, французском, английском, итальянском, голландском, латинском, датском, норвежском и шведском. Но и сейчас еще часть рукописей разбросана по всему свету. Они есть в Бельгии и Швейцарии, во Франции и Германии, в Греции и Соединенных Штатах.

Рукопись статьи «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Ее нашли только в прошлом году.

Мандат, подписанный Лениным, попал на «лечение» к реставратору. Прикрепленный к бормашине ластик очищает документ от пятен.

Рукописи все время разыскиваются, и каждый год в Институт поступает тридцать — сорок подлинных ленинских документов!

Не так давно мы получили рукопись статьи Ленина «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Она была написана в мае 1918 года и публиковалась в трех номерах газеты «Правда». Это самая большая рукопись Владимира Ильича, найденная нами за последние годы. Попала она к нам так.

После того как статья была набрана в типографии «Правды», корректор Иван Григорьевич Ранков взял оригинал себе на память. Перед Великой Отечественной войной он подарил рукопись своему брату, художнику. Во время войны в дом, где была мастерская Михаила Григорьевича, попала бомба. Мастерская чудом уцелела, сохранилась и рукопись.

Михаил Григорьевич умер в прошлом году. Среди его вещей дочь нашла пачку пожелтевших листов бумаги, связанных тонкой бечевкой. Развернув и прочитав их, она поспешила передать драгоценную находку в архив.

Часто документ приходит к нам совсем старым и больным. Вот фотокопия мандата, подписанного Лениным. Мандат выдан в апреле 1920 года уполномоченному Совета Труда и Обороны Александру Ивановичу Парамонову. Он командировался на Западный фронт для заготовки топлива.

Можете вообразить, в каких только переделках не побывал этот документ! Мандат порвался, чернила выцвели, свет высушил бумагу...

Документу нужно серьезно лечиться. Прежде, чем ему выдадут паспорт — карточку в картотеке, запишут под своим номером в толстую книгу-опись и положат рядом с другими документами, он должен пройти целый ряд процедур. Сначала — дезинфекцию, чтобы избавиться от плесени и бумажного грибка. Потом лечь «на операцию» к реставраторам. У них множество инструментов: скальпели, пинцеты, большие и совсем крохотные ножи и ножички, ножницы тоже разных размеров и даже, как в зубном кабинете, бормашина.

И вот началось волшебство. Стершийся текст, сначала невидимый, вдруг, как на экране, засветился голубоватым огнем в ультрафиолетовых лучах. А когда текст сфотографировали, на фотографии он получился таким, как будто бы его только что написали.

Ни один документ не попадает в хранилище «замарашкой». Его очистят от грязи, выведут масляные пятна, «напоят» укрепляющим составом.

Если текст написан с двух сторон, бумагу расщепят, разделят на два слоя и внутрь вставят прочную основу, похожую на прозрачный, еле ощутимый шелк.

Помолодевший мандат проживет теперь долгие, долгие годы. Срок хранения ленинских документов в архиве — вечность.

РАДИОСТАНЦИЯ «ЗДРАВСТВУЙ»

КО МНЕ, МУШКЕТЁРЫ!

О ТОМ, ЧТО БЫЛО, О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО, НО МОГЛО БЫТЬ, О ТОМ, КАК БУДЕТ ХОРОШО, ЕСЛИ ЭТО СЛУЧИТСЯ

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ В ЛЮБОМ ДВОРЕ, ГДЕ ЕСТЬ МАЛЬЧИШКИ И ДЕВЧОНКИ.

Рассказ ведут юнкоры пионерского корреспондентского отряда «Каравелла», который поднял флаг свой в городе Свердловске на Уктусских горах. Рассказ — на основе опыта, размышлений и воспоминаний.

ВО ДВОРЕ БЫЛО ПУСТО И СКУЧНО...

Жарило солнце. Димка Калашников сидел на скамье и большой, как чайное блюдце, линзой выжигал на спинке: КОТЬКА — ДУ...

На скамейку упала тень: над Димкой вырос сам Костя Тумаков — большой и серьезный. Он внимательно прочитал неоконченную надпись, и Димке стало неуютно.

— Дай,— сказал Костя. Димка вздохнул и дал линзу.

— Хорошая штука,— сказал Костя.— Из эпидиаскопа вывинтил?

— Не...— опасливо ответил Димка.— Это мне Толька за марку променял. Он из старого увеличителя вытащил... А что такое эпи... пиди?..

— Темнота! Эпи-диа-скоп! Такой аппарат. Засунешь в него твою фотографию, сделаешь надпись: «Нарушитель порядка Димка Калач, который портит во дворе казенное имущество». Включишь — и как в кино: на экране твоя физиономия с подписью...

— А как его сделать?

— Эпидиаскоп? Самая простая штука: ящик, зеркало, линза и лампа!

— А если туда не меня совать, а другое что-нибудь? Если что-нибудь нарисовать и как кино показывать? Получится?

— Получится,— сказал Костя.— Аппарату все равно... Ну, я пошел...

— Не уходи! — взмолился Димка. — Ну, расскажи, как делать! Мы во дворе кино устроим! А то такая скучища...

Один из ведущих инженеров отряда «Каравелла» Саша Бабушкин СОВЕТУЕТ:

Самое главное для эпидиаскопа — это, конечно, линза. Очень годятся большие конденсоры от фотоувеличителей. Димке и его друзьям повезло. А нам было труднее: пришлось собирать деньги и покупать линзу в фотомагазине за семь рублей. Зато все остальное просто. Зеркало (величиной с тетрадку) раздобыли дома. Ящик можно делать из чего хочешь — из фанеры, тонких досок. Мы, например, делали из прессованного картона, в который был упакован новый холодильник нашей соседки. Холодильник она поставила в кухне, а листы картона бросила у крыльца, и мы решили, что они ей не нужны. Изнутри ящик хорошо оклеить фольгой — будет больше света. А подробно, как сделать такой аппарат, можно прочитать в любой технической книжке с советами для школьников.

Командир группы «Парус» Игорь Авласенок ВНОСИТ ДОБАВЛЕНИЕ:

Когда заняты делом, не прогоняйте малышей. Работники из них так себе, но зато достать какой-нибудь провод, гайки, гвозди и разную мелочь, сбегать куда-нибудь они всегда готовы.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ НА ЗАБОРЕ ПОЯВИЛОСЬ ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ
СЕГОДНЯ,
КАК ТОЛЬКО
СТЕМНЕЕТ, ЗА ГАРАЖОМ
ИВАНА СЕМЕНОВИЧА БОЧКИНА
СОСТОИТСЯ ПОКАЗ
НОВЕЙШЕГО
РИСОВАНОГО
ФИЛЬМА
"ОХОТНИКИ
ЗА КРОКОПИДРОЙ"
ФИЛЬМ РИСОВАЛ
ЗНАМЕНИТЫЙ МАСТЕР
КИСТИ И ТЮБИКА
ЖЕНЬКА ШВАБРИН
ПРИХОДИТЬ НА СЕАНС СО СВОИМИ
СТУЛЬЯМИ.
ВХОД СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНЫЙ
СТОЯЧИЕ МЕСТА
В ДВА РАЗА
ДЕШЕВЛЕ.

Солнце стояло еще выше тополей, когда в «кинозал» за гаражом потянулись все окрестные малыши со скамеечками и табуретками. Затем пришли две пенсионерки, которые на всякий случай все на свете осуждали. А после захода солнца пошла основная масса зрителей.

Зрители спешили зря. Сеанс начался ровно в срок. Димка и Толик Чижов притащили аппарат, похожий на фанерный сундук, Костя протянул через двор провод, составленный из шести кусков. К забору прицепили экран из четырех ватманских листов.

В сундуке засветились щели. Автор фильма Женька Швабрин сунул в аппарат первую картинку. Зрители восторженно взвыли...

— Еще! — кричали малыши, когда сеанс окончился.— Снова! А вторая серия будет? А когда опять? А какое будет еще кино?

— Заварили кашу, — сказал Костя. — Придется на завтра новую историю разрисовывать.

— Да?! — взвился Женька.— У меня и так рука еле работает! Я что, железный?

— Но ты же один здесь художник! Что делать?

— Думайте,— сказал Женька.

Рисунки В. Медведева.

ПРИМЕЧАНИЕ известного актера, сценариста и рассказчика отрядной киностудии Андрея Фалалеева:

Читателю, наверно, неясно, что за зверь — крокопидра. Это страшное чудовище, похожее сразу на кенгуру и крокодила. Мы его сами придумали. Летом у походных костров и в палатках мы рассказывали много веселых и длинных историй про охотников на это страшилище. Их хватило бы на десять сценариев. Но тем, кто захочет создать свою киностудию, надо придумать и свой сценарий.

ФОТОАТЕЛЬЕ у старого забора

работает с десяти утра до трех часов дня!— эту необычную новость мальчишки передавали друг другу.

Сашка Бобков по прозвищу Боб ходил вдоль забора, помахивая аппаратом «Смена». Димка и Костя возились с листами картона. В каждом листе была круглая дыра.

Собралась нетерпеливая очередь желающих сфотографироваться. Костя и Димка подняли картонный лист с дырой.

— Толкай голову,— велели они первому «клиенту» — девятилетнему Пашке Капустину.

— Я что, сумасшедший? Суну, а там что-нибудь ка-ак щелкнет!

— Толкай, тебе говорят!

Пашка вздохнул и просунул взъерошенную голову. Щелкнул аппарат.

— Все! Следующий! — Костя и Димка взяли новый лист.

— А что там, на картоне, нарисовано? Что с другой стороны?— волновались посетители ателье.

— Вечером узнаете. Следующий...

Вечером опять был полон «кинозал».

— Демонстрируются работы фотоателье,— объявил Костя. Засветился экран. Зрители сперва затихли от изумления, а потом раздался хохот. На экране была... баба Яга в ступе, с помелом и с головой всем известного Степки Жукова. Затем появилась Таня Спичкина в образе лихого мушкетера, малыш Шурка Моряков в образе Гулливера. Потом пошли придворные дамы, веселые черти, гномы, звездочеты и пираты — все со знакомыми лицами. Утром, толкая голову в отверстие, никто не знал, что из этого получится. И вот что получилось!

Обиделся только большой, толстый Володя Каплин, увидевший, что его превратили в тонконогую, изящную балерину.

— Балда, шуток не понимаешь,— сказали ему.

Потом перед экраном появился Костя Тумаков.

— Понравился киносеанс? Ну, вот и хорошо. Только наш художник выбился из сил. Это его последняя работа. Переходим на фотосъемку. Начинаем снимать диафильм... «Три мушкетера». Есть желающие записаться в артисты?

СЛОВО одному из операторов отрядной киностудии Алику Сидоропуло:

Зачем понадобилось такое «фотоателье»? Ведь можно было просто так затеять съемки диафильма. Конечно, можно. Но с «ателье» интереснее. Это само по себе очень веселое дело. А главное вот что: когда ребята увидят себя на экране в таких необычных ролях, им сильнее захочется сниматься.

НУЖЕН ШТАБ,

чтобы обсуждать все дела,— сказал Димка Калашников.— Домой нас ни к кому не пустят — такую галдящую команду.

— Если книжку читаешь про ребят, там у них обязательно какой-нибудь сарай или чердак. Или добрая тетя в дровяник пустит.

— Доброй тети не будет,— отрезал Костя.— Сарая и чердака нет. Есть только угол у забора. Пусть все, кто хочет сниматься, отправятся на поиски. Нужны несколько досок и кирпичей.

Через час доски и кирпичи были за гаражом. Ребята соорудили три скамьи, расположив их квадратом.

— Можно столб вкопать,— предложил Шурка Моряков,— а между столбом и забором натягивать плащ-палатку, если дождь будет. Я дома попрошу.

— Нам было хуже,— чем этим ребятам,— ВСПОМИНАЮТ юнкоры «Каравеллы».

— У нас даже не было уголка за гаражом. На лужайке за домами мы начертили на траве квадрат. По углам поставили четырех малышей-часовых, чтобы никто из посторонних не подслушал наши тайны. «Главное — это воображение,— сказал наш командир.— Представим, что мы заседаем в мраморном зале. Господа мушкетеры, займите ваши бархатные кресла». И мы сели на траву. И ничего, штаб работал. Правда, иногда мешал дождик, но ведь даже в королевских дворцах, случается, протекают потолки.

Один из капитанов «Каравеллы», Сергей Новоселов, ПРЕДУПРЕЖДАЕТ читателей:

— Если вы затеваете какое-то дело, не начинайте со штаба. Он, конечно, нужен, чтобы руководить делом, но он не главное. А то бывает так: найдут место, провода протянут, сигналы, пароли выдумают, командиров выберут, а когда все это кончат, делать больше нечего. И все разваливается. Сначала придумайте, чем заняться. Не дело для штаба, а штаб для дела.

ЗВУЧИТ ТРУБА

сделанная из картона. В нее дует Шурка Моряков. Выбегают из подъездов ребята, у забора выстраивается шеренга.

— Смирно! — командует Костя.— В исходное положение встать! Салют! К бою!.. Димка, не растопыривай локти! Хотите

быть мушкетерами, а рапиры держите, как ухваты... Внимание! Шестая позиция. Выпад!

На заборе начерчены мелом разделенные на секторы мишени. Гибкие концы деревянных рапир то и дело упираются в них. Иногда точно, иногда не очень.

— Давайте перерыв,— просит грузный Володя Капустин, который уже помирился с ребятами и согласился сниматься в роли Портоса.

— Успеем с перерывом,— отвечает Костя.— Надо привыкать. Занятия будут каждое утро с девяти до одиннадцати. Эта наука нам еще пригодится.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДЛОЖЕНИЙ начинающим мушкетерам делает один из ведущих фехтовальщиков «Каравеллы» Вова Свалов:

— Ребятам, о которых мы рассказываем, фехтование сначала понадобилось для съемок. Но им можно заниматься и просто так: это — очень увлекательное дело. И не надо думать, что обязательно нужны железные рапиры и маски. Если их нет, можно взять гибкий прут, ручку обмотать изоляцией, а щиток (он называется гарда) можно сделать из консервной банки или поварешки без ручки. А маски для таких рапир и не нужны, вместо них можно взять небьющиеся мотоциклетные очки. Только не начинайте занятия сразу с боев. Это будет не спорт, а драка. Надо сначала разучить приемы. Хорошо, если найдется спортсмен, который вам поможет. А если нет, купите в книжном магазине одну из книжек для юных фехтовальщиков, их сейчас много. И выберите для занятий командира, чтобы был порядок.

АППАРАТ БЫЛ ЗАРЯЖЕН

Сашка Бобков затолкал в карман запасные кассеты и вышел во двор. Актеры были в сборе. Колыхались перья над картонными шляпами. Развевались плащи мушкетеров и гвардейцев. Декораторы во главе с Женькой обивали забор бумагой с нарисованным старинным городом. Димка приволок выпиленную из фанеры таверну — домик с острой крышей.

— Здесь будут веселиться мушкетеры,— сообщил он.

Сегодня снимали сцену, как мушкетеры во главе с д'Артаньяном дерутся с гвардейцами. Сашка суетился и нервничал. То взбирался на крышу гаража, прикидывая, как снять панорамную сцену драки, то расставлял актеров и репетировал с ними крупные планы. Он понимал, что кадры должны быть выразительные и разнообразные. Надо снять лихие выпады бойцов, их лица. И нельзя, чтобы кадров было слишком много: надо экономить и пленку и фотобумагу.

Вечером Сашка, Костя и Димка проявили пленку и напечатали снимки. Димка аккуратно наклеил внизу каждой фотографии бумажные полоски с надписями.

— Все в порядке. Завтра снимаем сцену во дворце кардинала.

...Объявление появилось неожиданно, однако двор узнал о нем моментально.

УВАЖАЕМЫЕ ЗРИТЕЛИ!

ПЕРВАЯ СЕРИЯ
УВЛЕКАТЕЛЬНЕЙШЕГО
ДИАФИЛЬМА
„ТРИ МУШКЕТЕРА"
БУДЕТ ПОКАЗАНА
СЕГОДНЯ!
ВЗИМАЕТСЯ ПЛАТА ЗА ВХОД:
ЛИСТ КАРТОНА ИЛИ
БУМАГИ ДЛЯ ДЕКОРАЦИЙ,
КУСОК ПАКЛИ ДЛЯ
ПАРИКОВ И БОРОД,
А ТАКЖЕ ДРУГИЕ
ПОЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ,
НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ
СЪЁМОК ВТОРОЙ СЕРИИ

— Совсем не обязательно, чтобы костюмы были как настоящие, — **ОТКРЫВАЕТ СЕКРЕТ** костюмер нашей киностудии Оля Свалова.

— Наоборот, чем проще и забавнее они будут, тем веселее получится кинокартина. Пусть это будет фильм-игра, пусть зрители видят, что у Атоса картонная шляпа и отцовские охотничьи сапоги, это не помешает веселью. У нас, например, д'Артаньян скакал не на лошади, а на березовой палке с лошадиной головой, кардинал носил тюбетейку и старую юбку, для костюма королевы пригодился старый махровый халат, а семилетний король Людовик бегал в матросском костюмчике и жестяной короне из большой консервной банки. Зрители смотрят и хохочут: «Ну и придумают же люди!»

Портос не пришёл...

Володьку не пустили на съемку. Накануне он разорвал на заборе новые брюки, и его засадили дома на три дня. Ребята сидели понурые и злые. Срывалась работа. А день, как назло, стоял самый подходящий — яркий, солнечный.

Костя решительно встал.

— Пошли, ребята! Попробуем один способ.

Компания подошла к Володькиному балкону и выстроилась.

— Три — четыре...— скомандовал Костя.

Шеренга хором грянула:

— Марья Гавриловна! Вы срываете съемки фильма! Вашего Вовку ждут пятнадцать человек! А фильм ждет весь двор!

В подъездах и на балконах стали появляться любопытные.

Ребята прокричали четыре раза. Когда они приготовились крикнуть пятый раз, из подъезда вылетел Володька, на ходу натягивая кружевные мушкетерские манжеты.

ПРИМЕЧАНИЕ:
Описанный выше способ воздействия на родителей проверен на практике и довольно надежен. А еще лучше, если с самого начала вы убедите взрослых, что заняты важным и полезным делом и срывать его нельзя. При этом постарайтесь также как можно меньше рвать штаны и портить родителям настроение — тогда будет совсем хорошо.

Дело требовало

частых сборов, совещаний. Димка — самый быстроногий человек — замучился, обегая все подъезды и этажи.

— Дальше так не пойдет,— заявил он.— Давайте придумывать сигнал сбора.

И придумали. К забору прибили жердь с перекладиной — мачту. Верхушку мачты было видно отовсюду.

— Когда начинаем общее дело — флаг наверх,— сказал Костя.— И пока мы чем-нибудь заняты — не спускать.

Общих дел хватало. Еще не кончились съемки второй серии, а, кроме того, надо было сыграть в футбол с соседней улицей, сходить на пруд искупаться. Готовились соревнования фехтовальщиков на приз двора.

Шурка Моряков, Костя, Димка и Володя сидели на скамье у мачты.

— Пора начинать тренировку,— спохватился Костя.— Надо ребят собирать.

— Ура! Ко мне, мушкетеры! — крикнул голосистый Шурка. — Флаг — пошел наверх!

Димка ухватился за веревку и потянул. Флаг медленно пополз вдоль мачты.

Димка вдруг оглянулся на друзей.

— Вы бы встали все-таки...— заметил он.— Флаг же поднимаем. Наш флаг...

Ребята поднялись. Флаг — их флаг — развернулся и заполоскал в летнем небе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

МЫ ИДЕМ ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ

По местам, где бывал Ильич

Сборник подготовлен прессцентром музея Н.К. Крупской

Издательство „Следопыт" при Дворце пионеров и школьников им. Н.К. Крупской

Москва 1966

Книга вышла в издательстве «СЛЕДОПЫТ»

Л. СИМОНОВА

Разве есть такое издательство? Оказывается, есть. И вот перед тобою титульный лист книги, выпущенной издательством «Следопыт».

Текст этой книги напечатан на машинке (у издательства нет своей типографии), а проиллюстрирован он рисунками и фотографиями. Фотоаппарат помог книге появиться в шестидесяти экземплярах.

В конце каждой страницы указано имя ее автора: школа № 275, или школа № 612, или еще какая-нибудь школа. И, перелистав книгу, ты видишь, что создана она московскими школьниками. На титульном листе ты читаешь: «По местам, где бывал Ильич». Издательство «Следопыт» при Дворце пионеров и школьников имени Н. К. Крупской».

Что же это за книга? Какова ее история?

Несколько лет назад Институт истории партии МГК и МК КПСС попросил следопытов Бауманского Дворца пионеров пойти в поход по тем местам Подмосковья, где бывал Владимир Ильич Ленин. Записать воспоминания всех, кто видел Ленина, уточнить даты, факты (в воспоминаниях, которые уже известны, встречаются противоречивые сведения).

Восемнадцать отрядов отправились в путь, а когда вернулись, просмотрели походные блокноты, дневники, карты, фотографии, увидели, что собран интересный материал и можно написать книгу. И написали.

В Институте истории партии внимательно изучили эту книгу, и оказалось, что работа ребят имеет научную ценность. Многие факты, установленные следопытами, «вошли в научный оборот».

К столетию со дня рождения В. И. Ленина Институт истории партии готовит сборник «Ленин в Москве и Подмосковье». Составители этого сборника, ссылаясь на источники, упоминают книгу ребят, выпущенную издательством «Следопыт».

С. БОГАТЫРЕВА

Что такое почтамт?

Почтамт — это самая главная почта. Почтамты бывают только в очень больших городах. Есть почтамт в Москве. Есть в Ленинграде.

Если ты зайдешь на Московский почтамт, то увидишь очень большой — величиной с городскую площадь — зал. Как дома окружают городскую площадь, так зал почтамта окружают стеклянные будочки, каждая с одним окном. На городской площади у каждого дома есть свой номер. У будочек с окошками тоже есть номера. И еще над каждым окошком написано, для чего оно открыто: для того, чтобы принять заказное письмо, или выдать письмо «до востребования», или упаковать бандероль, или отправить денежный перевод.

Окно — это начало или конец сложной работы, которая называется почтовой операцией. И если ты протянул в окошко письмо или бандероль, это значит, что ты пустил в ход целую систему, строго продуманную и отлично налаженную. Она не остановится, пока не выполнит твоего поручения.

Основная работа почтамта не видна в центральном просторном зале. Она совершается в глубине, в цехах, которые окружают зал и куда ведут тяжелые двери с надписью: «Посторонним вход воспрещен» или «Предъявите пропуск».

Всего на почтамте без малого двадцать цехов.

Чужим ходом

Лыжам, валенкам и трехколесному велосипеду положено передвигаться по земле самостоятельно. Их даже мо-

жно было бы назвать средствами передвижения, хотя, конечно, только в шутку.

Здесь лыжи, валенки и трехколесный велосипед едут чужим ходом. Тщательно запакованные, они потеряли свое имя и называются посылками. Едут они по цеху, устроившись на длинной движущейся ленте. Первыми попали на ленту валенки, аккуратно зашитые в серую мешковину. В начале ленты стоит пульт управления со множеством кнопок. Девушка-оператор быстро взглянула на ярлык с адресом, при-

шитый к валенкам, и нажала на пульте кнопку под номером «8». Не успела она поднять глаза от пульта, оказалось, что валенки уже проехали, а на их место переползли лыжи.

Девушка прочла адрес и нажала кнопку с номером «17». Лыжи длинные, едут долго, и пришлось оператору привстать, чтобы посмотреть на следующий адрес, крупными буквами написанный на ящике с трехколесным велосипедом. Посмотрела — нажала еще одну кнопку.

Лента, на которой едут посылки, называется транспортером. Только это не простой транспортер. Во всю его длину, справа и слева, устроены шлюзы — скаты, вроде спуска с короткой горы, от ленты к полу. Но скатиться на пол просто так посылка не может: транспортер огорожен бортиком. В борт вделаны дверцы — по одной над каждым шлюзом.

Вот валенки поравнялись с дверцей номер «8». Хлоп! Дверца сама открылась, откинулась на ленту транспортера и перегородила ее. Валенки мягко ткнулись в дверцу, и так как дороги вперед не было, то, делать нечего, съехали вбок: вниз по скату, как на санках с горы. А дверца тут же вернулась на место: с ленты ушла, а спуск под гору закрыла. И не помешала лыжам проехать мимо. Да недалеко они укатили. Их поймала дверца с номером «17» и тоже завернула с ленты транспортера на скат. Дальше всех уехал велосипед: его остановила последняя дверца. Коснувшись ее, ящик с велосипедом важно съехал на пол, словно сам сюда собирался.

Пульт управления, транспортер и шлюзы — это части большой машины, которая называется УСП (установка для сортировки посылок). Работает она в четвертом цехе Московского почтамта.

В цех попадают все посылки, которые приходят в Москву. Каждый день — целые горы посылок! Почтамт старается от этого богатства поскорее избавиться. Чем меньше пролежит здесь посылка, тем быстрее дойдет она до адресата, тем, следовательно, лучше поработала почта.

Москва — город огромный. Почтамт стоит в самом ее центре. Посылки надо развозить отсюда во все стороны. УСП для того и придумана, чтобы сортировать посылки по направлениям. Когда посылка едет по транспортеру, оператор отмечает на пульте, на какой остановке ей сойти, то есть в какой шлюз упасть. Так у каждого шлюза собираются посылки, которые поедут по Москве в одной машине.

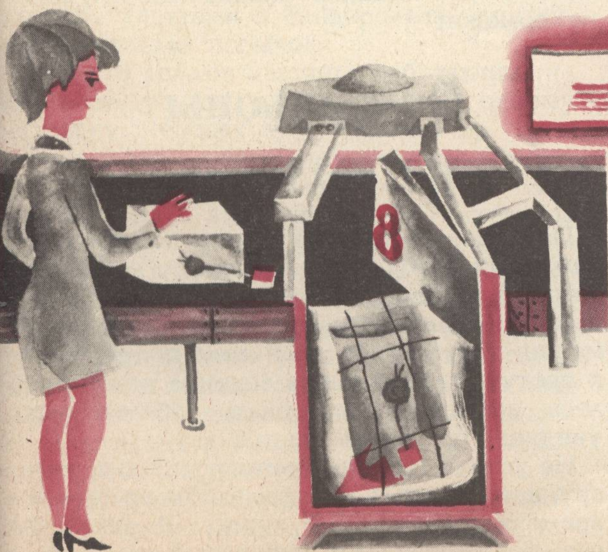
А какие почтовые отделения какому шлюзу соответствуют, это оператор должен знать наизусть. И никогда не ошибаться. А то хлопот потом не оберешься!

Новости — мешками

Для каждого из нас письмо — это листок бумаги, веса которого не чувствуешь в пальцах.

На почтамт письма приезжают в огромных мешках. Так же, как и посылки, их

привозят сюда со всех вокзалов и аэропортов. Только не все письма. Дело в том, что разбирать их начинают еще по дороге, в почтовом вагоне. И если тот, кто письмо написал, не поленился указать на конверте индекс (букву и цифры, означающие номер почтового отделения), то письмо сразу отправляется на свой узел связи, а оттуда — по адресу. Но если индекс неизвестен, письмо привезут на почтамт, в цех номер девять.

Из мешков письма высыпают в большие квадратные ящики — их здесь называют

корытами. Дно у корыта дырчатое, как решето, для того, чтобы можно было высосать пыль из массы писем.

Очищенные письма аккуратными рядами — адрес к адресу — складывают в ящички-накопители, а те, как вагоны детской железной дороги, с помощью рольгангов и транспортеров разъезжаются по всему цеху, к рабочим местам сортировщиков.

У сортировщика под рукой ящик с письмами, а перед глазами стенд с ячейками-клеточками. Для каждого узла связи — своя клеточка. Сортировщики всю Москву знают на память: какая улица, какой переулок, к какому узлу связи относятся — и быстро раскладывают письма по клеточкам — Киевский узел к Киевскому, Ленинградский к Ленинградскому. Работает сортировщик быстро, даже в справочник не заглядывает. Но ты все-таки, если станешь писать в Москву, не забудь узнать и поставить на конверте индекс. Тогда сортировщику почтамта с твоим письмом совсем не придется работать.

Валентина Васильевна Бунина работает здесь больше четверти века. Чтобы справиться со своими обязанностями, она должна следить за новостями театра и кино, знать всех олимпийских призеров, смотреть детские и взрослые передачи по телевизору... Зато, получив письмо с адресом «Москва. «Зарница», Валентина Васильевна знает, что дорога ему — в «Пионерскую правду», а конверты, адресованные «Неуловимым мстителям» или «Сказочнику дяде Коле», посылает на телевидение.

Очень жаль, конечно, что сортировщикам приходится тратить время и силы на то, чтобы исправить чужую небрежность. Расшифровывать адреса, нацарапанные каракулями. Узнавать номер дома, который забыли написать. Искать правильное название улицы... И знаете, что говорят сортировщики? Больше всего хлопот приносят письма, отправленные вами, ребята! А потому у справочной службы просьба ко всем мальчикам и девочкам:

Если взялся за письмо, пожалуйста, пиши адрес ТОЧНО, ПОЛНО и РАЗБОРЧИВО!

А то принесли на днях открытку от сестры Ларисы брату Валерию. Поздравление с Первым мая. Очень нарядная открытка! Жаль только, нет на ней адреса. Никакого. Ни города, ни улицы, ни фамилии, — ничего. Тут уж никакая справочная служба не поможет!

На деревню дедушке

К концу дня у каждого сортировщика набегает тоненькая пачка писем, которые нельзя положить ни в одну из ячеек. Это письма без адреса. На этот случай существует при цехе номер девять справочная служба. Чего только сюда не приносят!

Письма Деду Морозу.

Письма «Неуловимым мстителям».

Письма сказочнику дяде Коле.

Письма без всякого адреса.

Письма с неверным или неполным адресом.

Посторонний человек подумает, что все эти конверты и открытки доставить по адресу невозможно. А работникам справочной службы они вовсе не кажутся безнадежными! Потому что сортировщики стараются как можно больше знать.

Почтальоны на колесах

Пять раз в день из ворот почтамта и районных узлов связи выезжают легковые автомобили с надписью «связь» на боку. Как жуки, они юрко пробиваются в толчее машин и автобусов, то и дело подруливая к тротуару. Если такая машина остановилась, погляди по сторонам — обязательно увидишь почтовый ящик.

Не успела машина приткнуться к тротуару, как водитель быстро, чтобы не терять времени, подбежал к ящику. В руках у него большой мешок, натянутый на рамку.

Почтовый ящик заперт крепко, но ключа к нему не требуется: ключом служит рамка от мешка. Рамка, когда вставляешь ее под дно почтового ящика, раздвигает держатели — «пальцы», на которых укреплено дно. Дно проваливается и письма из ящика высыпаются в мешок.

На мешке сбоку нашит карман, вроде рукавички. После того, как письма пересыпались в мешок, надо продеть в карман руку и пошарить в ящике, не застряло ли там что-нибудь. Теперь ящик опустошен, пора вынимать мешок. Как только его выдернули, дно ящика сразу встало на место, а «пальцы» крепко прижали его. Можно снова опускать в щель письма и открытки.

Почтамту принадлежит целый машинный парк. Почтовые ящики объезжают поворотливые «Москвичи». Между почтамтом и районными узлами связи снуют взад-вперед синие автобусы. Рейсы у них короткие и частые — десять раз в день успевают съездить туда и обратно. За это их прозвали «маятниками». Тяжелые, поместительные грузовики везут на вокзалы мешки с газетами и бандеролями, контейнеры, полные посылок.

Все, что делают машины, работающие на почтамте, всегда точно известно одному человеку. Человек этот — диспетчер.

В комнате диспетчера несколько телефонов, четыре больших циферблата, телевизор и стенд с лампочками. Это его глаза и его уши.

Машина с почтой въехала в ворота. Вахтер проверил пропуск и нажал кнопку. На стенде загорелась лампочка: диспетчер сразу видит, какая машина появилась во дворе. Если в ряду горит шестнадцать лампочек, это значит, что во дворе находится шестнадцать машин. А когда машина становится под погрузку, у диспетчера автоматически зажигается табло, показывает, у какого люка идет работа. Если погрузка задерживается, можно включить телевизор: на его экране видны все участки двора.

А в верхнем ряду стенда весело мигают красные лампочки: это уезжают и возвращаются «маятники».

По телефону диспетчеру сообщают:

— Вам отправлены «Известия».

— Примите журнал «Пионер», двести четыре пачки.

Это из издательств везут газеты и журналы, которые почтамт рассылает подписчикам.

А вот письма, посланные в другие города Советского Союза, на почтамт не привозят. На Комсомольской площади, возле трех больших вокзалов, построили огромное, в четырнадцать этажей здание — железнодорожный почтамт. И цех номер один, который получал и разбирал письма для всех городов Советского Союза, переехал туда, поближе к железным дорогам.

Тут все устроено по последнему слову техники: письма сортируют машины - полуавтоматы, а из цеха они попадают прямо в почтовый вагон.

Железнодорожный почтамт здорово помог старику Центральному. С каждым годом все больше писем, посылок и бандеролей путешествует по стране. С каждым годом люди выписывают больше газет и получают все больше журналов. Центральный почтамт, построенный еще в прошлом веке, не в силах справиться с такой работой.

Ведь мы только о трех цехах рассказали, и то какая длинная получилась история!

Рисунки А. БОРИСОВА.

Тайна

Потемнело вечернее небо.
Облака розоватые гаснут.
У домов притаились деревья
Фиолетовые, как на Марсе.
Все подернуто легким туманом.
Все молчит непонятно и томно...
Я не думал, что бродит тайна
Вечерами у нашего дома.

Алеша СКОБЛИН.
г. Симферополь.

Породистый

К нам в подъезд забежал какой-то пес, весь забрызганный грязью и очень жалкий.

— Выгнать эту дворнягу надо,— сказала тетя Маша с третьего этажа.

— Правильно,— поддержал ее Иван Петрович.

Чувствуя, что ее выгоняют, собака жалобно смотрела на меня, будто просила помочь.

— Она будет у меня жить,— сказал я, вставая перед собакой.

— Да отец тебя на порог с ней не пустит!

Это была правда, папа не переносит дворняг, но зато он хотел иметь породистую собаку. Тут к собаке подошел Мединский. Этот человек понимал толк в собаках. У него было целых три пса и у каждого по нескольку медалей. Григорий Моисеевич пощупал у моей собаки лапы, осмотрел зубы, погладил ее и сказал:

— Это фокстерьер, чрезвычайно породистый пес, если вымыть — красавцем окажется. Чей он?

— Мой! — радостно крикнул я.

— Не корми горячим.

А назавтра я с Джеком гулял во дворе.

Иногда я думал: «А если бы не Григорий Моисеевич? Почему же мой пес из-за одного слова «породистый» остался у меня? Ведь если бы это слово не было сказано, Джек бы не изменился!»

Валя ЗОРИН, 12 лет.
г. Ростов-на-Дону.

На этом развороте ты видишь три снимка с международной выставки детских фотографий «Зоркий—Дружба-50». Они рассказывают о том, как проводят лето твои ровесники в разных странах. «Все выше» — так озаглавил свою работу Вирджил Раду из Румынии. Фотография Бернда Харма, школьника из ФРГ, называется «Под водой», а двенадцатилетний англичанин Айан Макфарлан так и назвал свой снимок — «Каникулы». Да, хорошо жить на свете, особенно когда каникулы!

Мой отец

От твоей большой руки
Пахнет чем-то нежным,
Снова будем по-мужски
Говорить, как прежде.
Что же ты все так молчишь?
Смотришь на дорогу?
Я теперь ведь не малыш —
Понимаю многое.
Пусть летают до зари
Воробьи, как дети.
Мы с тобой поговорим
Обо всем на свете,
Чтоб опять в груди моей
Заискрилось детство.
Всех дороже из людей
Для меня отец мой!

Вася ЦЕЦЕГОВ, 15 лет.
г. Ленинград.

Ручей

В лощинах снег, слоистый, как слюда,
От падающих капель конопатый.
Смотри — ручей пробил скорлупку льда.
И снова спрятался, как виноватый.

Он что-то с берега хотел стянуть.
Уже струю он протянул, как руку.
Кусок коры, хвоинку, что-нибудь,
Чтоб первых поисков умерить муку.

Краснеет пня сочащийся надрез,
Лучи в ветвях плетут свои корзины.
Ноздрями мха свободно дышит лес.
Лед на воде не толще паутины.

Я прутиком разбила лед ручья:
— Бери весну, ручей!
Она — твоя.

Люба ПОПОВА, 13 лет.
г. Невельск.

Приспособилась...

В прошлом году мы поехали к морю. Перед отъездом папа купил мне маску и ласты. Я очень обрадовался. Первые дни я нырял неглубоко, но потом научился свободно двигаться под водой. И вот однажды разразился шторм. Он бушевал два дня. Сразу после него я решил понырять, так как рассчитывал, что к берегу прибило различные водоросли и морских животных, на которых интересно будет посмотреть. Мне повезло: не успел я проплыть несколько метров, как увидел маленькую морскую звезду. Но тут мне не хватило воздуха, и я поднялся на поверхность. Когда же я снова опустился под воду, то увидел любопытную картину: прямо против звезды сидел краб и шевелил клешнями. Так он сидел несколько секунд, а потом бросился на звезду. Несколько взмахов клешни, и звезда лишилась одного луча. Я думал, что звезда погибла, но, когда краб отполз, она как ни в чем не бывало поползла по своим делам.

Только недавно я узнал, что головой у морской звезды может служить любой из лучей. Вот как морская звезда хитро приспособилась к опасной жизни в море!

Сергей ГОРОШКО, 12 лет.
г. Харьков.

В. НЕПОМНЯЩИЙ

Рисунки **М. КУЗНЕЦОВА.**

Сказка — ложь, да в ней намёк...

К сказке Пушкина тянуло всю жизнь. И первая его поэма, которую закончил он двадцатилетним юношей, «Руслан и Людмила», была сказкой. Но при своем появлении она далеко не всеми была встречена с восторгом. В 1820 году, когда в печати появились отрывки из «Руслана и Людмилы», в одном из журналов была напечатана статья под заглавием «Письмо к редактору». Доказывая, что «Руслан и Людмила» — это «грубая», «мужицкая» поэзия, которую не следует пускать в общество «благородных» людей, критик писал: «Но увольте меня от подробностей и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное Собрание как-нибудь втерся... гость с бородою, в армяке, и в лаптях, и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!», неужели бы стали таким проказником любоваться?» Придирчивого критика раздражало то, что поэма написана языком простым, близким к подлинной народной речи, что в «Руслане и Людмиле» звучат мотивы русских народных сказок, к которым он, как и к самому «простому народу», относился с пренебрежением. И он был не одинок.

Бедный критик «Руслана и Людмилы»! Сочиняя свое грозное послание про «гостя с бородою, в армяке, в лаптях», он и не подозревал, что ждет «благородную публику» через десять лет после «Руслана и Людмилы». Послушайте только, что сочинил Пушкин в 1830 году:

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда...

В поэзии действительно появился мужик — и в армяке и в лаптях, да еще по имени Балда! И написано это было таким языком, который раньше и близко-то к поэзии подпускать считалось неприлично,— языком народным, ярким, сочным, выразительным, иногда даже грубоватым:

Идет Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится...

На гладкий паркет поэзии словно вломилось шумной ватагой русское, цветастое, голосистое. Вломилось в лаптях, в армяках и просто босиком. Вломилось буйное и лукавое, разудалое и простодушное, размашистое и неудержимое в веселье и в печали. И затрещал паркет, и запахло базаром, и хлебом, и синим морем, и русским духом.

Так начались сказки Пушкина.

Правда, в них описывались не только мужики и бабы, а и цари и царевны; но уж очень эти цари и царевны походили на обыкновенных, простых людей. Ведь и для народной сказки что Иван-царевич, что Иванушка-дурачок — все едино; был бы человек хороший... Помните сказку о мертвой царевне и о богатырях? Царевна в ней очень похожа на скромную, работящую деревенскую девушку: попав в дом к богатырям, она не села сложа руки, а принялась готовить и прибирать. А царь Салтан, который подслушал беседу трех девиц, притаясь «позадь забора»? Ведь он обходит свое царство, как мужик осматривает свой дом и двор. А князь Гвидон с его простецкой речью? «Князь Гвидон тогда вскочил, громогласно возопил: «Матушка моя родная! Ты, княгиня молодая! Посмотрите вы туда: едет батюшка сюда»...

А вот старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке». Обыкновенная, сварливая старуха. Но кто скажет, что из нее не могла бы выйти еще одна глупая и злая, но все же заправская царица? Вон как она распоряжается стариком, как, став царицей, бьет и «за чупрун таскает» своих слуг!

Сказки вызвали почти всеобщее недовольство. Снова Пушкина не понимали, снова он обогнал своих читателей. Он раньше многих других понял, сколько красоты и правды заключено в народных сказках и песнях. И, взойдя на вершину своей славы, он захотел приблизиться к простой мудрости народной сказки.

Это было очень трудно. Ведь сказки создавались веками, создавал их весь рус-

Перед вами красивая и очень интересная картинка. Она нарисована так, что мы с вами разом видим и прошлое, и настоящее, и будущее жадной старухи: вот бедна она, вот она царица, и слуги гонят взашей старика. Но летит слева и справа золотая рыбка. Это намек. Означает он, что мы с вами в сказке и что сказка вся впереди, и погоди, злая старуха, рано радуешься! И непомерная сравнительно с людьми величина рыбки тоже намек: мы ведь имеем дело с волшебной рыбкой, которая все может.

ский народ. Пушкин должен был как бы вместить в себя века, опыт всего народа.

И это ему удалось. Не все его сказки так похожи на настоящие народные, как «Сказка о попе и работнике его Балде», но все эти сказки народ принял и полюбил. Их не только все мы читаем и знаем с детских лет; еще до Октябрьской революции, когда деревня была неграмотной, пушкинские сказки — иногда в переиначенном, измененном виде — рассказывали в деревнях, передавали из уст в уста. Народ как бы признал эти сказки своими.

Да и как было не признать, если все в них так прекрасно и просто — и герои и события,— если каждая строчка просится, чтобы ее запомнили:

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

Или еще:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

Не правда ли — как будто все это сочинено легко, сразу, без всякого усилия, будто слова сами текли у Пушкина на бумагу? Захотел он — и вот полился щемящий душу напев, как в грустной народной песне:

Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи,
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля...

Захотел — и раздался неторопливый, обстоятельный говорок, нехитрый рассказ:

Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело...

Захотел — и строчки, слова, даже слоги начинают играть друг с другом, озорно приплясывать, пристукивая каблуками и лукаво перекликаясь:

Не уб**ила**, не связала,
Отпуст**ила** и сказала...

Поднял**ася** на крыльцо
И взял**ася** за кольцо...

Засвет**ила** богу свечку,
Зато**пила** жарко печку...

Уса**дили** в уголок,
Подно**сили** пирожок...

Как красиво и просто!

На самом деле не так уж просто. Добиться такой красоты и такой простоты было трудно. Но Пушкин был не только великий гений, но и великий труженик. Он часто подолгу работал над каждой строкой. И если бы он решил просто написать сказку, как две капли воды похожую на настоящую народную, то, вполне возможно, никто не стал бы его критиковать и ругать. Все решили бы, что «прославленный певец» решил отдохнуть и поразвлечься — и вот на досуге скопировал народную сказку, пошутил, пошалил... Кто запрещает гению пошалить?

Но вот чего не могли понять и простить — это того, что Пушкин отнесся к сказкам очень серьезно.

Настолько серьезно, что не копировать стал народную сказку, а переделывать ее, придавая ей новую глубину или, вернее, вскрывая те глубины, которые в народной сказке есть, но которых поверхностные читатели не могли увидеть.

Вы сами знаете: сказка никогда не выдает себя за действительность. Она никогда не говорит: вот, мол, все это было на самом деле. Сказочник как бы уславливается со слушателями, что рассказывает небылицу, которая происходит «в некотором царстве, в некотором государстве», да еще, скажем, «при царе Горохе», которого, мы знаем, никогда не было. И люди в сказке вовсе не такие, как в жизни. В характере живого человека очень много самых разных черт и особенностей. А в герое сказки чаще всего одна-две черты, самые главные, нужные для действия. Хозяин, например,— это скупость и тупость. Работник — хитрость, сметливость, сила. Иван-царевич — отвага, готовность помочь слабому. Иванушка-дурачок — чудак, простофиля, которому в жизни везет.

У Пушкина же люди совсем не такие. Он как будто спрыснул их «живой водой», и они стали совсем как живые.

Вот, например, старик из «Сказки о рыбаке и рыбке». На первый взгляд он очень похож на Иванушку-дурачка, только невезучего. Его доброта, простодушие, бескорыстие доходят, кажется, до чудачества. В самом деле: рыбка предлагает ему выкуп, а он отказывается! Но, казалось бы, что тут плохого или замысловатого: отпустить рыбку и попросить у нее что-нибудь, ведь это ей ничего не стоит! Так нет, не догадался — «так пустил ее в синее море». И не только пустил, но и своей жадной и сварливой старухе рассказал и нажил себе неприятности. Какое-то обидное головотяпство. И вообще, читая сказку, иногда испытываешь не только жалость к старику, но и какую-то смутную досаду на его безропотное терпение и почти рабскую покорность. Что же это он все ходит и ходит туда-сюда, зачем по первому же требованию старой карги привычно тащится исполнять ее прихоть? Зачем послушно, как эхо, повторяет старухины слова: «...наше-то совсем раскололось»?

Но вот интересная вещь. Вся сказка написана без рифм, так называемым «белым» стихом. И вдруг:

Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй себе там на просторе.

Рифма! Почему она здесь появилась? А вот почему.

На фоне нерифмованных стихов — прислушайтесь сами! — рифма звучит особенно красиво и торжественно.

«Ласковое слово», которое старик сказал рыбке, благодаря красивой рифме «море — просторе» начинает звучать возвышенно, величественно. Пушкин как бы дает нам понять, что, столкнувшись с «великим чудом», старик невольно, сам того не ведая, сказал нечто необычное, высокое, красивое. Он почувствовал, что перед ним не просто странная, говорящая рыба, а таинственная представительница могучей, свободной и прекрасной стихии моря... Если он и побаивается этого чуда, то совсем немного. Он просто разговаривает с рыбкой почтительно, как с сильным и хорошим человеком: «Смилуйся, государыня рыбка! Опять моя старуха бунтует, не дает старику мне покоя...»

Старик как будто нашел с рыбкой общий язык; между ними существует какое-то взаимопонимание, какая-то близость.

Вот и смотрите теперь: разве это просто безответный чудак, с которого можно безнаказанно снять последнюю рубаху? Нет, это мудрый и наивный поэт. Там, где черствый, скучный, корыстный человек видит просто воду, песок, рыбу, пусть даже необыкновенную, старик видит величие природы, красоту, чудо. И это для него важнее, чем любой выкуп. С чудес не берут выкупа, как не берут его с красоты и радости.

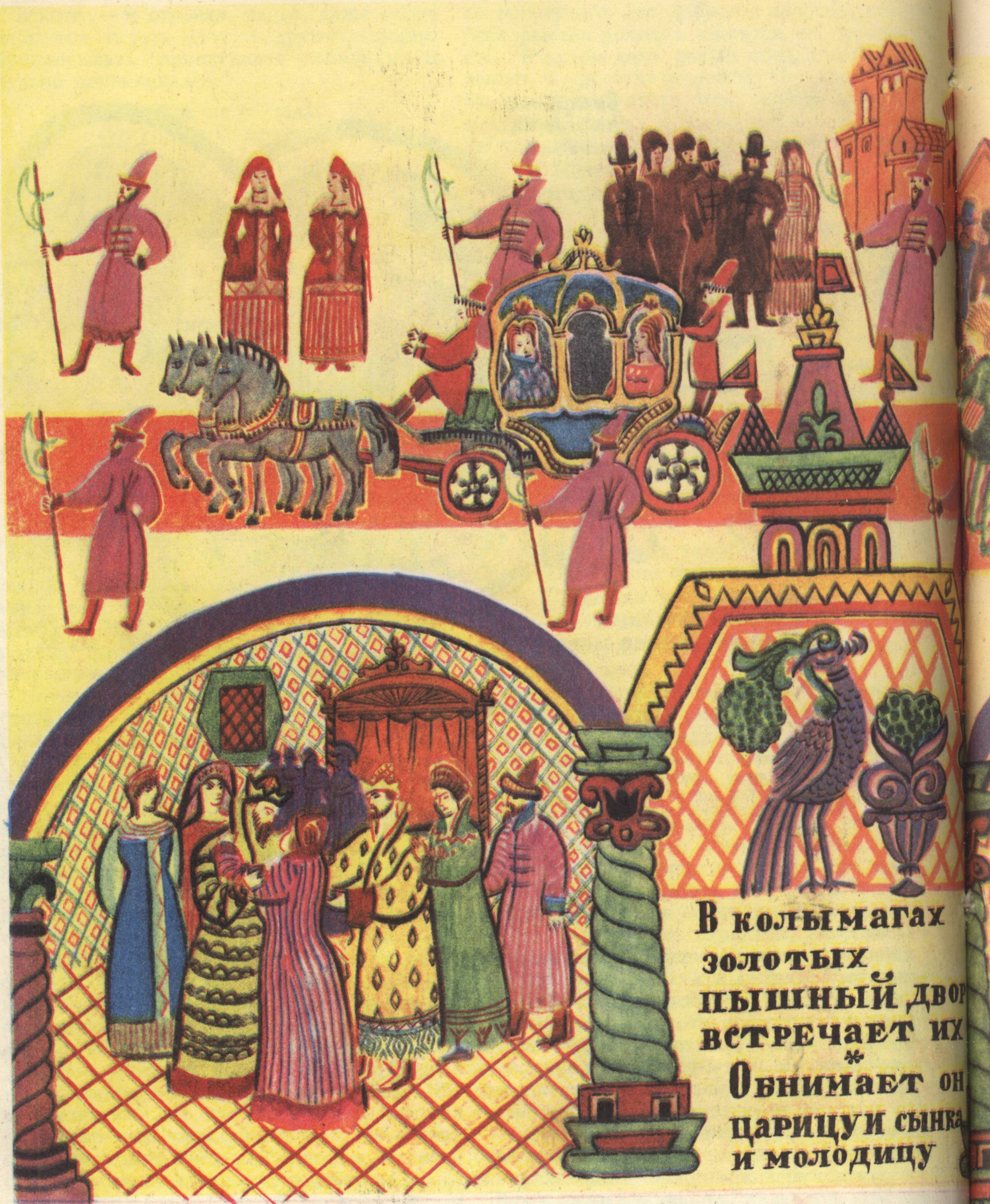
Сказка о Золотом петушке мрачна и насмешлива. Гибнут один за другим три сына царя Дадона, а он — вот он: пирует в шатре у коварной Шемаханской царицы. Этот рисунок тоже красив и тоже необычен. Смотрите: на одном листе почти вся сказка! И рассказана она не словами, а вереницею сцен. В этом-то и необычность рисунков: намеки, подчеркнутое выделение главного и множество действий в одном рисунке.

Бот почему — не от испуга! — «не посмел я взять с нее выкуп», — говорит старик.

«Не умел ты взять выкупа с рыбки!» — вопит ему старуха.

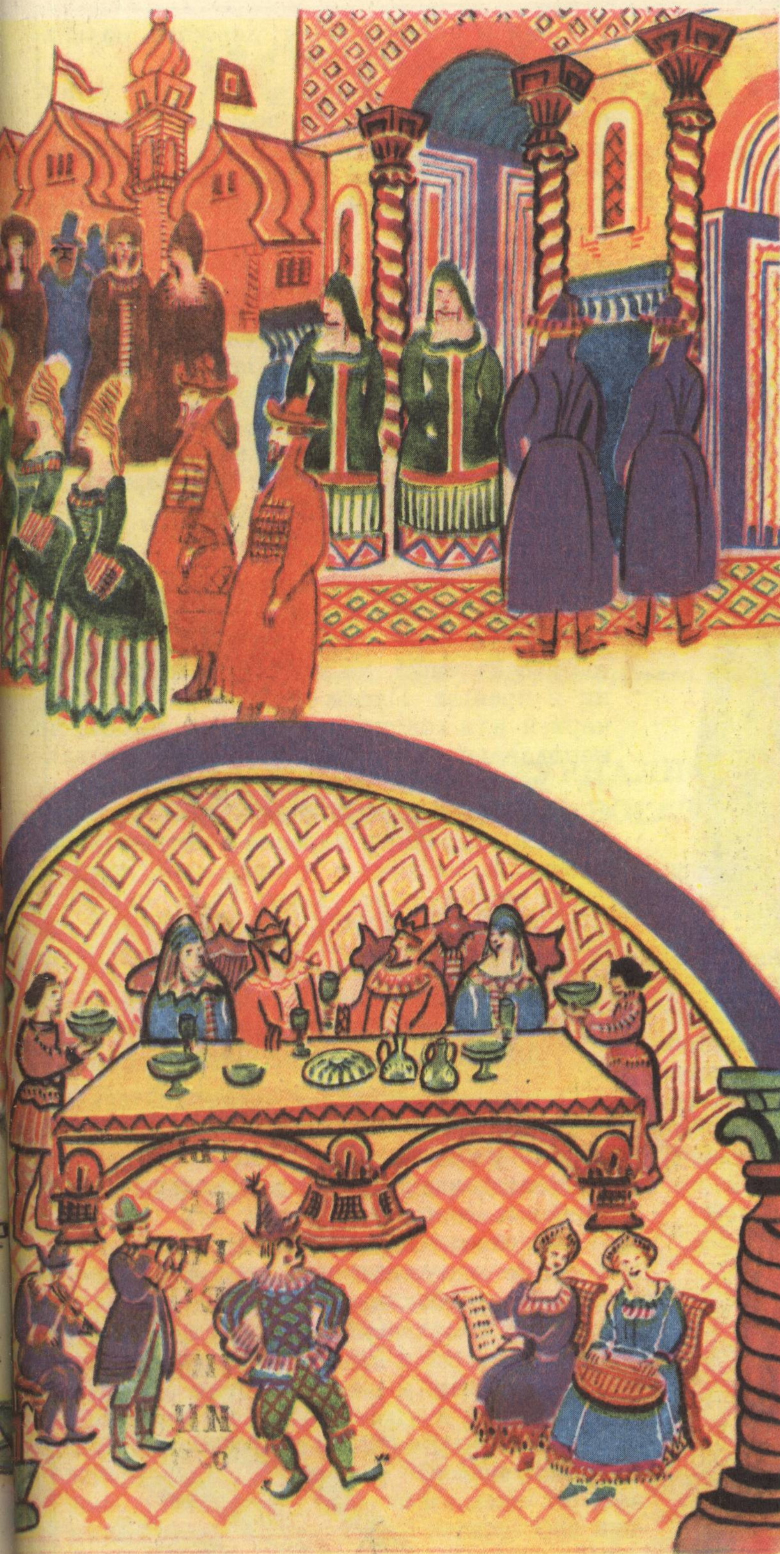
Эта — совсем другой человек. Она из тех людей, которые, столкнувшись с чем-то незнакомым, удивительным, не имеют ни времени, ни охоты удивляться или восхищаться. Ведь в удивлении проку, «корысти» нет, нет пользы. А такие, как старуха, во всем ищут прежде всего пользы, от всего, даже от чуда, стремятся поскорей отхватить кусок пожирнее. Они так спешат это сделать, что в спешке даже плохо соображают. Ведь что стоило старухе с самого первого раза пожелать не какого-то несчастного корыта, а сразу царского титула? Так нет, от жадности она даже этого не смекнула. Только потом она постепенно входит во вкус, и чем дальше, тем больше ей хочется хватать и хватать. И в конце концов мы замечаем, что старухе нужно уже не имущество, не богатство, а сила и власть над другими людьми, возможность унижать других и издеваться над ними, наслаждаясь своей властью.

Вспомним-ка Балду. Пушкин и тут изменил народную сказку. В народных сказках такой вот работник Балда (а чаще Иванушка) мстил скупому хозяину тем, что забирал себе все его добро. Пушкинский Балда бескорыстен: ему от попа ничего не надо, он, бедняк, хочет только наказать его, покуражиться над ним — богатым, сильным, спесивым и жадным. И мы сочувствуем Балде. Но скажите, когда Балда награждает попа своими страшными «щелками» (от которых «лишился поп языка» и «вышибло ум у старика»), неужели вам хоть немного не жалко попа? Ведь этого попа Пушкин сделал совсем живым человеком. Неужели вы не испытываете досады на Балду за его жестокость? Ведь он может так и убить старика (Пушкин не случайно вставляет здесь это слово — «старик»).

Что-то похожее происходит и со старухой. Когда она была бедна и несчастна, ее можно было и пожалеть. Но как только она получила от рыбки силу и власть, как только поднялась «из грязи в князи»,— тут же захотела покуражиться и над стариком и даже над самой рыбкой, давшей ей эту силу. За это она и понесла наказание, оставшись вновь у своего разбитого корыта.

Она наказана за то, что, ставши царицей, не стала человеком, а осталась жадной, мелочной, сварливой и завистливой (согласитесь, что злобная царица — это го-

Сделаны эти иллюстрации художником М. Кузнецовым, который любил и хорошо знал Пушкина, а еще он любил и знал русский лубок...
В старину на ярмарках и других торгах продавались рассказы в картинках. Их охотно раскупали, особенно деревенский люд, вешали в избах для красоты. Рисунки эти сначала резались художником на тонкой лубяной дощечке, а потом с доски оттискивались на листы бумаги. Отсюда и название — лубок.
Вместе с безымянными поэтами, сочинявшими песни, сказки, поговорки, которые и ныне в ходу, жили в народе и работали безымянные художники-самоучки, зачастую удивительно талантливые и изобретательные. Они и создали лубок, который давал возможность неграмотному человеку понять и запомнить целую историю, веселую или назидательную. Были и календари лубочные, и сказки, даже путешествия.
По мере распространения грамотности и печатного дела лубок уступил место книгам и газетам, потом и вовсе его забыли, как нечто ненужное, отжившее и грубое...
Ведь и к народным сказкам до Пушкина существовало в некоторой части читающей публики весьма пренебрежительное отношение, но Пушкин — об этом вы уже прочли в нашем рассказе — видел дивную красоту в народной сказке, обновил ее, и она заново зажила. То же произошло и с лубком: художники, любящие народное искусство, вернули его из небытия. И вот вы теперь видите, как у нас на страницах сказка снова встретилась с лубком, тоже, конечно, обновленным, потому что М. Кузнецов был художником нашего времени.
Лубок и сказка, посмотрите, словно нашлись две части одного механизма — так все совпало и заработало, как нужно: весело, лукаво, ярко.

раздо хуже, чем просто злобная и вздорная старуха).

Больно и жутко видеть в людях такие черты. Но Пушкин понимает, что, несмотря ни на что, в жизни и в людях много прекрасного. Он создает «Сказку о царе Салтане» — веселую, безмятежную, радостную сказку о том, как отец и сын вопреки козням находят друг друга. Он пишет «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» — поэму о чудесном всесилии верности и любви. Он пишет волшебную, таинственную «Сказку о Золотом петушке», в которой беспощадно карает тупо-

Не гонялся бы ты поп за дешевизною

го и неблагодарного царя, не выполняющего своих обещаний, не верного своему слову. Он создает сказочный мир — мир добра и справедливости.

В самом деле, посмотрите: это и вправду целый мир. В этом мире своя земля, на которой живут цари и мужики, сварливые бабы и туповатые попы, воеводы и богатыри. Да еще зайцы, волки, белки, собаки, серые утки. Да еще неведомые иноземные люди — «сорочины», татары, «пятигорские черкесы». Да еще какое-то загадочное житье «за морем» («Ладно ль за морем иль худо» — «За морем житье не худо»). Здесь и море свое, тоже густо заселенное — рыбами, чертями, богатырями. И оно изменчиво от сказки к сказке, как от погоды к погоде. То оно спокойно, бесцветно и безучастно — его можно даже «морщить» веревкой. То оно радостная синяя стихия, приносящая счастье, соединяющая, а не разделяющая людей, несущая на себе веселые кораблики. И волны его, как живые: они могут послушаться просьбы и выбросить на берег бочку с бедными узниками и «тихонько» отхлынуть... А вот другое море — таинственная, грозная и справедливая держава маленькой и могучей Золотой рыбки...

Здесь свои небеса, в которых живут солнце и месяц; солнце вежливое и ласковое, месяц тоже довольно доброжелательный и учтивый, хотя несколько холодноватый: «Не видал я девы красной. На стороже я стою только в очередь мою. Без меня царевна, видно, пробежала...»

Здесь, наконец, своя вселенная:

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

В одних этих строчках целый мир: небо, море, природа, люди.

И пусть этот мир, созданный Пушкиным, сказочный, но все в нем полно жизни и правды. Пусть не бывает на свете чертей или говорящих золотых рыбок, но неподдельна красота этого мира, правдивы человеческие чувства, мудры мысли — и радостные и горькие,— которые Пушкин увидел в древней народной поэзии и воплотил в легких и прекрасных стихах.

Вот почему последнюю свою сказку о том, как наказан был спесивый царь Дадон, он заключает многозначительными словами:

Сказка — ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Относитесь к сказке серьезно, как бы говорит Пушкин. Она учит понимать жизнь, учит видеть в ней добро и зло, учит отстаивать добро и бороться против злобы и несправедливости.

Кстати, цензоры вычеркнули из «Сказки о Золотом петушке» эту ехидную народную прибаутку. Они не хотели относиться к сказкам серьезно. А может быть, боялись...

КОНЕЧНО, ВЫ БУДЕТЕ ДРУЗЬЯМИ!

надо посоветоваться

Меня не понимает мама, самый близкий человек. И мне очень горько. Иной раз мне даже кажется, что она просто-таки не хочет меня понимать.

Я всегда считала, что моя мама меня прекрасно понимает и может в любую минуту дать нужный совет. Но сейчас я вижу, что ее отношение к моим «проблемам» изменилось.

У нас есть знакомые. Их сын Петя — второгодник, но он очень хороший (и умный!) человек. Я захотела с ним поближе познакомиться и сказала об этом маме. Ответ ее был таков: «Знаешь, Варенька, он ведь плохо учится!..» Я была потрясена. Мама, моя мама, говорит такие вещи! После этого я перестала делиться с мамой мечтами и тайнами. Она обижается: «Ты мне ничего не рассказываешь, все от меня скрываешь». А как я еще могу поступить? Вдруг опять наткнусь на такой отпор?

Недавно у нас была контрольная по алгебре. Я алгебру люблю, она мне «дается», но все же я усиленно готовилась, и мама это знала.

И вдруг... я не смогла из четырех вопросов сделать «полтора». Я пришла домой расстроенная, еле сдерживая слезы.

А мама меня начала расспрашивать совсем не к месту, какие вопросы были в контрольной. Она не понимала (или не хотела понимать), что сейчас даже не нужно об этом спрашивать, что мне не до этого.

Я хочу, чтобы мы с мамой были друзьями.

Как мне быть?

Варя

ВАРЕ ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТ СОФЬЯ ИГНАТЬЕВНА БОГАТЫРЕВА

Дорогая Варя!

Мы внимательно прочли твое письмо и решили, что ты не права. Ты пишешь, что твоя мама тебя не понимает, «просто-таки не хочет понять». А по твоему письму получается, что, напротив, это ты не понимаешь, не хочешь понять твою маму.

Давай подумаем вместе.

В доказательство того, что тебя дома не понимают, ты приводишь два примера.

Первый случай. У твоих родителей есть друзья. Их сын Петя — второгодник, но «очень хороший (и умный!) человек». Тебе хотелось поближе познакомиться с Петей, а маме эта мысль не очень понравилась, мама напомнила тебе, что Петя плохо учится. Ты «была потрясена и после этого перестала делиться с мамой мечтами и тайнами». Очень жаль, что ты так отнеслась к маминым словам: в них не было ничего обидного для тебя! Конечно, нельзя судить о человеке только по тому, какие у него отметки в школе. Но твоя мама, по-моему, этого и не делала. Она просто поделилась с тобой своим мнением о Пете. И, согласись, кому хочешь покажется странным: «очень умный человек» и вдруг ухитрился остаться на второй год! Должно быть, он уж очень легкомысленно ко всему относится или у него совсем нет воли. Не мудрено, что мама насторожилась. Заметь: мама не запретила тебе с ним общаться, только обратила твое внимание на то, что ей в Пете не нравится. Это доказывает, что мама относится к твоим проблемам серьезно, что она говорит с тобой уважительно, как с равной, как с другом. Это очень хорошо, и такое отношение надо ценить.

Второй случай. Ты не решила контрольную по алгебре, пришла домой расстроенная, а мама «совсем не к месту» стала расспрашивать, какие вопросы были на контрольной.

Почему же «не к месту»? Как раз очень к месту! Мама стремилась разобраться в причинах твоей неудачи, выяснить, что произошло, а тебе это показалось оскорбительным.

Вот мы и добрались, Варя, до сути твоих разногласий с мамой.

Мама относится к тебе как к разумному, взрослому человеку и разговаривает с тобой без скидок, а тебе хочется, чтобы она с тобой во всем соглашалась, каждое желание поддерживала, в каждой неприятности только утешала. Ты стараешься сохранить те отношения, которые сложились, когда ты была совсем маленькой и мама жалела тебя, если случалось разбить коленку. Но ты из таких отношений выросла. Новые отношения тебе больше по росту.

На одних поддакиваниях дружбы не построишь — ни с мамой, ни с папой, ни с подругами, ни с товарищами.

И я тебе тоже не хочу поддакивать и не стану тебя жалеть. Не за что! Ты девочка умная и, надеюсь, на меня не обидишься.

А с мамой у тебя все будет хорошо: вы, видно, крепко друг друга любите, и сейчас у вас складывается новая, взрослая дружба.

Комната в деревенском доме. В дверь, широко распахнутую, виден весенний пейзаж. В раскрытые окна комнаты врываются цветущие ветви вишен. За окном видна голова пестрой КОРОВЫ. А в комнате у окна сидит ДЕВОЧКА и пишет портрет этой коровы.

ДЕВОЧКА *(рисуя)*. Стой смирно!

КОРОВА *(медленно и важно)*. Это я могу-у-у...

ДЕВОЧКА. Если будешь вертеться, — выйдешь кособокая!

КОРОВА. Понима-а-аю...

ДЕВОЧКА. И, пожалуйста, поглядывай на дорогу. Увидишь, что хозяйка возвращается, скажи! Я побегу на кухню...

КОРОВА. Хорошо. Скажу-у... *(Помолчав.)* М-м-милая! Нарисуй меня с серебряным колокольчиком на шее! Когда я была м-м-маленькой телочкой, у м-м-моей м-м-мамы был такой...

ДЕВОЧКА. Я нарисую тебе колокольчик на розовой ленте.

КОРОВА *(стыдливо и кокетливо)*. Мне бы лучше голубу-у-ую... Голубой цвет мне больше к лицу-у-у...

ДЕВОЧКА. Можно голубую... *(Обернувшись назад.)* А ты там опять шебуршишь?

МЫШКА *(выглядывает из-за шкафа)*. Шебуршу, шебуршу, шебуршу.

ДЕВОЧКА. Ну, чего тебе надо?

МЫШКА *(играя хвостиком и пританцовывая)*. Дай-дай-дай-дай! Погрызть, покусать, пожевать! Хозяйка стала до невозможности скупая! Я голодаю! Я грызу старые журналы и газеты!

ДЕВОЧКА *(с уважением)*. Ишь ты!.. Газеты и книги! От этого ты, наверное, становишься очень образованной.

МЫШКА. Ничего подобного, ничего подобного, глубокое заблуждение! Я только учусь всяким трудным словам... «Цивилизация»... «Аппендицит»... «Электричество»... Мне бы надо перейти в другой дом, — такой, где и пьют и льют, хлеб режут и крошки оставляют... *(Всхлипнула.)* Но как же я тебя оставлю? *(Рыдает.)* Одну! Сироту! Беззащитную!

ДЕВОЧКА *(растроганно)*. Не плачь, Мышка! Ну, хочешь — у нас сегодня будут печь пирожки, — я уроню один на пол... Хорошо?

МЫШКА *(вытирая слезы)*. Мерси, мерси, чувствительно благодарю! Желательно — с мясной начинкой... И сделай это осторожно, чтобы хозяйка тебя не прибила... Ужасная женщина! В книгах про таких пишут: «Антипатичная личность»!

ДЕВОЧКА *(со вздохом)*. Да, правда, она противная.

МЫШКА. Колоссально противная!.. Слушай, а не дашь ли ты мне сейчас чего-нибудь, а?

ДЕВОЧКА. Сама знаешь, все заперто, а ключи у хозяйки!

МЫШКА. А вон на окне, в подсвечнике, огарочек! Беленький, вкусненький, дай-дай-дай!

ДЕВОЧКА. Лови! *(Бросает огарок свечи.)*

МЫШКА. Мерси, мерси, мерси!

ДЕВОЧКА. Ну и обжора ты, Мышка!

МЫШКА. Что я слышу? Я обжора? Но ведь у меня семья! Мама, папа, три братца, три сестрицы, двое дядюшек, две тетушки, дедушка, бабушка да еще десять двоюродных братцев и сестриц!

ДЕВОЧКА. Счастливые! Вам, наверное, весело всем вместе?

МЫШКА. Ничего подобного, глубокое заблуждение! Все дядюшки, тетушки, все их дети только и делают, что плачут. Всю нашу норку слезами залили... Видишь, я даже в калошах! *(Показывает.)*

ДЕВОЧКА. А почему они плачут?

МЫШКА. Ах, они такие несчастные! Они прибежали к нам издалека, на их деревню напал атаман Паук!

ДЕВОЧКА. Атаман Паук?

МЫШКА. Да. Это злой разбойник! Он напал на дом, где жили эти бедные мышки, и убил их хозяев. А хозяева были порядочные люди — ели четыре раза в день и ничего не запирали на замок...

ДЕВОЧКА *(задумчиво)*. Люди говорят, моего отца убили на войне с каким-то атаманом Пауком... И мою мать угнали разбойники из шайки атамана Паука...

МЫШКА. Это он, он! В газетах пишут: атаман Паук сейчас набрал новую шайку. Они идут сюда! Захватывают города и деревни, убивают людей, поджигают дома!.. Ну, я побегу, до свидания, до скорого, до приятного! *(Исчезает.)*

КОРОВА *(сочувственно и ласково)*. Ты пла-а-чешь?

ДЕВОЧКА *(со слезами)*. Да. Я подумала про моих маму и папу... Я ведь их уже никогда больше не увижу... А теперь этот Паук опять идет сюда...

С крылечка поспешно входит в комнату МАЛЬЧИК.

МАЛЬЧИК *(весело)*. Сестренка! *(Бросается к ней, видит, что она плачет.)* Ты плачешь? Откуда ты узнала?

ДЕВОЧКА. Что я «узнала»?

МАЛЬЧИК. Прости, я не сказал тебе раньше... Я только сегодня ночью придумал это...

ДЕВОЧКА. Что «это»? Что ты придумал?

МАЛЬЧИК. Поклянись, что никому не расскажешь?

ДЕВОЧКА. Клянусь!

МАЛЬЧИК. Скажи: «Пусть меня разорвут собаки!»

ДЕВОЧКА. Нет, не так! *(Торжественно.)* Пусть я не увижу, как встает солнце! Пусть я не услышу, как поют птицы и цветы...

МАЛЬЧИК. Ну, слушай! Я сегодня отсюда убегу!

ДЕВОЧКА. Убежишь? Насовсем?

МАЛЬЧИК. Да. Кто у меня здесь есть? Хозяин? Он только дерется да попрекает каждым куском! Я, говорит, тебя, сироту, подобрал, пою, кормлю... Что я здесь делаю? Прислуживаю в хозяйском кабаке, разношу пивные кружки. А я хочу учиться! Строить ковры-самолеты! Убегу в город.

ДЕВОЧКА *(с укором)*. А я? Я останусь здесь?

МАЛЬЧИК. Нет! Я вернусь за тобой! Прилечу на ковре-самолете и унесу тебя далеко-далеко!

ДЕВОЧКА *(повеселев)*. Правда?

МАЛЬЧИК. Правда.

ДЕВОЧКА. Руку?

МАЛЬЧИК. Руку!

Крепкое рукопожатие.

ДЕВОЧКА *(Корове)*. Слышала, Пеструшка? Он прилетит за мной на ковре-самолете, будь свидетельницей! *(Печально, положив руку ему на плечо.)* Но мне так грустно с тобой расставаться...

МАЛЬЧИК. Мне тоже... Вместе выросли... Ты ведь мне все равно, что сестра! Оба мы здесь всем чужие. Никого у нас нет...

ДЕВОЧКА *(помолчав)*. Ты будешь учиться... Я бы тоже хотела учиться — рисовать!.. Знаешь, хозяйка сердится за то, что я пачкаю бумагу, она бросает мои рисунки в огонь! Я уж теперь рисую потихоньку — на стенах домов...

МАЛЬЧИК. А, так собаку там, на стене почты, нарисовала ты?

ДЕВОЧКА. Да...

МАЛЬЧИК. Почему же собаку? Ты могла бы нарисовать меня!

ДЕВОЧКА. А собака очень просила, чтоб ее! *(Достала из-за шкафа рисунок и подает ему.)* Вот, на память. Мой рисунок...

МАЛЬЧИК *(разглядывая рисунок)*. А кого это ты изобразила?

ДЕВОЧКА. Как кого? Это я...

МАЛЬЧИК. Нисколечко не похожа! Это какая-то принцесса! Красивая, нарядная!

ДЕВОЧКА *(с огорчением)*. Да, конечно... Я не такая...

МАЛЬЧИК. Да на что мне твоя картинка? Я тебя и так помню. Закрою глаза — и вижу: ты! Нос у тебя в саже...

ДЕВОЧКА *(поспешно вытирая нос)*. Это я чистила кастрюли...

МАЛЬЧИК *(с закрытыми глазами)*. Голова у тебя растрепанная, как у пса Лохмата! *(Открыл глаза.)* Видишь — помню наизусть!

ДЕВОЧКА. Я тоже буду тебя помнить... Всегда!

МАЛЬЧИК. Ну, я пойду. Вечером прибегу проститься. *(Убегает.)*

ДЕВОЧКА *(Корове)*. Мне грустно, Пеструшка.

КОРОВА. Почему-у-у?

ДЕВОЧКА. Потому что уезжает мой единственный друг!

КОРОВА. А мы-ы-ы?

За сценой слышен громкий собачий лай.

Ах, опять этот нахальный пес! Я его не выношу-у-у!

В другом окне показывается голова большого ПСА. Он запыхался и обмахивает морду собственным ухом, как веером.

ЛОХМАТ. Новости! Нов-нов-нов-новости!

ДЕВОЧКА. А ты не врешь, Лохмат?

ЛОХМАТ. Ей-богу! Ей-боу-бо-боу-боу!

ДЕВОЧКА. Ну, говори скорее!

ЛОХМАТ *(косясь на Корову).* При посторонних?

КОРОВА *(обиженно).* А мне и ни к чему-у-у! Я уйду-у-у!

Скрывается.

ДЕВОЧКА. За что ты ее обижаешь, Лохмат?

ЛОХМАТ. Разве она может понимать? *(С презрением.)* Так-к-кая кор-р-рова!

КОРОВА снова появляется в окне.

КОРОВА *(с достоинством).* Собака лает, ветер носит! *(Скрывается.)*

ЛОХМАТ *(гордо).* Не обращаю внимания! Ну, слушай новости... Незнакомые приезжие. Двое. Возле почты!

ДЕВОЧКА. Ну и что же?

ЛОХМАТ. Один из них у всех спрашивает, кто это так замечательно нарисовал меня на стене.

ДЕВОЧКА. Не может быть!

ЛОХМАТ. Ей-богу! Ей-боу! Боу, боу!

ДЕВОЧКА. А кто он, этот приезжий?

ЛОХМАТ. Люди говорят, художник.

ДЕВОЧКА. Художник? Так он, наверное, приехал в золотой карете?

ЛОХМАТ. Нет! Он пришел пешком. С сундучком в руке...

ДЕВОЧКА. А как он одет? Весь в золоте и бархате, да?

ЛОХМАТ. Нет, платье у него простое. И сапоги смазаны самой простой мазью... Очень невкусно — я лизнул...

ДЕВОЧКА. Вот бы мне поучиться у него рисовать!

ЛОХМАТ. Ты и так отлично рисуешь! Там, на стене почты, я вышел кр-р-расавцем! Как живой, вой-вой-вой!

ДЕВОЧКА. А где он теперь, этот художник?

ЛОХМАТ. Да он договаривается во дворе с хозяйкой.

ДЕВОЧКА *(бросаясь к окну).* Где, где?

ЛОХМАТ. Идет сюда!

ДЕВОЧКА. Идет сюда? *(Испуганно заметалась, прячется в шкафу.)*

Входят ХУДОЖНИК и СЛУГА.

ХУДОЖНИК. Ну вот и договорились с хозяйкой!

СЛУГА. Отвратительная, жадная старуха! Сейчас разложу наши вещи. А через полчаса нам подадут обед.

ХУДОЖНИК *(обнимая его).* Ты говоришь это так мрачно, словно обещаешь: «Через полчаса нас повесят!» Не ворчи, старик, не порти моей радости!

СЛУГА. Не вижу причин радоваться! Забрели куда-то... Ни общества, ни друзей!

ХУДОЖНИК. Какой вздор! Тут превосходное общество! Где вы, друзья?

В окне показывается ЛОХМАТ.

ЛОХМАТ *(вежливо раскланиваясь).* Здрасть! Здрасть! Здрасть!

В другом окне — КОРОВА.

КОРОВА. Честь име-е-ею!

Из-под половицы высовывается МЫШКА.

МЫШКА. Привет! Привет! Привет!

ХУДОЖНИК. Видишь, старик, сколько у меня друзей? Как же мне не радоваться? А тут еще весна, солнце, цветущие вишни... И этот чудный рисунок пса там, на стене почты... Если бы мне узнать, кто это рисовал!

СЛУГА. Подумаешь, как это нужно. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

ХУДОЖНИК. Замечательный рисунок! Неопытная рука, много погрешностей, но настоящий талант! *(Всматриваясь в Пса, стоящего за окном.)* Ба! Да это, кажется, тот самый пес...

ЛОХМАТ. Да, это я... И я мог бы рассказать вам, кто меня нарисовал, — она сидит позади вас, в шкафу.

ХУДОЖНИК. В шкафу? *(Открывает шкаф.)* Ах, это девочка? Что ж! Выходи, познакомимся...

ДЕВОЧКА молчит и пугливо отворачивает лицо.

Ты художник, я художник... Давай дружить, а?

ДЕВОЧКА. А вы почему надо мной смеетесь? Какой я художник?

ХУДОЖНИК. Да, правда, ты еще не настоящий художник. Но ты можешь стать им! Ведь это ты нарисовала собаку там, на улице?

ЛОХМАТ *(за окном).* Она! Она! Ей-боу-боу-боу!

ХУДОЖНИК. А у тебя есть и другие рисунки?

ДЕВОЧКА *(подает).* Вот... Это я сегодня рисовала... *(Показывает на стоящую за окном Корову.)* Вот ее!

ХУДОЖНИК *(разглядывает).* Гм... Отлично!

КОРОВА *(в окне).* Не правда ли, я похожа?

ХУДОЖНИК. Дорогая Корова, вы здесь совсем как живая! *(Девочке.)* Ну, а другие рисунки есть у тебя?

ДЕВОЧКА *(подает).* Вот... Узнаете, кто это?

ХУДОЖНИК. Твой портрет... Очень хорошо!

ДЕВОЧКА. А мне сказали: я не похожа...

ХУДОЖНИК. Да, ты еще не с о в с е м такая... Но ты м о ж е ш ь быть такой. Ты еще не все увидела в себе,— вот у тебя пушистые реснички, как стрелки одуванчика... А ты этого еще не нарисовала!

ДЕВОЧКА смущенно молчит, трогая пальцем ресницы.

Кто ты, Одуванчик? Чья?

ДЕВОЧКА. Ничья. Хозяйка подобрала меня, когда я была вот такая... Подкидыш я, приемыш... Понимаете? Папу убили на войне, мама умерла.

ХУДОЖНИК. И что ты здесь делаешь?

ДЕВОЧКА. Прибираю комнаты, мету полы, топлю печи... Стираю, стряпаю, мою посуду...

ХУДОЖНИК. А как тебя зовут?

ДЕВОЧКА. Никак.

ХУДОЖНИК. Я буду звать тебя Одуванчиком...

В эту минуту слышен сильный стук в калитку и грубый голос: «Эй! Кто там есть? Отоприте».

ОДУВАНЧИК *(отныне и мы будем звать ее так,— схватив Художника за руку).* Что это?

СЛУГА *(входит очень мрачный).* Там пришли какие-то люди... Они спрашивают вас, Мастер!

ХУДОЖНИК. Меня? А кто они такие?

СЛУГА. Не знаю и не жду ничего хорошего. Шляпы у них надвинуты низко — до самых бровей... Такие приходят не с добром!

ХУДОЖНИК. Приведи их сюда — и побудь с ними, пока я отряхну пыль со своего сюртука... *(Уходит.)*

СЛУГА *(ворчит).* «Пригласи их!» «Прими их!» Очень нужно... Хозяйка жарит нам яичницу и цыплят, а эти молодчики не дадут нам спокойно пообедать!.. *(Уходит.)*

ОДУВАНЧИК выбегает из комнаты. СЛУГА вводит АТАМАНА и ХОРЬКА.

Подождите. Здесь. Мой господин сейчас выйдет...

АТАМАН *(тихо Хорьку).* Я не слишком доверяю Шакалу...

ХОРЕК *(так же).* Я тоже. Это лгун. Ему ничего не стоит направить нас по ложному следу, Атаман!

АТАМАН. Не называй меня так, дубина!

ХОРЕК. Виноват, обмолвился!

АТАМАН. И расспроси этого старика!

ХОРЕК *(Слуге).* Послушайте, любезный...

СЛУГА *(ворчливо).* Я не любезный. Я очень неприветливый и неприятный человек.

ХОРЕК. Скажите, пожалуйста... Ваш господин художник?

СЛУГА. Это его дело.

ХОРЕК. Но ведь вы его слуга?

СЛУГА. А это мое дело.

ХОРЕК. А говорят, у него есть волшебные краски?

СЛУГА. А это не мое дело. И не ваше тоже.

ХОРЕК. Говорят, что бы ни нарисовал он своими волшебными красками, все это появляется в самом деле! Нарисует дом — встает дом. Нарисует коня — прибежит конь... Правда это?

СЛУГА. Если бы это было так, мой господин давно нарисовал бы мне ну хотя бы новые штаны! А то мои совсем, как решето... *(Уходит.)*

АТАМАН. Ты осел, Хорек! И говорил с ним, как осел! С Художником говори умнее.

Входит ХУДОЖНИК.

ХУДОЖНИК. Здравствуйте, господа. Чем могу служить?

ХОРЕК. Здравствуйте, господин Художник. Нас прислал к вам самый могущественный человек на свете! Вы не догадываетесь?

ХУДОЖНИК. У меня нет времени разгадывать загадки... Скажите прямо, что вам от меня нужно?

ХОРЕК. Мы пришли сделать вам одно выгодное предложение... Продайте нам ваши краски!

ХУДОЖНИК. Краски? Их можно купить в любой лавке!

ХОРЕК. Нет. Мы хотим купить именно ваши краски!

ХУДОЖНИК *(вставая)*. До свиданья, господа!

ХОРЕК *(тоже встает)*. Мы хорошо заплатим...

ХУДОЖНИК. Выход прямо, господа! На крыльцо — и в калитку!

АТАМАН *(до сих пор молчал)*. Значит, вы отказываетесь? Но ведь вы не знаете, кто нас прислал к вам!

ХУДОЖНИК. А меня это и не интересует!

АТАМАН. Нас прислал сам великий, могущественный, прославленный атаман Паук! Берегитесь! Вы даже не представляете себе, что он может сделать с вами!

ХУДОЖНИК. Ничего он со мной не может сделать!

АТАМАН. Атаман Паук может все. Он может, если захочет, потушить на небе солнце и звезды!

ХУДОЖНИК. Я сильнее! Я могу зажечь их вновь!

АТАМАН. Атаман Паук может превратить миллионы людей в своих рабов!

ХУДОЖНИК. А я помогу этим людям освободиться!

АТАМАН. Поглядите в окно — весна, солнце, цветы... Да? *(Засунув пальцы в рот, оглушительно свистит. И словно в ответ на его посвист гремит гром, сверкает молния, спускаются густые сумерки.)* Видите? Я потушил солнце! Я убил цветущие вишни, они стоят черные и голые, как зимой!

В самом деле, вместо цветущих вишен, заглядывавших в окно, торчат мертвые, обнаженные сучья, и пейзаж, видный в дверь,— холодный, зимний пейзаж.

Теперь ты видишь, ничтожный человек, что может атаман Паук? Надеюсь, ты больше не будешь упрямиться?

ХУДОЖНИК *(помолчав)*. Да. Вы меня убедили.

ХОРЕК. Так давай скорее краски!

ХУДОЖНИК. Нет. Я должен еще объяснить вам, как с ними обращаться. А я так устал и взволнован, что еле стою на ногах... Дайте мне отдохнуть!

АТАМАН. Хорошо. Атаман Паук дает тебе сроку до вечера... Достаточно тебе?

ХУДОЖНИК. Вполне.

АТАМАН. Но не вздумай удрать, — мы найдем тебя везде! *(Уходит с Хорьком.)*

СЛУГА. Ну вот, мы попали в страшную беду... Прилягте, Мастер, наберитесь сил,— кто знает, что еще придется нам перенести от этого Паука!

ХУДОЖНИК. И не подумаю ложиться! Дай мне холст, я буду работать!

СЛУГА *(хмуро)*. Так я и знал! Вы хотите драться с этим человеком?

ХУДОЖНИК. А разве ты когда-нибудь видел, чтобы я уклонялся от драки?

СЛУГА. Но, Мастер, это разбойник, вот он кто!

ХУДОЖНИК. Да, это разбойник. Надо помешать ему разбойничать! Не будем терять времени, — я должен успеть сделать все до его прихода. *(Снял сюртук, засучил рукава.)*

СЛУГА *(таща мольберт с холстом)*. Вы с ним не справитесь, Мастер!

ХУДОЖНИК. Ты забыл, старик, что у меня есть помощники! *(Открывает свой сундучок.)* Краски мои! Я зову вас всякий раз, когда нужно исправить неправду или зло... Помогите мне и сегодня! Покажем этому Пауку, что могут чистые краски в чистой руке художника! *(Садится за мольберт, который повернут изнанкой к зрителю.)*

СЛУГА уходит. ОДУВАНЧИК возвращается.

ОДУВАНЧИК. Что он сделал, этот человек! Тучи завесили небо и солнце, как чехлы на мебели... Вишни мои, и трава, и цветы — все погибло!..

ХУДОЖНИК. Ничего, Одуванчик, они еще оживут... Смотри в окно, мне некогда

Рисунки Д. ВОВИКОВОЙ

смотреть самому... Смотри и рассказывай, что ты видишь!

ОДУВАНЧИК *(глядя в окно)*. В одной из туч прорвалась дырка... И небо выглядывает в нее синим глазком, как в окошечко!

ХУДОЖНИК. Очень хорошо. А еще что?

ОДУВАНЧИК. Тучи посветлели, словно позади них зажгли лампу!

ХУДОЖНИК. Отлично! Я рисую чистое небо... Что еще ты видишь?

ОДУВАНЧИК. Тучи разорвались в клочья... Они уплывают... Солнце, вот оно, солнце!

ХУДОЖНИК. Превосходно! Я рисую остальное... Что ты видишь теперь?

ОДУВАНЧИК. Я вижу, как растет трава... Черное поле снова оделось пшеницей, как пушистой зеленой шубой... И вишни — поглядите, они снова цветут! *(Радостно гладит руками ветки вишен в окнах — они снова покрыты снегом своих цветов.)* Это вы? Вы сделали все это?

ХУДОЖНИК. Я написал моими красками солнце, пшеницу, цветы, и они появились. *(Закрывает сундучок.)* Спасибо, краски! Мы сегодня славно поработали... *(Вошедшему Слуге.)* А теперь собирай наши вещи, старик! Мы уходим.

СЛУГА. Пока вы работали, Мастер, я все уложил. Даже цыплят и яичницу! Мы не останемся без обеда, будьте спокойны!

ОДУВАНЧИК *(с отчаянием)*. Вы уходите? Совсем, навсегда? А как же я?

ХУДОЖНИК. Да-да, как я не подумал об этом! *(Внезапно.)* Знаешь что? Я возьму тебя с собой!

СЛУГА. Ну вот... Пришли вдвоем, уходим втроем... Теперь в доме будет топот и возня, шум и беспорядок!

ОДУВАНЧИК. Нет-нет, не говорите так! Я буду работать... Вот воротник у вас совсем плохо выутюжен... Вы мужчины, вы, конечно, этого не умеете! У вас в доме, наверное, нет ни одного цветка и табак рассыпан по обеденному столу...

ХУДОЖНИК. Слышишь, старик? Ей не нравится наше хозяйство! Ура! У меня теперь будут цветы на столе и хорошо отглаженный воротничок!.. Я возьму тебя с собой, девочка. Я

буду звать тебя: «Одуванчик! Дочка!» А ты будешь откликаться: «Я здесь!» Я буду учить тебя, ты станешь художником... И, может быть, именно тебе я и передам мой сундучок с красками...

ОДУВАНЧИК. А вы не смеетесь надо мной? Нет?

ХУДОЖНИК. Ну, если ты мне не веришь, я скажу тебе, как говорит твой друг Лохмат: «Ей-боу-бо-боу!..» Пойдем за вещами, старик! *(Уходит со Слугой.)*

Появляется МЫШКА.

МЫШКА. Видишь, я сказала тебе правду: человек, который приходил сюда и убил весну,— это и был атаман Паук! Мы, мышки, всегда все знаем! Мы всюду бегаем, все видим, все слышим... В газетах это называется «первоклассная информация».

ОДУВАНЧИК. А знаешь, Мышка, я ухожу отсюда с Художником... Я буду учиться!

МЫШКА. Слыхала... Я все слышу!

ОДУВАНЧИК. Мы сейчас уходим... Прощай, Мышка!

МЫШКА. Не прощайся, — я ухожу с тобой!

ОДУВАНЧИК. Ты? Со мной?

МЫШКА. А как же иначе? Вечная дружба! Верность до гроба! *(Всхлипывает.)* Я, конечно, рискую, сильно рискую... Художники — народ ненадежный. Сегодня они при деньгах и у них можно питаться вполне прилично, а завтра они вдруг сорвались с места — и от них остались только обрывки холста да пустые тюбики из-под красок! А уж это какое питание! В газетах это называется «диетический стол»...

ОДУВАНЧИК. Нет, Мышка, этот Художник никого не обидит!

МЫШКА. Поглядим, поглядим... А тебе я пригожусь: меня все городские мыши знают!.. Ну, до свиданья, до скорого, до приятного! *(Убежала.)*

В окне появляется голова ЛОХМАТА.

ЛОХМАТ. Что я слышу? Что-что-что?

В другом окне плачет КОРОВА.

КОРОВА. Ты уезжа-а-аешь!

ЛОХМАТ *(подвывая)*. Я огорча-а-аюсь! Я страда-а-аю!

ОДУВАНЧИК *(перебегая от одного к другому)*. Милые мои, не плачьте! Пеструшка, дай я вытру тебе глаза моим платком. И тебе, мой дорогой Лохматик!

ЛОХМАТ *(заливаясь слезами)*. Не надо! У меня для этого есть ухо! *(Вытирает слезы собственным ухом, как платком.)* Это очень удобно, удобно, удобно!

Вбегает МАЛЬЧИК.

МАЛЬЧИК *(с котомкой за плечами)*. Ну, прощай! Я ухожу!

ОДУВАНЧИК. Я тоже ухожу, пойдем вместе!

МАЛЬЧИК. Вместе? Ура! *(Подбрасывает вверх шапку.)*

Входят ХУДОЖНИК и СЛУГА.

ХУДОЖНИК. Ну, идем... А это кто?

ОДУВАНЧИК. Это мой друг... Он пойдет с нами!

ХУДОЖНИК. Отлично! Мое семейство разрастается! А ты ворчал, старик, что в этой глуши мы никого не знаем...

СЛУГА. Вот... пришли вдвоем, уйдем вчетвером... Ради бога, уйдем поскорее, пока вы не усыновили еще полдюжины ребят!

ЛОХМАТ *(за окном — Художнику).* А меня не возьмете? Я не ребенок, я совершеннолетний!

ХУДОЖНИК. Вот и этого пса тоже возьмем!

СЛУГА *(в ужасе).* Этого только не хватало!

ХУДОЖНИК. А знаешь, ты прав! Нам именно этого не хватало: хорошего, верного пса! Пес — это так солидно и внушительно!

ЛОХМАТ *(с жаром).* Да! Я солидный! Я внушительный! И я ученый: я умею впустить злодея в дом — и не выпустить его!

ХУДОЖНИК. Видишь, старик? Это пес с высшим образованием. Берем, обязательно берем!

КОРОВА *(обиженно).* Всех берете... Что же я, — ху-у-же?

ХУДОЖНИК. Милая Корова, мы возьмем и вас.

СЛУГА *(схватившись за голову).* Дети! Собаки! Коровы!

ХУДОЖНИК. Старик! Корова — это так семейственно, так уютно!

КОРОВА *(кивая головой).* Да, я ую-ю-ютная, ую-ю-ютная...

СЛУГА. Пришли вдвоем, уходим вшестером! Эх...

ОДУВАНЧИК. *(Корове и Лохмату).* Только смотрите — не ссорьтесь!

КОРОВА. Мы будем жить дру-у-ужно! Кляну-у-усь!

ЛОХМАТ. Да-да! Дружно! Ей-боу-боу-боу!

СЛУГА. Как мы проживем до конца месяца, ума не приложу!

ХУДОЖНИК. Там будет видно... Идем, друзья!

СЛУГА *(показывая на картину, которую написал Художник).* А как же картина?

ХУДОЖНИК. Я оставлю ее атаману Пауку! И я еще припишу на ней несколько слов... *(Пишет кистью на картине, повторяя вслух.)* «МЫ СИЛЬНЕЕ ТЕБЯ, АТАМАН ПАУК!» А теперь — в дорогу! Идем, Одуванчик... *(Взяв ее за руку, уходит с песней.)*

И зорок глаз, и крепки ноги,
И сердце бьется горячо,
И мы по солнечной дороге
Идем вперед, плечо в плечо!

СЛУГА и МАЛЬЧИК с той же песней уходят за ними.

ЛОХМАТ *(подойдя к Корове).* Разрешите вас просить... *(Галантно предлагает ей лапу.)*

КОРОВА *(томно).* С у-у-у-удовольствием!

ЛОХМАТ и КОРОВА под руку, с песней идут за ХУДОЖНИКОМ и его друзьями.

ЗАНАВЕС

А. ТУРКОВ

СЕДОЙ ГАВРОШ

Около пятидесяти лет назад в Ленинградском театре юного зрителя была поставлена инсценировка одного эпизода романа Виктора Гюго «Отверженные» — «Гаврош».

Ею начала свой долгий путь в театре и литературе для детей Александра Яковлевна Бруштейн.

Для детей? Пожалуй, это не совсем точно.

«...Я не помню, чтобы когда я писала пьесу или повесть, — говорит писательница в одной из своих книг, — я прикидывала в уме: «Это будет для детей. Это подойдет для среднего возраста, — нет, пожалуй, и для старшего тоже». Когда я писала, я делала это прежде всего для самой себя — для детей моего возраста — от десяти до девяноста лет».

Еще при жизни Бруштейн возникла своеобразная распря между ее взрослыми и детскими читателями: для кого она писала многие свои пьесы, например, «Тристана и Изольду» или в особенности известную автобиографическую трилогию «Дорога уходит в даль», «В рассветный час», «Весна»? Друзья писательницы шутили, что это им напоминает легендарный спор между греческими городами за честь называться родиной Гомера.

Секрет успеха книг Александры Яковлевны в том, что каждый их читатель чувствовал, что автор обращается к нему как к равноправному собеседнику, уважительно и доверчиво. Ведь и детям и взрослым случается встречать в книгах и нудные поучения и плохо скрытое недоверие к нашей с вами понятливости, старательное растолковывание того, что нам и так понятно, скучное повторение того, что, как говорится, мы уже проходили. «Это грамзапись... а не живые слова», — можно было бы сказать о таких книгах словами одной давней пьесы А. Бруштейн.

Тот разговор, который она вела и теперь, после смерти, продолжает вести на страницах своих книг с детьми, очень похож на диалог между художником и девочкой в ее пьесе-сказке «Одуванчик»:

— Ты художник, я художник... Давай дружить, а?

— А вы почему надо мной смеетесь? — подозрительно и обидчиво говорит девочка. — Какой я художник?

— Да, правда, ты еще не настоящий художник. Но ты можешь стать им!

«Ты можешь стать им, ты уже становишься им — человеком, гражданином, завтрашним

Александра Яковлевна Бруштейн.

борцом за будущее!» — вот что звучало в самом «голосе» книг Бруштейн, и это очень хорошо ощущал ее читатель и всем сердцем откликался на эту дружескую интонацию.

Каждый мальчишка мог бы повторить, как клятву, вслед за героем едва ли не самой популярной инсценировки Бруштейн, написанной по роману Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»:

— Если бы я жил пятьдесят лет тому назад, во Франции, во время Великой революции, я брал бы Бастилию в рядах санкюлотов... Немного позже я дрался бы здесь, у нас, с англичанами за независимость Америки!

— Ну, слава богу, вы опоздали родиться! — отвечает собеседник.— И войны и революции — уже позади. Все священные драки кончились!

— Как знать! — отвечает герой и вскоре на театральных подмостках вступает в свой священный бой за свободу и равенство людей, в защиту угнетенных и порабощенных.

«Не думай, что ты опоздал, что все великое в истории уже совершено! — говорила писательница своими произведениями.— Впереди еще много борьбы и труда, и твои силы пригодятся, знай это! Победа не приходит легко, тебе может встретиться горе, будь готов к этому!»

Многие из вас помнят, наверное, отца Сашеньки, героини автобиографической трилогии Бруштейн, — доктора Яновского. Не было человека добрее и мягче его, но порой он не боялся рассказывать горячо любимой дочери о жестокости и несправедливости, с которыми сталкивался сам и с которыми когда-нибудь придется встретиться и ей самой.

— Ничего страшного... — ответил он на упреки жены, когда девочка горько заплакала от одного его рассказа.— Пусть поплачет! Пусть учится ненавидеть подлость! Без этого она не вырастет человеком...

Так часто поступает и сама писательница. И, конечно, не по тем причинам, по которым в одной ее пьесе злая волшебница грозится «выстричь у сказок счастливые концы». «...Пусть бегают, как фокстерьеры с отрубленными хвостами! И я огорчу этим всех ребят на свете!» — предвкушает эффект своей выдумки колдунья.

Писательница поступает так, чтобы мы все не забывали, что в мире еще неспокойно, что во многих странах царит ложь и рабство, стоит «отвратительный запах веревки на человеческой шее», как говорится в африканской песне.

В конце пьесы «Хижина дяди Тома» Бруштейн ввела такой эпизод: перед зрителями на киноэкране появляется лицо плантатора Легри.

— Посмотрите на меня, запомните мое лицо!..— надменно говорит он.— Я правлю и буду править миром всегда!

— Запомни его лицо, — призывает и писательница, — но только затем, чтобы не дать ему править миром, угнетать и убивать, в какие бы личины и маски он потом ни рядился.

Ее книги учили нас и ненавидеть таких Легри и смеяться над их претензиями на роль хозяев жизни.

Ах, как умела Александра Яковлевна смеяться! Порою — убийственно зло, уничтожающе: над самодовольным фабрикантом Шабановым («Дорога уходит в даль»), над классными дамами гимназии, где учится Сашенька, у которых в глазах зажигается счастливый огонек, когда можно кого-то преследовать, изобличить, наказать; над чванной Скукой, фигурирующей в одной из ее пьес («...госпожа Скука много выезжает,— почтительно говорит ее слуга.— На заседания и совещания, на лекции и доклады...»).

Порою и, пожалуй, чаще всего — с доброй улыбкой, с любовью к людям. Неудержимая жизнерадостность рвется к нам навстречу со страниц ее книг. В пьесе «Счастливый конец» вышитый на ковре пудель просит... чуть-чуть подпороть ему хвост. «Вы не представляете, до чего мне хочется помахать хвостом!» — восклицает он.

Александра Яковлевна прожила долгую жизнь — восемьдесят четыре года. За эти годы ею было бесконечно много сделано и ничего не потеряно в смысле сердечной свежести, душевной чуткости и неистребимого интереса к жизни и людям.

Было в ней самой что-то от выведенного ею на сцену Гавроша — от его смелости, веселости, доброты, от его озорного языка.

Болезни, горести, потери близких давно преследовали ее.

Но помните, как вел себя Гаврош, когда в него стреляли враги?

«Это было страшное и трогательное зрелище. Гаврош под обстрелом как бы поддразнивал стрелков... На каждый залп он отвечал новым куплетом».

Александра Яковлевна давно потеряла слух. Она почти ослепла.

«Я не подавала до сих пор голоса,— пишет она друзьям,— потому что мне самой неловко! На 80-м году жизни заболеть крупозным воспалением легких, да еще «обладая» совершенно халтурным сердцем, держащимся на чьих-то ненадежных соплях,— ей-богу, это стыдно... Сейчас я еще «полулежу», но уже две недели, как работаю, хотя за такую работу надо бить даже больного,— и при этом так устаю, что за ночь раза три вовсе засыпаю... Одним словом, срам да и только!»

«...не успел Гаврош упасть, как поднялся снова. Он сидел на земле, струйка крови стекала по его лицу... он обернулся в ту сторону, откуда раздался выстрел, и запел... Он не кончил песни. Вторая пуля того же стрелка оборвала ее навеки... Эта детская и великая душа отлетела».

Прощай, наш седой Гаврош!

И вечно здравствуй в своих книгах, спектаклях, в наших сердцах, в вечно сменяющихся волнах тысяч «детей твоего возраста — от десяти до девяноста лет»!

Как воевал Кузнечик

Эту историю рассказал нам гвардии майор Анатолий Иванович Черемных, бывший артиллерист.

В октябре 1942 года 308-я сибирская стрелковая дивизия занимала рубеж обороны под Сталинградом, в районе завода «Баррикады». Всю огневую мощь минометов, орудий, танков и самолетов фашисты обрушили на этот узкий участок фронта. Восемьдесят часов — больше трех суток подряд! — бушевал над позициями ураган огня, грохота и дыма.

И вот когда обстрел немного утих, в тыл к нашим артиллеристам неизвестно откуда прибежал верблюд. Он жался к лошадям, подвозившим снаряды, и ни на шаг не хотел от них отходить.

Старшина дивизиона Андрей Ермаков поймал верблюда и отвел его в седьмую батарею, где хуже всего было с тяглом. Автомашин артиллеристы не имели, лошадей многих убило, а те, что остались живы, отощали и обессилели от непрерывных поездок. Пара лошадей, запряженная в повозку, еле-еле тянула шесть-семь ящиков со снарядами.

Верблюду подобрали упряжь, телегу и стали ездить на нем за снарядами. Кличку дали ему Кузнечик. Положат Кузнечику шестнадцать ящиков в телегу, кричит бедняга от напряжения, но везет.

Здорово помог тогда верблюд на батарее. И потом, когда дивизия погнала гитлеровцев на запад, Кузнечик не раз выручал в трудную минуту артиллеристов. Перевозил им пушки и гаубицы при смене огневых позиций. Освоил он и военные хитрости: при бомбежке и артобстреле ложился, чтобы не быть мишенью.

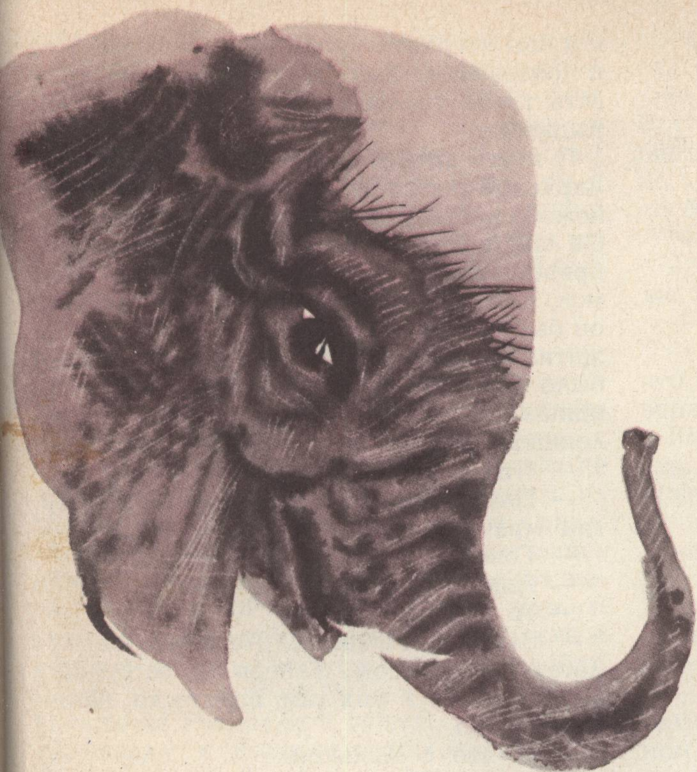
Был Кузнечик несколько раз ранен, но батарею не покидал. Прошел он по фронтовым дорогам ни много ни мало две тысячи восемьсот километров — от Волги до самого Берлина.

С. КАРАХАНЯН,
старший научный сотрудник Центрального музея Революции

Виктор ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЗ

Моя знакомая слониха Лялька

Рисунки С. ДОНСКОЙ.

Я расскажу вам, ребята, одну цирковую историю. Это история про заболевшую слониху, старую мою приятельницу. Я расскажу вам про то, как она заболела и как я ее вылечил, потому что я ее крепко любил и уважал, она была для меня дороже старого друга. Во всяком случае, не хуже.

Мы давно с ней дружили, а потом расстались, как мне казалось, навек. Но жизнь иногда устраивает необычайные чудеса и фокусы, и смотришь, через пять лет разлуки снова встречаешь старого товарища и, как ни странно, только сейчас начинаешь понимать, что он тебе по-настоящему дорог и мил, и какой он добрый и славный, и ты коришь себя тысячу раз, говоришь себе, что вот ты его уже забывать стал. А разве это красиво — забывать друзей? Разве это хорошо? Разве тебя этому учили твои отец и мать?

Нет, они не могли никогда научить тебя подобным делам и поступкам, потому что они были старые потомственные цирковые артисты, а у цирковых артистов особенно развито чувство товарищества и долга.

И теперь, когда моих родителей давно уже нет на этом свете, я и сам уже почти что старый, и так уж меня все зовут «старый клоун». Это еще и потому, что я придерживаюсь старого репертуара, вернее, не старого, а старинного, но уж зато по-настоящему смешного. Дети очень любят такие испытанные годами клоунские номера. А я всю жизнь учился только такие номера показывать и научился в конце концов.

Теперь когда шпрехшталмейстер выходит и объявляет в цирке: «А сейчас выступает Николай Ветров, старый клоун»,— ребята сейчас же начинают хлопать в ладоши и подпрыгивать на месте, и я выхожу в

Глаза слонихи были прикрыты, безжизненный хобот уныло опущен.

манеж, и они все ужасно галдят и долго не успокаиваются. Я под конец снимаю перед ними шляпу, строю уморительную гримасу, раскланиваюсь на все стороны и объявляю смешным голосом: «Добри вечер! Драсьти!»

И они усаживаются, и можно начинать показывать что-нибудь смешное.

Это все очень интересно. Всегда: в каждом городе, на каждом представлении. Я это все объясняю так долго затем, чтобы вы поняли, как я люблю свое дело, зрителей, маленьких зрителей особенно, этот шелковистый звук ребячьих рукоплесканий. И цирк люблю с музыкой, и артистов в парадных костюмах, и цирковых животных. А как же?

И вот однажды, когда я уже выступил и попрощался с ребятами и оркестр заиграл такую музыку, чтобы все ребята в такт хлопали все вместе, я вышел в наш цирковой буфет. Мне очень хотелось пить. Стою я и пью «сердитую водичку», она холодная и покалывает язык, ее все ребята любят, и есть такие удальцы, что по пять бутылок выпивают.

И в это время подходит ко мне старый цирковой работник Панаргин, он работает помощником у дрессировщика Русакова. Он еще издали помахал мне рукой в знак приветствия. Я ответил и показал глазами: мол, иди ко мне. Высокий и медлительный, он быстро подошел ко мне и сунул для пожатия свою шершавую руку. Лицо у него было в крупных, сползающих книзу морщинах, выражение глаз, красных и воспаленных, тревожное. Я спросил его:

— Что с тобой?

— Плохие дела, брат,— сказал Панаргин мрачно

— Говори скорей!

— Лялька болеет, а Русакова нет.

— А где же он?

— Завтра объявится. Черт его дернул лететь самолетом. Теперь он загорает в Целинограде. У них там, видите ли, нелетная погода.

— А что с Лялькой?

— Болеет. Ну, не знаю, вид плохой... Стонет .. Пойдем посмотрим!

Я сказал:

— Пошли.

— Будь другом,— обрадовался Панаргин,— сделай милость. Ум хорошо, а два — сам знаешь... Стоит, не ест, беда на мою голову...

— Бежим,— сказал я, выгрызая зернышки из яблока.— Таисия Сергеевна,— я обернулся к буфетчице,— заверните мне булочек десяток!

Буфетчица кивнула головой.

— Я не за себя,— сказал Панаргин,— ты не думай. Ляльку жалко. Ведь она какая артистка! Безотказная! Разве она слон? Золото она, а не слон! Лучше любого человека.

— Не канючь! — сказал я.— Сейчас поглядим. Пойдем!

Я взял у буфетчицы пакет. Он был полон.

— За мной! — сказал я буфетчице.— Ладно?

— Не беспокойтесь,— сказала она.

И мы пошли на конюшню.

*

Да, конечно, слониха была больна. Панаргин не ошибся. Она стояла в дальнем углу конюшни, недалеко от дежурной лампочки. Она была прикована тяжелой цепью к чугунной тумбе. Глаза ее были прикрыты, безжизненный хобот уныло опущен. Она была похожа на огромный серый холм, покрытый редкими

травинками волос, на африканскую хижину, стоящую на четырех подпорках-столбах. Тяжелая ее голова и огромные уши, похожие на шевелящиеся пальмовые листья, несоразмерно маленький хвост — все это выглядело усталым, обвисшим и хворым. Я подошел к ней спереди, прямо со лба, держа в руке открытый пакет со свежими булочками, и протянул его. Я был рад ее видеть. Я сказал ей негромко:

— Лялька.

Она чуть шевельнула ушами и медленно переступила передними ногами, потом посмотрела своим человеческим грустным взглядом Давненько мы не виделись с ней Давненько, что и говорить, и вполне можно было позабыть меня, выкинуть из головы и сердца Но тогда, когда мы виделись, мы крепко дружили, встречались каждый день. И сейчас Лялька узнала меня мгновенно. Я это увидел в ее глазах. Она не стала приплясывать от радости и трубить «ура» во весь свой мощный хобот. Видно, не до того ей было, сил было мало Просто по глазам ее я увидел, что она меня узнала, и глаза ее пожаловались мне. Она искала сочувствия у старого друга. Она похлопала ресницами и покачала головой, словно сказала: «Вот как привелось свидеться. Скверные, брат, дела...»

И все-таки она сделала над собой усилие и, приподняв хобот, тихонько дунула мне в лицо.

— Узнала,— сказал Панаргин голосом, полным нежности.— Ну, что за животное такое, девочка ты моя.

— Да,— сказал я,— узнала, милая.

И я вынул из пакета плюшку и протянул ее Ляльке.

— Лялька,— сказал я,— на̀ булку.

Она снова подняла свой слабый хобот. Дыхание у нее было горячее. Я держал сладкую пахучую булку на раскрытой ладони. Но Лялька нерешительно посопела и отказалась. Хобот ее равнодушно, немощно и на этот раз окончательно повис над полом. Я прислонил пакет с булками к тумбе.

— Что такое,— сказал я,— еду не берет? Температура, по-моему.

— Ну да,— сказал Панаргин,— простыла, наверно. Здесь сквозняки, черти бы их побрали! Устроили ход на задний двор, а дверь не затворяют, дует прямо по ногам, ее и прихватило. Она же хрупкая. Не понимают, думают: раз слон, так она вроде паровоза. Все нипочем: и дождь и ветер, — а она хрупкая!

— Кашляет?

— Да нет, не слышно, а дышит трудно

— И давно она так?

— Да с утра. И завтракала неохотно. Я обратил внимание, плохо ест!

Я зашел сбоку и стал обходить Ляльку постепенно, вдоль туловища, и прикладывал ухо к наморщенной и шершавой Лялькиной коже. Где-то далеко внутри, как будто за стеной соседней комнаты, послышались низкие однообразные звуки, словно кто-то от нечего делать водил смычком по басовой струне контрабаса.

— Бронхит, по-моему, — сказал я.

— Только бы не воспаление легких, боже упаси!

— По-моему, надо кальцекса ей дать.

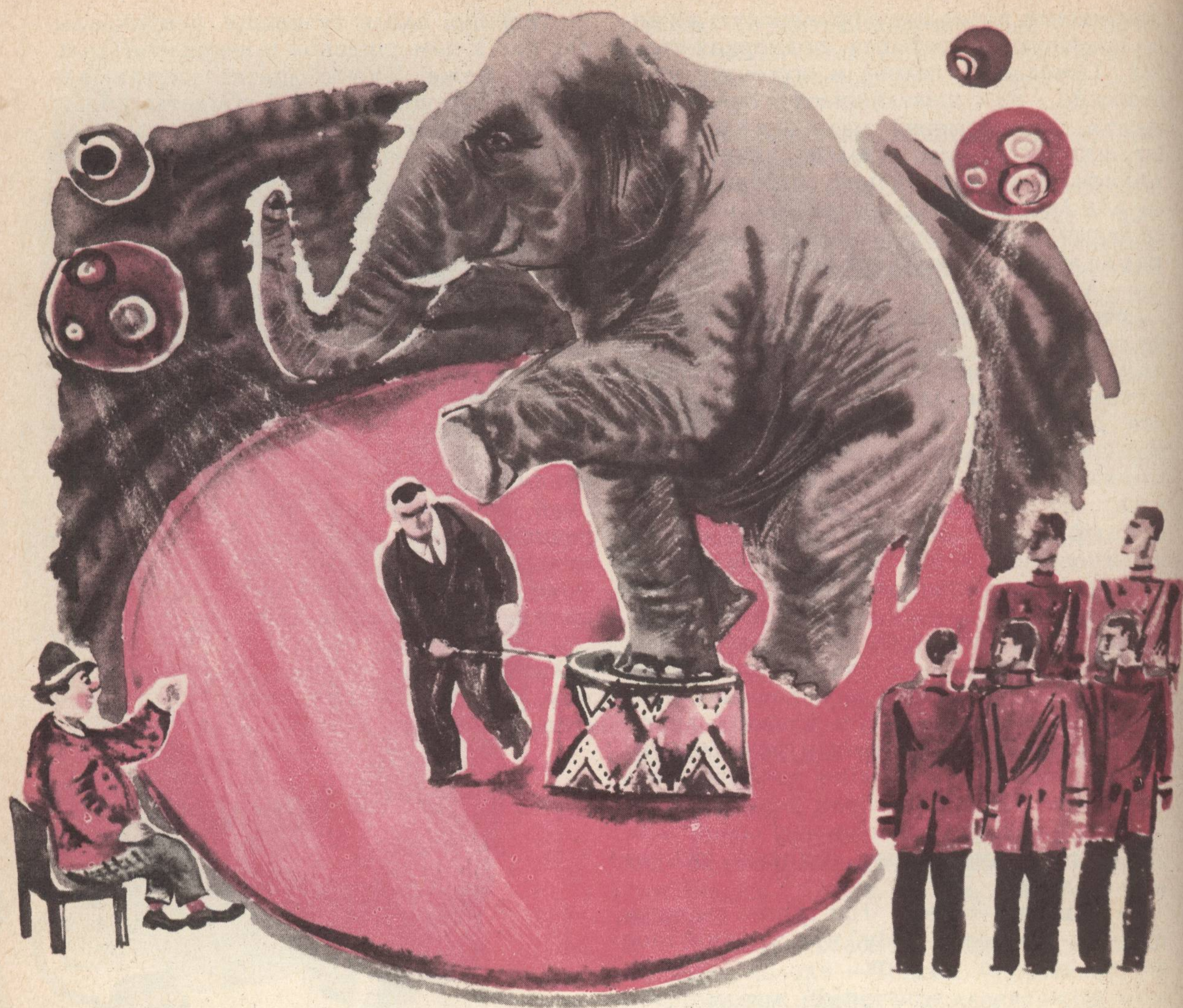
— Ей встряска нужна, и согреть надо, что ей кальцекс — вот уж верно, как говорится, слону дробинка...

Вот так стоять и канючить он мог бы еще до утра, потому что Иван Русаков привык до всего добираться собственными руками, и глаз у него был острый, хозяйский, но его помощники были людьми нерешительными, несамостоятельными — воспитал на свою голову А теперь вот слонихе худо, а этот долговязый бедолага маялся и робел, как мальчишка.

— Тащи ведро,— сказал я твердо и повелительно,— и посылай за красным вином, не найдут — пусть возьмут портвейну бутылки четыре. Водки вели принести.

Я держал сладкую, пахучую булку на раскрытой ладони Но Лялька нерешительно посопела и отказалась.

После каждого трюка она приветливо трясла головой, кланялась

— Во-во! И сахарку кило три! Сейчас, сейчас мы ее вылечим. Не может быть — вылечим!

Он очень обрадовался тому, что кто-то взял на себя обязанности решать и командовать, ему теперь нужно было только подчиняться и возможно лучше исполнять распоряжение. Это было ему по душе. Он сразу почувствовал уверенность и выказал рвение.

— Генка! — крикнул Панаргин, и сейчас же перед ним вырос ушастый униформист.

— Что, дядя Толик?

Панаргин быстро сунул ему несколько мятых бумажек.

— Беги в «Гастроном», возьми четыре бутылки красного или портвейна и водки захвати пол-литра. Да единым духом, пока не закрыли!

— Банкетик? — Генка сочувственно кивал головой.— Беленького, пожалуй, маловато... А чем закусывать будете?

— Я тебе дам банкетик! — сказал Панаргин и несильно стукнул Генку по затылку.— Своих не узнаешь, беги мигом, тебе говорят! Пять минут на все дело! Ну!

Генка убежал, а я взял ведро со стены и сказал Панаргину:

— Сходи, брат, в аптечку и что есть кальцексу и аспирину — тащи сюда. Хуже не будет. Экспериментальная медицина.

Он шагнул наверх, его циркульные ноги перемахивали через четыре ступеньки сразу. А я подхватил ведро и пошел в туалетную, и нацедил теплой воды, так, чуть поменьше половины. Когда я вернулся к Ляльке, она приветственно шевельнула хоботом, и, честное слово, она выглядела чуть веселее, чем раньше. В ее глазах были надежда и вера. Верно, я серьезно говорю, в Лялькиных глазах сверкнула вера в человека, в дружбу: она поняла, что еще не все потеряно, раз вокруг нее бегают и хлопочут люди. Я поставил ведро на пол и

стал поджидать Генку и Панаргина. Хотелось мне помочь этой слонихе, очень хотелось. Я стоял так в полутемной и холодной конюшне, и думал об этой больной артистке, и вспомнил, как однажды во Львове Ваня Русаков репетировал со своими животными.

*

Я сидел тогда в партере и смотрел его работу. Это было после какого-то длительного и хлопотливого переезда, и животные нервничали. Но Русаков был человек железный, не давал никогда поблажки ни себе, ни животным, и поэтому сейчас на репетиции было много щелчков бича и всяческих нудных повторений, и понуканий, и принуждений. Была возня с реквизитом и со светом.

Под конец Русаков совсем охрип, и тут ему вывели медведя Остапа. Русаков стал репетировать с ним вальс, но у Остапа было нетанцевальное настроение, не до вальса ему было, и весь вид его был какой-то взъерошенный и озлобленный. Он так и нарывался на скандал и в конце концов получил-таки по носу, но не смолчал, а быстро и ловко рванул Русакова за руку между большим и указательным пальцами. Кровь закапала дробными каплями. Собаки тут же кинулись на Остапа.

Русаков остановил их повелительным окриком, и Панаргин с рабочим загнали медведя в клетку. Русаков сел тогда рядом, а молоденькая сестричка натуго перебинтовала ему порванную руку. Когда она ушла, Русаков посмотрел на меня и сказал с виноватой улыбкой:

— Можешь себе представить, Коля? Я устал.

Он сидел, закрыв глаза, строгий и подобранный, похожий на утомленного учителя средней школы. Черный костюм, белый воротничок и галстук особенно подчеркивали это сходство. Он откинул голову назад, стали видны капли тяжелого пота, они обсыпали его надбровья. Русаков сидел так молча уже несколько секунд, и я подумал, что он задремал, но он вдруг открыл совершенно ясные и трезвые глаза. Он сказал негромко:

— Главное — перевести дух.— И крикнул резко и звонко: — Ляльку!

И вот тут-то я увидел чудо.

*

Лялька вышла в манеж весело и охотно, даже торопясь. Во всяком случае, походка, ритм всех четырех ее движущихся ног напоминали чуть-чуть неуклюжую, но все-таки резвую рысь. Добравшись до середины манежа, слониха остановилась и стала весело раскланиваться, приподняв хобот и улыбаясь своим треугольным войлочным ртом. Она поклонилась центральному входу с повисшей над ним площадкой оркестра. Потом повернулась налево и, не переставая улыбаться, поклонилась левому сектору и, наконец, проделала то же самое, повернувшись направо. Я сначала думал, что она так дурачится от нечего делать и что это еще не работа, но Русаков толкнул меня локтем и сказал:

— Смотри, смотри, что будет!

Его нельзя было узнать, он оживился, подался вперед, глаза его блестели, и усталость как будто исчезла с его худого лица.

А между тем Лялька, не обращая на нас никакого внимания, подняла свою толстенную ногу — сначала одну, а затем и другую,— поставила их обе на стоявшую в манеже деревянную тумбу. Потом очень спокойно и деловито, сосредоточенно посапывая, она взобралась на эту, такую крохотную по сравнению с ней площадку всеми четырьмя ногами. Здесь она аккуратно и педантично, одну за другой, проделала «стойку на трех точках», «на двух», и, наконец, рекордный трюк — «стойку на одной точке».

После каждого трюка она приветливо трясла головой, кланялась, значит, как говорят в цирке, «продавала работу», и веселая, обаятельная улыбка все время не сходила с ее, так сказать, уст! Было удивительно видеть эти тонны мяса, мускулов и кожи в таких неестественных положениях, и особенно были странными моменты перехода с одного трюка на другой, когда она искала баланс и так безошибочно переносила центр тяжести своего огромного тела с одной ноги на другую.

Поработав на тумбе, Лялька сошла наземь и пошла по самому краю манежа. Изящная в своей чудовищной громоздкости, она вдруг начала вертеться вокруг собственной оси. Это был вальс, чугунный слоновый вальс, грациозно отплясываемый громадным серым чудовищем. Мне казалось, что слониха напевает про себя бессмертную мелодию Штрауса: так легко и непринужденно она сама, без указаний дрессировщика, повторяла всю программу своего вечернего выступления. В цирке было тихо, униформисты застыли в форганге, свободные артисты набились в боковые проходы, контролеры и служащие, электрики и уборщицы, гримеры и пожарники — все, затаив дыхание, следили за веселой, добродушной и добросовестной слонихой, так прилежно исполняющей на репетиции свой артистический долг.

Вдоволь повальсировав, Лялька три раза встала на «оф», то есть поднялась на свои

стройные задние ноги в знак финального приветствия зрителям и, как будто неуклюже, но, в сущности, очень ловко развернувшись, двинулась на конюшню. Всей своей мешковатой рысью она изображала отчаянную спешку, цирковой темп, блеск, подъем и кураж. Это была великая артистка цирка, я проникся к ней любовью и уважением. Мы познакомились и подружились с ней.

*

А сейчас я стоял в полутемной, холодной конюшне подле моего больного друга и всем сердцем хотел ей помочь. Я постоял с ней еще минуты три, потом прибежал Генка и поставил передо мной, прямо на пол, несколько бутылок вина. Я открыл их и стал выливать в ведро. Вино смешивалось с горячей водой, пар поднимался кверху. Слониха почуяла этот запах и издалека протянула хобот к ведру. Сверху спустился Панаргин, он всыпал в ведро большую банку сахарного песку и из пригоршни прибавил таблеток тридцать кальцекса.

Я размешал все это гладкой палочкой, которую протянул мне Генка, и долил водки. Слониха все еще тянулась к ведру, я подошел к ней, поставил ведро, и она стала пить.

— За ваше здоровье, мадам Лялька! — сказал Генка.

— Поможет, как думаешь? — спросил Панаргин. Его грызла тревога, он не мог сдержать себя.— Вот хорошо, если бы помогло...

— Должно помочь,— сказал я.— Тебе бы помогло? Вот и ей поможет. Она не хуже тебя.

Слониха допила все до конца и благодарно закрыла глаза.

— Она лучше его,— сказал Генка,— сравнения нет, насколько она лучше. Вот закрыла глаза, благодарность, значит, имеет. А этот? Я ему вчера три клетки грязные вычистил, а кто видел благодарность? Вы, дядя Коля, видели?

— Нет,— сказал я,— не видел.

— И я тоже не видел,— сказал Генка,— они все ловчат, скряги эти цирковые, а я не обязан задыхаться в медвежьих клетках, мое дело — манеж...

— Настырный ты очень,— сказал Панаргин глухо,— скромности в тебе нет. Тут, видишь, какое несчастье, а он склоки свои затевает.

Я сказал:

— Ему полагается. Сам как сумеешь, а рабочему отдай. Давайте тащите сена сюда, да побольше.

— Будь сделано,— сказал Генка и обернулся к Панаргину: — Пошли, что ли? А благодарность чтобы завтра мне была! Завтра. После вечернего представления. Не забудь.

— Ладно, — сказал Панаргин. — Ты у кого хочешь выцыганишь. Ладно, завтра расчет.

— При свидетелях,— сказал Генка,— вот они, свидетели,— дядя Коля и Лялька! Обмани попробуй!

Панаргин скрылся, пошел за сеном. Генка двинулся за ним. Я придержал его за плечо.

— Она теперь поспит. Слышишь? Ей надо укрыться потеплее, потому сена тащи, чтоб его по грудь ей было. Понял?

Слониха стояла и шамкала старушечьим ртом.

— Конечно, понял, дядя Коля,— сказал Генка.— Неужели же нет?

— На,— сказал я и дал ему немного денег,— перебьешься как-нибудь?

— Ни за что не возьму, что вы, дядя Коля! — Генка стал отпихивать мою руку, его косые уши стали еще косее, видно, он не на шутку смутился.

— Слушай,— сказал я,— у меня много, понимаешь? Получка, суточные, гостиничные, целый карман. А у тебя, видно, туго. Возьми, будут — отдашь. И не валяй барышню, я сегодня злой...

Он взял.

— Спасибо,— сказал он, отвернувшись,— а то весь прохарчился.

Из-за угла вышел мой старый цирковой друг Борис, за ним, конечно, следовал Жек, еще один мой старый цирковой друг.

— Вот он где,— сказал Борис,— а мы, как столбы, дежурим у буфета.

— А буфет закрыт,— добавил Жек,— и все буквально разошлись... Куда столько сена? — строго спросил он у Панаргина. Тот и правда волочил на своей спине целую копну.

— Куда надо,— сказал я.

Панаргин сбросил сено у Лялькиных ног и стал его разбрасывать равномерными охапками. Видно было и Генку — он тащил поменьше, но зато бегом. Я вынул булочки из пакета и положил их на пол возле ног слонихи.

— Последишь, Генка,— сказал я,— ладно? Главное теперь — тепло.

— Без него найдется кому последить,— сказал Панаргин ворчливо,— только и света в окошке, что профессор Гена...

Я стал набрасывать Ляльке на спину сена и увидел, что ей хочется спать. Медленно и тяжело согнула она ноги и, убедившись, что на полу мягко и ей будет удобно, повалилась на бок. Мы стали укрывать ее сеном.

— И попону можно,— сказал Борис,— делу не помешает.

Он обратился ко мне.

— Вот что,— сказал он, присев на корточки и тоже засыпая Ляльку сеном,— мы сегодня с Жеком совещались, чем тебя порадовать по случаю приезда. Решено: в первый же выходной день назначается грандиозное чествование старого друга, друга юности, приехавшей знаменитости, в узком, но сплоченном семейном кругу. А сейчас ни ко мне, ни к Жеку нельзя, уже поздно, перебуторим всех домашних. Так что гуляй до выходного! Ваша гардеробная наверху, налево. Приятных сновидений!

— Пока,— сказал я.

*

Моя гардеробная была без окон. В ней было совершенно темно, но я не стал зажигать свет, я и так отличнейшим образом нашел свою постель. Цирк уже спал, тишина владела цирком, и только изредка ко мне сюда доносилось легкое весеннее погромыхивание, словно невдалеке собиралась освежающая первая гроза и для начала рассыпала по небу, раскатывала над полями первые громовые шары.

Но это было не так, сейчас стояла осень, осенью гроз не бывает. И я отлично знал, откуда эти мощные звуки, долетающие сюда, под крышу. Я знал, что это Цезарь, царь зверей, старый, с пломбированными зубами лев, плохо спит, мучимый ревматизмом. Сейчас он, бедняга, наверное, уснул, и ему снится ростовский цирк — там было тепло, и там у него осталась одна знакомая, больная астмой сторожиха. Он тосковал по ней.

Я положил руки под голову и уставился в темноту. Спать я не мог. Но постепенно в моей голове закружились и смешались разные обрывки из детских представлений, елочных спектаклей и цирковых пантомим. Это я уже засыпал, а ведь думал не спать, и вот, поди ж ты, засыпал, несмотря ни на что. Я засыпал, а где-то внизу взревывал тоскующий лев, мучимый старческой бессонницей, потомственный артист цирка, самый настоящий заслуженный артист республики из отряда хищников.

Я лежал и представлял себе, как представления пойдут одно за другим, а я буду всегда жить в цирке и никуда не уеду, потому что здесь высший смысл моей жизни.

Сегодня и ежедневно.

Я надеваю парик, иду в манеж — дети смеются.

Я снимаю парик, иду в душ, сорок минут перерыва.

Я надеваю парик, иду в манеж — дети смеются.

Дети любят клоунов и слонов.

Я вскочил. Ну, сна теперь уже не будет.

Я ясно вообразил себе, как спит сейчас под своим сеном несчастная, больная Лялька! Она лежит, и зябнет, и дрожит, и тяжелые хрипы в ее груди делают свое страшное дело...

Ничего не видя, бежал я по цирку, представляя себе самые ужасные картины...

*

Ничуть не бывало! Слониха встретила меня, стоя на ногах, с весело и задорно приподнятым хоботом! Она покачивалась взад и вперед, словно разминая уставшие мышцы и перегоняя застоявшиеся ведра крови по всему могучему и здоровому своему телу.

Увидев меня и сразу признав, Лялька торжествующе трубанула. В эту минуту многие в ужасе заткнули уши — и животные и люди. Я подошел к ней, и слониха обняла меня хоботом за шею и притянула к себе. От нее пахло сеном и цирком. Я люблю ее, я люблю этот родимый запах, поэтому я обнял ее, широко раскинув руки, чтобы побольше захватить необъятного ее лица. Мы так постояли, немного обнявшись, потом Лялька повернула меня к себе спиной и несильно толкнула вперед. Я вспомнил про булочки и поглядел на пол, куда положил их вечером. Булочек не было. Ни одной. Я оглянулся и сказал:

— Ай, браво! Все съела?

Лялька не обратила на этот вопрос никакого внимания и снова хоботом толкнула меня.

В чем дело?

Я не понимал ее и поглядел в ту сторону, куда двигала меня Лялька. Оттуда шел какой-то запах. Я сделал несколько шагов и увидел ларь. Вот оно что! Я сразу все понял и открыл его. Он был доверху набит свеклой и морковью.

Эта чертиха хотела есть! Она была здорова и хотела есть! Как я сразу не догадался?!

Я набрал корма и стал таскать его и складывать у Лялькиных ног. Она занялась едой.

Все было в порядке.

Я стоял с ней рядом, и она снова трубанула. Я сразу понял смысл этого короткого и полного звука:

«Пусть всегда пляшет удивительная кавалькада радости и счастья жизни».

И я подумал еще:

«Мы всегда идем впереди со своими хлопушками и свистульками, мы, клоуны, паяцы и увеселители, и рядом с нами прекрасные, веселые слоны».

Дети любят клоунов и слонов.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Овсей ДРИЗ

Пожарная машина

Какого цвета Хелом?
Хелом цвета серого.
Дело в том, что Хелом
Построен весь из дерева:
Дома, плетни, курятники,
Сарай, телега, бричка...
И как-то раз местечко
Вспыхнуло, как спичка.

Высыпали люди
Из домов на улицу.
Кто спасает козочку,
Кто индюка,
Кто курицу.
А хеломские домики,
Отражаясь в речке,
Горят,
Как
Свечки.
Верно, даже в Киеве
Это пламя видели.

Прибежали к мудрецам
Хеломские жители:
— Пылают наши крыши,
Комоды, сундуки!
И вот уже под нами
Тлеют каблуки!
Мудрейший из мудрейших,
Опершись на посох,
Крикнул:
— Тише, люди!
Борух-бер, философ,
Думает.
На стуле,
Не открывая глаз,
Как спасти наш Хелом,
Он думает сейчас.
А вы пока тушите,
Я вас научу:
Дуйте,
Как вы дуете,
Чтобы задуть свечу.

Над огнем пичуги
Мечутся в испуге.
Хеломские умники
Дуют на лачуги.
Ух, какой пожарище
В Хеломе раздули!
И сидит философ
Погружен в раздумье,
Ничего не видя,
Ничего не слыша.
А уже затлела
И дымится крыша...
Слышал я, что дождик
Старый Хелом спас.
Но что бы это ни было,
Вдруг огонь погас.
Чернеют головешки.
И тут-то наконец
Борух-бер очнулся.
— Нашел!— сказал мудрец.
Со стула встал и смотрит
Горящими глазами.
— Мы слушаем, мы слушаем!—
Все мудрецы сказали.
Он бороду пригладил
И табакерку вынул.
— Я, кажется, придумал
Пожарную машину!
Мудрецы воскликнули:
— Это же открытие!
Расскажи нам толком,
Как же смастерить ее?

— Если бы все реки
Перелить в одну...
Мудрецы сказали:
— Ну, ну, ну?
— Если бы все сосны
Связать в одну сосну...
Мудрецы сказали:
— Ну, ну, ну?
— А из всех топоров
Сковать один топор...
— Ну и что же дальше? —
Спросил мудрейший хор.
— И если бы найти нам
Такого дровосека,
Чтоб это дерево срубил
И бросил в эту реку,—
Размахивая стулом,
Философ продолжал:
— То брызги потушили бы
Любой большой пожар!

И мудрое-премудрое
Собрание решило:
— Вот это настоящая
Пожарная машина!

Но воспользовались ли когда-нибудь хеломские жители пожарной машиной, которую придумал Борух-бер, философ, неизвестно. Дело в том, что впоследствии архивы местечка Хелома все-таки сгорели.

Сказка о горшочке старого портного

Когда-то в деревне жил старый портной
И штопал и штопал он старой иглой
Рваный сюртук и худое пальто,
Жилетки и брюки — и это и то.
Но сколько ни клал он на брюки заплаток,
В доме всегда и во всем недостаток:
Пусто в дырявом его кошельке,
Пусто в большом закопченном горшке.

И как-то портному жена говорит:
— Не знаю, что буду сегодня варить.
Портной отвечал, подшивая жилет:
— Вари, что варила вчера на обед.
— Но что я варила? Какой-то пустяк!
Портной улыбнулся, латая пиджак:
— Ах, мне до сих пор не забыть его вкус!
Пустяк был послаще, чем спелый арбуз.

Жена говорит:
— Ты глупее наседки!
Забыл ты о нашей лукавой соседке.
В пустой наш горшок она глянет опять
И будет над нами весь день хохотать:
— Так я и знала! Странные люди!
Варят пустяк в огромной посуде!

— Горшок на двоих у нас, правда, велик.
Но кто ж тебе в меньшем варить не велит?
Ведь есть же у нас и кастрюлька и чашка! —
Жене посоветовал старый портняжка.

Наутро портному жена говорит:
— Опять я не знаю, что буду варить.
Портной удивился: — Привыкнуть пора.
Вари то же самое, что и вчера.
— Но что я варила? Какой-то пустяк!
— Ах, этот пустяк! — улыбнулся бедняк.—
Что был за вкус и какой аромат!
Я, кажется, съел восемь ложек подряд.

Вздохнула жена: — Ты глупее козла.
Наша соседка хотя и не зла,
Если в кастрюльку заглянет опять,
Будет над нами весь день хохотать:
— Так я и знала! Странные люди!
Варят пустяк в огромной посуде!

— Жена, не волнуйся.— Портной отвечает
И мелом на черном сукне размечает.
Наметив борта, и манжеты, и петли,
Сказал:
— Загляни-ка к горшечнику. Нет ли
У старого крохотных птичьих горшков —
Как раз для любимых моих пустяков?

Сказано слово, сделано дело.
Соседушка сунуть свой нос захотела
В чужую посуду. Портной углядел —
И сразу горшочек на палец надел.

Верно, ты видел на пальце портного
Горшочек, что меньше горшочка любого.
Наперстком теперь мы горшочек зовем.
Но старая сказка запрятана в нем.

Перевел с еврейского Г. САПГИР.

ШКОЛА БУДУЩИХ МОРЕХОДОВ ● ● ДЕВОЧКА — ГРОЗА ВРАТАРЕЙ ● КАК ДЖИОВАННИ СПАС СВОЮ МАМУ ● ХАЙ — БОЕЦ АРМИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Море зовет

Вот уже семь лет бороздит морские воды теплоход «Пионер». Это необычный корабль, и водят его по волнам болгарские ребята, мечтающие стать моряками. На теплоходе они учатся нести вахту, знакомятся с секретами навигации, проходят лоцию, радиосвязь, астрономию. Словом, постигают все, что необходимо будущим мореплавателям.

Около тысячи ребят уже обучалось на теплоходе. Многие из них после окончания школы поступили в мореходное училище. Пионерский корабль дал мальчишкам путевку в большое плавание.

Маленький боец

Его зовут Хай. Был он обыкновенным мальчишкой с окраины Сайгона. Когда бойцы Армии Освобождения перекрыли город баррикадами, Хай доставлял на баррикады хлеб. Он умел ловко и незаметно пробраться мимо вражеских патрулей. Когда нельзя было пройти по улицам, карабкался по крышам домов, проскальзывал сквозь щели заборов.

Однажды он прибежал на баррикаду в самый разгар боя. Огонь пулеметов прижал людей к земле. Враг приближался, но никто не знал об этом — нельзя было даже приподнять голову.

И вдруг с балкона соседнего дома звонкий мальчишеский голос крикнул:

— На вас идут танки! Бейте гранатами!

— Беги вниз, не балуйся с пулями! — окликнул мальчишку кто-то из бойцов.

— Еще два танка! — предупреждал Хай.— Они обходят вас слева. Стреляйте!..

Пуля американского снайпера попала ему в плечо. Дрогнула рука, и Хай упал на балкон. Его сняли, когда атака была отражена и перед баррикадой догорали подбитые танки. Бойцы бережно перевязали мальчика. Хай с окраины Сайгона стал воином Армии Освобождения.

Фильм помог

Однажды семилетний итальянский мальчик Джиованни Сору смотрел по телевидению учебный фильм, в котором показывали способ массажа сердца. Сидя у экрана и с нетерпением ожидая, когда кончится эта скучная передача и начнется что-нибудь настоящее, малыш и не подозревал, как она ему пригодится через несколько дней.

Все случилось утром. Отец уже ушел на работу. Джиованни собирался в школу. И вдруг у матери начался сильный сердечный приступ. Она потеряла сознание. Что делать? Тут Джиованни вспомнил фильм. Вспомнил и, не теряя времени, бросился к матери и стал делать массаж. Постепенно возвратилось сознание. Маме стало легче, и тогда Джиованни вызвал по телефону «Скорую помощь».

Врачи подтвердили: массаж сердца, сделанный семилетним мальчиком, спас жизнь его матери.

Капитан Малгося

Большой популярностью в Варшаве пользуется футбольная команда «Старувка», защищающая на зеленых полях честь одной из школ. На матчах «Старувки» всегда полно болельщиков. В команде немало отличных футболистов, но лучше всех играет капитан. Он подает угловые, метко бьет пенальти. Его ударов побаиваются даже опытные вратари.

Зовут грозного капитана «Старувки» Малгосей. Она учится в пятом классе и вот уже четыре года играет с мальчишками в футбол.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

А вот несколько сообщений с телетайпной ленты:

РУМЫНИЯ. В пионерском лагере Тимесуле действует крылатая почта. Отправляясь в поход, ребята берут с собой голубей. Нужно послать какую-нибудь весточку в лагерь — и крылатый почтальон взмывает в небо.

●

ГДР. Аните Копп двенадцать лет. Однако она уже считается одной из лучших наездниц. На своей лошади Лонг девочка участвовала во многих состязаниях. Мечта юной амазонки — первое место на спартакиаде молодежи в Берлине.

САМОЕ-самое-самое

Л. АРХИПОВА

Автомобили переобуваются

Рисунок А. БОРИСОВА.

Если я скажу: «Он ходимее, чем я», — будет ли понятно? Про людей так не говорят. Про людей говорят: «выносливый», «выносливость». «Ходимость» — так говорят про автомобильные шины. Конечно, еще можно сказать «срок службы», это привычнее, но скучнее. Ходимость — лучше, сразу видно, что речь идет о дороге и движении.

Чем башмаки крепче, тем лучше, чем шины ходимее, тем дольше они служат.

Мы топчем дорогу башмаками, но и дорога бьет наши башмаки с той же силой. Достается всему башмаку, а больше всего — подошве. Так и с автомобилем — удары дороги принимает на себя вся шина, но самое главное место то, которым шина шуршит по дороге.

Как делают шину? Берут резиновую черную полосу, склеивают, надувают — получается камера, на камеру надевают протектор, то есть рубчатую покрышку, которая и оставляет следы на дороге...

Но — стоп! Если это так и оставить, если так и пустить бегать по свету камеру в один резиновый слой, она долго не пробегает и рубчатый протектор тут не поможет. Поэтому, прежде чем склеить камеру, делают наклейку вдоль всей резиновой полосы — для прочности. Наклейка тоже резиновая, вся пронизанная, переплетенная особо прочными хлопчатобумажными волокнами — автокордом.

Шина с текстильным кордом ходит в среднем шестьдесят — семьдесят тысяч километров. Немало, конечно. Но дорог и машин становится больше, люди ездят все дальше, нужно, чтобы и шины ходили подольше.

И вот во Франции и в Италии появились шины с кордом из металла. Это все равно, как если бы подошву башмака подбить подковой! Ясно, ходимость подскочила. Автомобили стали переобуваться.

Как была сделана новая шина, что это было за изобретение, французская и итальянская фирмы держали в секрете.

Нам нужно было придумать новую шину самим.

И ее придумали инженер Кировского шинного завода Галина Павловна Голоулина и технолог Николай Степанович Голошумов. За это изобретение они были награждены Ленинской премией.

Их шину называют шиной «типа Р». Почему? Потому что металлические нити в ее наклейке укладываются, сплетаются не вдоль резиновой полосы, а поперек ее, и, когда камера склеена и надута, оказывается, что нити лежат по радиусу. Отсюда — «Р». При таком расположении нити испытывают на себе меньшее напряжение во время хода автомобиля. Вот эти две новости: то, что предохраняющие волокна лежат не вдоль полосы, а по радиусу, и то, что они теперь не хлопчатобумажные, а металлические, — и составляют секрет изобретения.

Советские шины «типа Р», французские и итальянские шины «с металлом» сегодня самые ходимые в мире.

Пока шины с металлическими подошвами надели наши самые тяжелые грузовики «ГАЗ-53». Следующие на очереди «Москвичи», а там и остальные автомобили.

Если, конечно, за это время не изобретут еще более ходимую шину

ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ ОТКРЫВАЕТ секреты тренировок юниоров
ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: финалисты «кожаного мяча», готовьтесь к схватке с «Амирани»
ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ догадливым футболистам
РАССКАЗЫВАЕТ о том, где что случилось.

Одиннадцать пока неизвестных

Когда вы откроете этот номер журнала, заголовок уже устареет! Из Лейпцига вернутся одиннадцать футболистов, имена которых станут известны многим. Парни, которые старше тебя всего на пять-шесть лет, вернутся с турнира УЕФА. Привезут они награды или не привезут, победят или не победят юниоров трех стран — Румынии, Португалии, Турции, — обо всем этом вы узнаете по радио, прочтете в газетах.

Я пока этого не знаю, волнуюсь и желаю им победы. И они тоже волнуются и готовятся к борьбе.

Как готовятся?

Представь себе двухэтажный коттедж на берегу моря возле города Сухуми. Здесь живут двадцать шесть кандидатов в юношескую сборную страны.

В 7 утра второй тренер команды Виктор Полунин торопит ребят:

— А ну быстрее, быстрее. Солнышко смеется над нами.

Двадцать шесть парней выбегают на утреннюю разминку.

Прыжки, бег, снова прыжки, силовые упражнения, а когда мяч? Утром мячи отдыхают. Их черед наступит позже.

Позавтракав, ребята бегут на стадион. Двухчасовая тренировка. Удары с лета, с поворота, через себя. Прыжки вратарей. Игра в квадрате, напоминающая детскую игру в «салки», с тем только отличием, что «осаленный» должен отобрать мяч у партнера, а тот, напротив, должен избавиться от него точным пасом соседу. А затем игра на уменьшенном поле.

Потом как в хорошем пионерском лагере — обед, отдых и снова занятия с мячом или контрольная игра с одной из команд высшей лиги.

Мне повезло: юниоры должны были помериться силами с «Кайратом». Попал я вовремя: заслуженный тренер СССР старший тренер команды Евгений Иванович Лядин проводил установку на игру. Объявлен состав: играют «ветераны» сборной, такие, как Саша Мирзоян и Шевченко Витя из бакинского «Нефтчи», и новички — Игорь Григорьев, Валерий Абрамов, Володя Бутурлакин.

Лядин подсказывает, какую игру предстоит сегодня сыграть:

— Видите, на улице дождь, значит, поле

раскиснет. Попробуйте играть в длинный пас, избегайте обводки, больше старайтесь играть «щечкой», не спешите. Помните, сегодня мяч коварен. А команда «Кайрат» сильная и ровная, с неплохими нападающими и сильными защитниками. Увлечетесь обводкой — потеряете игру.

Ребята игру не потеряли. Выбор точной тактики — великое дело!

День завершен. Спят нападающие и защитники, спят вратари. Свет только в тренерской комнате.

Стол Евгения Ивановича Лядина напоминает стол ученого — таблицы, диаграммы, схемы. Надо представить себе состав, который выйдет в Лейпциге защищать честь СССР. Надо решить уравнение с одиннадцатью неизвестными. Давно уже видят сны Валерий Абрамов и Игорек Григорьев. Они даже и не подозревают, как глубоко знает их тренер.

«Игорь — боец, но ему надо окрепнуть физически. И готов ли он к вежливой игре?»

Трудная задача у тренера: на поле может выйти только одиннадцать. А времени остается совсем мало.

В Лисабоне, в Стамбуле и Бухаресте в этот час тоже не спят тренеры. Победа добывается на зеленом поле, а куется она раньше, в буднях тренировок... Победят наши ребята или не победят?

М. КОЖАНЫЙ

Футбольная викторина

Три вопроса читателям:

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: Почему часами гонять мяч по полю — не самый лучший вид тренировки?

ВОПРОС ВТОРОЙ: Какую тактику ты избрал бы в игре с командой московского «Спартака»?

ВОПРОС ТРЕТИЙ: Какого игрока ты предпочел бы: один — физически вынослив, подвижен, отлично владеет техникой, но груб и заносчив, другой — отличный товарищ, превосходит первого в технике, но к концу игры обычно выдыхается и теряет свойственный ему стремительный темп?

Ответы присылайте до 1 августа.

Клятва мальчишек из «Амирани»

Вы видели, как плачут двенадцатилетние мужчины? Плачут не украдкой, а на глазах многотысячной толпы, плачут, не стесняясь слез.

В прошлом году в Краснодоне среди праздничных флагов мальчишки из маленького абхазского города Очамчир покидали стадион со слезами на глазах. Спортивное счастье отвернулось от них: они поклялись добыть победу, чтобы выйти в финал клуба «Кожаный мяч». И не сдержали клятвы. Им очень нужна была победа, а неумолимый судья зафиксировал ничейный результат. Встреча между командой «Амирани» и «Алмазом» из города Луганска окончилась со счетом 0 : 0.

Не проиграв ни одной встречи, команда грузинских мальчишек оказалась сразу на пятом месте.

Пятая команда среди дворовых команд Союза — не так уж плохо для маленького городка, в котором живет всего пятнадцать тысяч взрослых.

В Луганске многих заинтересовала эта команда. Взрослые дяди со значками мастеров спорта на лацканах пиджаков внимательно наблюдали за ее игрой. Даже будущий тренер сборной команды СССР Гавриил Качалин делал пометки в своем блокноте, когда играла «Амирани». После игр тренера из Очамчира донимали вопросами:

— Что означает слово «Амирани»? Почему мальчишки так назвали свою команду?

Тренер отвечал:

— «Амирани» — это имя. Его носил вратарь тбилисского «Динамо». Он умер от тяжелой болезни.

...Однажды на единственном стадионе города после матча взрослых остались мальчишки. Тут же за воротами они разложили портфели, «сговорились» и с криками начали гонять мяч. За их возней внимательно наблюдал пожилой человек с нездоровым румянцем. Вдруг он остановил игру. Мальчишки тотчас его окружили.

— Хотите играть на приз «Кожаный мяч»?

Отказываться, разумеется, никто не стал. Только Вахтанг засомневался:

— Кто нас будет тренировать? Кто приемы покажет?

И тогда человек, прославленный в прошлом футболист, сказал:

— Я!

Вахтанг запинаясь, проговорил:

— Ведь вы больны... Я знаю.

— Смотри, какой доктор! Тренировать я вас буду, если в дневниках исчезнут двойки. Даю честное слово! Есть сила воли — исправите. С безвольными футболистами игры не сделаешь. Договорились?

Так родилась команда. Все мальчишки Очамчира завидовали третьей средней школе. Их тренирует сам Амирани! А он действительно сдержал свое слово. Даже тогда, когда врачи укладывали его в постель, он требовал, чтоб его на носилках приносили на стадион. И приносили. Следя за игрой своих питомцев, он подсказывал тихим голосом:

— Коста, не увлекайся, ищи на поле не мяч, а партнера. В одиночку в футболе ничего не сдела-

ешь. Вахтан, с мячом надо бегать быстрее. Кено, играй в стенку с Костой!

А потом случилось непоправимое: дядюшки Амирани не стало.

Мальчишкам казалось: все, жизнь остановилась. Не тянуло их море, и даже футбольный мяч не веселил!

В таком настроении встретил их однажды Бондо Какубава, преподаватель физкультуры. Команда сидела на берегу и мрачно глядела на горизонт. Там, вдали, держал курс на Турцию белый теплоход.

— Вы не мужчины,— сказал Бондо громко,— вы предаете память человека!

Если б взгляды могли убивать, лежать бы Бондо уже давно на побережье бездыханным.

— Нет, вы не мужчины,— повторил Бондо,— настоящие мужчины клянутся прославить память своих друзей. А вы? Хотите — я буду вас тренировать? Но только поклянитесь, что будете достойны имени Амирани.

Тут же, на берегу моря, прозвучала самая искренняя в мире клятва.

Вместе с мальчишками поклялся и Бондо. Поклялся и сразу огорошил команду:

— Не единым футболом жив футболист. Вы думаете, в Тбилиси хуже вас бьют по мячу? Вы думаете, в Сухуми не умеют финтить? Вы думаете, в Батуми не умеют стоять в воротах? Если вы так думаете, нам лучше расстаться.

Так никто не думал.

— Значит, вы должны не только уметь играть в футбол, но и лучше бегать, лучше плавать, лучше прыгать, чем мальчишки из других команд.

— Будем стараться,— сказали мальчишки.

Упорных счастье любит. Команда «Амирани» выиграла первенство Грузии и заработала путевку на финальные состязания. Ну, а дальше — уже известно.

— Откажемся от клятвы? — спросил Бондо мальчишек, вернувшись в родной город.

И услышал в ответ:

— Ни за что!

— Тогда отдохните денек-другой, и снова на тренировку.

Вопрос Гоголишвили Курама заставил всех вздрогнуть:

— А если вы женитесь, дядя Бондо, то перестанете нас тренировать?

Бондо ответил шуткой:

— Считайте так: пока не выполним клятву, я не женюсь. Умру холостым...

Потом добавил:

— В этом году, ребята, нам будет трудно. Каждому будет приятно выиграть у чемпиона Грузии и у пятой команды страны. Не зазнаваться...

Это оказалось труднее всего. Как не крикнуть мальчишке, потерявшему мяч на вратарской площадке:

— Эх ты, игрок... Мазила!

И Бондо подзывает к себе Гунико Сурико:

— Иди, пожалуйста, домой, Гунико.

Многие думают: родители запрещают детям играть в футбол. Мол, стекла побьют, учиться станут хуже. Но если стекла целы и в дневнике нет двоек? И все из-за футбола? Тут мамы и бабушки становятся горячими болельщиками. Может быть, поэтому, узнав, отчего так рано пришел с тренировки Гунико, мать решительно сказала:

— Иди извинись. Тренер прав.

...Я покидал Очамчир в дождливый мартовский день. Собирался шторм — северный ветер затягивал небо траурными облаками. Чайки летели в открытое море.

А на берегу команда «Амирани» делала утреннюю зарядку.

Берегитесь, участники финала «Кожаный мяч»! Мальчишки из Грузии верны своей клятве. А счастье любит упорных. Упорства у мальчишек с улицы Островского много...

Вячеслав СТЕРИН

В Панингене (Голландия) во время матча между двумя местными командами один из нападающих, Герд Янсен, так ударил мячом по воротам, что тот перелетел через весь стадион и на ближайшей поляне убил зайца. Неожиданный «трофей» был торжественно съеден командой за ужином. Но зато полиция оштрафовала форварда за охоту без специального билета.

●

В последнее время чемпионы мира — сборная Англии — выступают не очень удачно. По этому поводу их наставник Альф Рамсей сделал недавно такое шутливое заявление: «Раз уж физическая и тактическая подготовка сейчас у нас страдает, постараемся компенсировать эти недостатки талисманами, подаренными почитателями команды».

●

Один футбольный арбитр из ФРГ постоянно приходит на стадион с рулеткой. Перед ответственными и решающими матчами он дотошно измеряет размеры ворот, линии поля. И дело здесь не в аккуратности или педантичности, а в том, что Рудольф Крейтлен по профессии — закройщик.

●

Футбольные правила, как известно, запрещают тренерам играющих команд подходить к кромке поля и подавать им советы. И вот однажды тренера команды «Саарбрюкен» увидели шагающим вдоль поля... с повязкой контролера. С командой была установлена прямая связь. Результат не замедлил сказаться... 2 : 4 — с таким счетом «Саарбрюкен» потерпел поражение.

●

Известный английский футболист Стенли Метьюз ушел из футбола в возрасте 50 лет. Метьюза можно теперь увидеть на многих английских заводах, правда, лишь на плакатах, призывающих соблюдать технику безопасности. Под рисунком призыв: «Метьюз следил за своими ногами — следи и ты!»

●

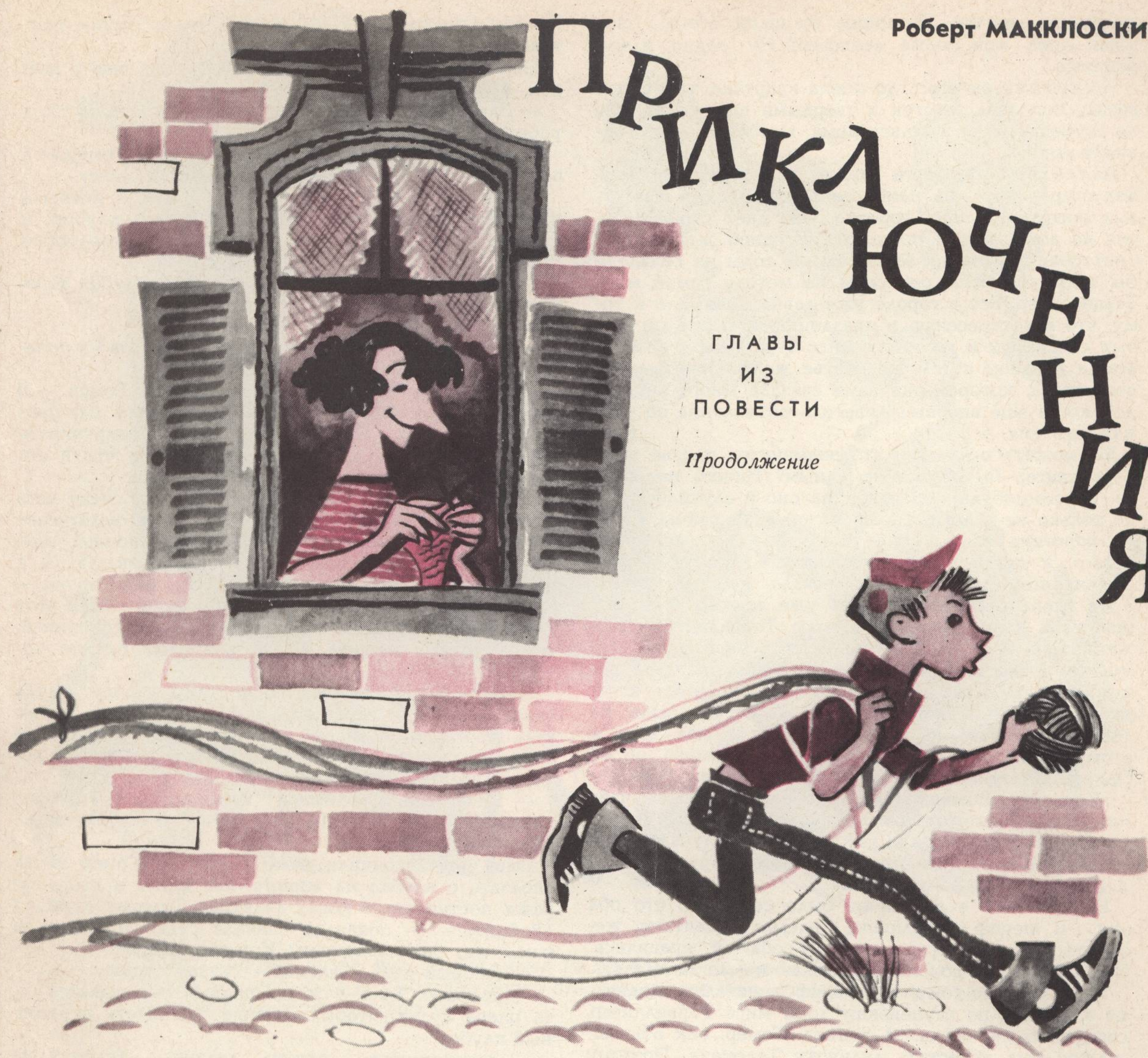
Братья-футболисты не редкость. Но приходилось ли вам видеть, чтобы в одной команде играло 11 братьев, а еще четверо сидели бы в запасе? «Клуб 15 братьев» был создан в аргентинском поселке Лавалле. Интересно, что в этой команде выступали три пары близнецов.

Роберт МАККЛОСКИ

Приключения Гомера Прайса

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Продолжение

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Волшебный клубок

Той же осенью, во второй половине дня, вскоре после описанной выше истории, Гомер снова был у своего дядюшки Одиссея. И снова помогал ему. Только на этот раз он имел дело ни с какими не автоматами, а с куда более простой вещью — с обыкновенным веником. Насвистывая себе под нос, Гомер плавно двигался по тротуару перед входом в кафе, и похоже было, что он танцует какой-то замедленный танец. Но Гомер просто сгребал в кучу опавшие сухие листья.

Уже довольно внушительная, но аккуратная куча листьев возвышалась на обочине тротуара, и Гомеру оставалось только взять спички и поджечь ее, когда из-за угла выскочила машина шерифа и остановилась возле Гомера.

— Здрасте, шериф! — закричал Гомер.— У вас есть спички?

— Конечно,— сказал шериф, вылезая из машины.— Ух, какую шикарную лучу кистьев ты собрал... то есть, я хотел сказать, кучу листьев. Мне очень нравится, когда они горят, и запах такой приятный... Всегда вспоминаю молодость... золотую осень...

Он чиркнул спичку о кожаное сиденье своего автомобиля, бросил ее на кучу, и листья сразу начали дымиться.

— Да,— сказал Гомер, тоже впадая в лирическое настроение.— А мне горящие листья почему-то напоминают про футбол. Наверно, оттого, что мы всегда их сжигаем на школьном футбольном поле.

— ...и нашу ярмарку,— продолжал вспоминать шериф, не слушая собеседника.— Кстати, она открывается через полторы недели. Я собираюсь опять

выставить цыплят. Помнишь, прошлой осенью они взяли приз, мои белые леггорны? Ну ладно, я тороплюсь.

Но проехал он всего до конца квартала, там снова вылез, поправил галстук и твердыми шагами взошел по ступенькам на крыльцо дома, где жила мисс Тервиллигер.

Любой в Сентерберге скажет вам, что мисс Тервиллигер — одна из наиболее уважаемых и известных жительниц этого городка. Она дает уроки вязания на дому, и нет, пожалуй, ни одной женщины в Сентерберге, которая за последние годы не овладела бы этим полезным ремеслом по методу самой мисс Тервиллигер. Все в городе уже давно привыкли к тому, что в воскресенья, в праздники, а также на разных собраниях и митингах мисс Тервиллигер бывала всегда в одном и том же платье желто-сине-малинового цвета, которое она сама связала много лет назад, когда еще впервые вывесила объявление об уроках вязания.

Вы можете подумать, что знаменитое платье мисс Тервиллигер было уже немодным? Ничего подобного. У кого-нибудь, вероятно, так оно и случилось бы, но только не у мисс Тервиллигер! Если сейчас носили короткие платья, она распускала добрый кусок своего, а когда снова побеждали длинные,— мисс Тервиллигер тут же надвязывала нужный кусок.

Из всего сказанного выше уже можно было бы прийти к заключению, что мисс Тервиллигер была женщиной незаурядной; но если добавить ко всему, что слава о ее жареных цыплятах шагнула далеко за пределы Сентерберга, то сделается ясно, как день, что такого человека должны были не только уважать, но и обожать. И больше всех к этому были причастны шериф и дядя Гомера, но не Одиссей, разумеется, а другой — по имени Телемах.

Насколько помнил Гомер, шериф наносил визит мисс Тервиллигер по средам, а дядюшка Телемах — по воскресеньям, и каждый из них получал право отведать в этот день прославленного жареного цыпленка «по-тервиллигеровски».

Ни для кого в городе не было секретом, что оба они — и шериф и дядюшка Телемах — мечтают жениться на мисс Тервиллигер. И оба ей нравились. Но выбора она до сих пор никак не могла сделать.

Итак, судя по тому, что шериф решительно поднялся к дверям по ступенькам дома мисс Тервиллигер, сегодня была среда. А значит, Гомер, как обычно, должен был навестить дядюшку Телемаха. Поэтому он принялся ворошить горящую кучу листьев, чтобы она горела побыстрей, и когда огонь наконец потух, Гомер собрал остатки золы, поставил веник у дверей кафе и помчался к дому дядюшки Телемаха.

Дядюшка Телемах жил совсем один в маленьком доме у железной дороги. Мать Гомера любила часто повторять, что это стыд и срам, что дядя Телик должен влачить одинокое существование, в то время как он мог бы составить счастье для многих женщин, в том числе и для той, фамилия которой тоже начинается на «Т». А тетя Агнесса обычно отвечала:

— Так-то оно так, но я просто не представляю, как она будет мириться с некоторыми его привычками!

Под «некоторыми привычками» тетя Агнесса имела в виду любимое занятие дядюшки Телемаха, его хобби. А хобби это заключалось в том, что дядюшка Телемах собирал веревки. Да, он был крупнейшим коллекционером веревок, ибо занимался этим делом уже многие годы. А по средам, во второй половине дня, он посвящал свой досуг тому, что связывал все, все собранные за последнюю неделю веревки и затем накручивал их на свой клубок — огромный веревочный шар, который находился в гараже. И вот тут-то дядюшке Телемаху и нужна бывала помощь Гомера. Главным образом, потому, что последнее время у него стало все чаще ломить поясницу,— наверно, подкрался проклятый радикулит. А веревочный клубок был уже таким огромным, что намотать на него новые куски веревки было делом совсем не простым: приходилось прыгать и нагибаться — почище, чем во время какой-нибудь тренировки на стадионе. Но для Гомера эти «тренировки» были сущим пустяком.

Дядюшка Телемах встретил племянника еще у дверей и сразу закричал:

— Здравствуй, дорогой! Сегодня у нас уйма работы.

— Что ж, хорошо, дядя Теля,— ответил Гомер.— Я вот тоже принес тебе немного веревок из дому.

И они отправились в гараж, где Гомер в который уже раз увидел в углу огромный серый клубок, и дядюшка Телемах в который уже раз с гордостью произнес:

— Ты видишь сейчас самый большой клубок веревок в мире!

И он добавил:

— Еще полдюйма [1] — и будет шесть футов [2] в поперечнике.

— Ой, дядя Теля! — закричал вдруг Гомер. — Я вспомнил: мне Фредди позавчера говорил... Он пришел из тюрьмы... Помогал там шерифу накручивать его веревки... Ну, и вот... Шериф сказал, что в его клубке ровно шесть футов.

— Ха! — ответил дядюшка Телемах.— У меня есть точные сведения, что шериф совсем не натягивает веревку, когда мотает на клубок. В карточной игре это, знаешь, как называется? «Передергивать». А я играю честно, моя веревка натянута, как струна.— И он похлопал свой шар по серой спине.— Если этот клубочек распустить, он получится вдвое длинней, чем у твоего шерифа. Могу поспорить на что хочешь!

Гомер поверил и сразу приступил к делу: начал связывать куски веревок двойными узлами, а потом взял лестницу-стремянку, взобрался на нее, оттуда залез на клубок и принялся наматывать веревку, которую подавал ему дядюшка Телемах.

— Натягивай, натягивай как следует,— говорил дядюшка Телемах.— Мы ведь с тобой не шерифы... Мы мотаем честно...

Они уже закончили свою работу, и Гомер начал сползать с клубка на животе, как вдруг в дверь гаража постучали, и когда дядюшка Телемах крикнул «Войдите!», то появился сначала судья Шенк, а за ним... кто бы вы думали? Конечно, шериф.

— Добрый день, Телемах,— сказал судья.

— Здорово, Теля,— сказал шериф, высовываясь из-за плеча судьи, чтобы получше разглядеть веревочный клубок.

— Здравствуйте,— ответил дядюшка Телемах и, хмуро посмотрев на шерифа, добавил: — Вот уж не ожидал, что ТЫ пожалуешь ко МНЕ именно в СРЕДУ. Ведь...

— Понимаешь, Телемах,— перебил судья,— еду я по улице и вдруг случайно встречаю шерифа. Ну и разговорились мы насчет нынешней ярмарки. Ты, наверно, знаешь, что в этом году нам придется значительно сократить расходы. Мы не сможем уже позволить себе устраивать, например, рысистые испытания, как в прошлые времена. И вот что мы с шерифом, который является, подобно мне, членом ярмарочного комитета и, подобно тебе, одним из выдающихся коллекционеров веревок, вот что мы с шерифом предлагаем...

Судья замолчал, но не для того, чтобы перевести дух после длинной фразы. Он замолчал, чтобы эффектней, внушительней выглядело то, что он скажет дальше. А сказал он вот что:

— Мы предлагаем тебе и шерифу принять участие в состязании на ипподроме, в состязании, которое соберет не меньше публики, чем рысистые испытания или скачки... Нет, нет! — закричал судья, заметив протестующий жест дядюшки Телемаха.— Нет, вам вовсе не придется скакать самим, вам нужно...

— Да! — вмешался шериф.— Попросту говоря, я вызываю тебя, Теля, на состязание по клубкам. Мы размотаем наши клубки прямо на беговой дорожке, и тогда все увидят, что мой куда больше по длине!

---

[1] 1 дюйм = 2,54 см.
[2] 1 фут = 30,48 см.

Шериф наносил визит мисс Тервиллигер по средам, а дядюшка Телемах — по воскресеньям, и каждый из них получал право отведать в этот день прославленного жареного цыпленка «по-тервиллигеровски».

Дядюшка Телемах молчал, а судья продолжал, как будто его не перебили.

— ...вам нужно прокатить клубки по ипподрому, понимаешь? Такова ситуация, таково настоятельное требование дня, и ты, я глубоко уверен, не откажешься при данных обстоятельствах от этого вызова. Ты прежде всего патриот нашего города, Телемах... А кроме того, победителю будет вручен приз.

— Я принимаю вызов! — гордо выпрямившись, вскричал дядюшка Телемах.— И мы посмотрим, шериф, кто победит! Мне лично почему-то кажется, что это буду я. Ведь некоторые клубки хоть и большие, да веревки в них натянуты не больно туго... Не так, как в этом.— Он хлопнул по боку своего клубка.

— Прекрасно, джентльмены,— сказал судья.— Итак...

— Минуточку,— прервал его дядюшка Телемах.— Я принимаю вызов, это верно, но при одном условии...

— Каком еще? — спросил шериф, а Гомер затаил дыхание, потому что ведь он знал своего дядюшку как отчаянного спорщика и сейчас предвкушал удовольствие от того, что же тот сумеет придумать.

— Если я выиграю,— сказал дядюшка Телемах,— то шериф должен прекратить свои визиты к мисс Тервиллигер и проводить среду где угодно, только не у нее за столом. Это облегчит ей возможность выйти за меня замуж.

— Идет,— ответил шериф.— Но в таком случае и я ставлю дополнительное условие. Если выиграю я, а в этом не может быть никакого сомнения, то и ты будешь проводить все воскресенья в любом месте, кроме дома мисс Тервиллигер. И тогда, несомненно, она выйдет замуж за м е н я!

— По рукам! — воскликнул дядюшка Телемах.— Гомер, разбей!

И они сцепили руки, а Гомер ударил ребром ладони, расцепил их, и, таким образом, пари состоялось.

— Прекрасно, джентльмены, — сказал судья. — Я сам буду судьей в этом матче на первенство города...

— Мира,— сказал дядюшка Телемах.

— ...и мы сегодня же создадим судейскую коллегию,— продолжал судья,— и выработаем основные правила поединка и положение о призах... Желаю всяческих благ, Телемах.

— Пока, Теля,— сказал шериф,— жалко, у меня больше нет времени любоваться твоим клубком. Пойду погляжу на свой.

Дядюшка Телемах с треском захлопнул дверь за гостями и вернулся к своему клубку.

— Посмотрим еще, чья возьмет,— сказал он и нежно похлопал по серому веревочному боку.

— Вот здорово, дядя Теля! — воскликнул Гомер.— Шикарный будет матч! Интересней, чем футбол...

Через день в вечернем выпуске «Сентербергского сигнала» Гомер прочитал большую статью о местной ярмарке, а также специальное объявление о матче на звание Чемпиона Мира по Собиранию Веревок. Тут же были опубликованы правила и условия состязания. Вот некоторые из них:

а) Каждому из соревнующихся предоставляется право иметь ассистента для помощи во время маневрирования с клубком веревок.

б) Клубок веревок должен разматываться (раскручиваться) на беговой дорожке городского ипподрома в направлении, противоположном ходу часовой стрелки.

в) Место старта — напротив судейской будки, возле главного входа.

г) Клубок веревок, обернувшийся в размотанном (раскрученном) состоянии наибольшее число раз по беговой дорожке, считается занявшим первое место, а его владельцу присваивается звание Чемпиона Мира по Собиранию Веревок.

д) Клубки веревок будут разматываться (раскручиваться) в течение всей ярмарочной недели. Начало в два часа дня.

В каждом пункте угадывалась рука и стиль самого судьи Шенка.

Ни в одном из них не упоминалось о дополнительном джентльменском соглашении между шерифом и дядюшкой Телемахом. Впрочем, все равно, весь Сентерберг уже говорил о том, что выигрыш матча почти наверняка означал выигрыш руки и сердца мисс Тервиллигер.

Прочитав газету, Гомер решил навестить дядюшку Телемаха и выяснить, согласен ли он со всеми условиями матча.

Дядюшку Телемаха Гомер застал у стола перед листом бумаги.

Повернувшись к Гомеру, он сказал:

— Я вычислил, что веревок в этом клубке хватит на то, чтобы несколько сот раз пройти по кругу ипподрома. Честное слово! По моим расчетам, здесь двадцать пять миль веревки! Посмотрим, как шериф со мной справится! Он думает...

Но Гомер перебил его:

— Ой, дядя Теля! — закричал он.— Смотрите, кто сюда идет! Опять судья и шериф... Ой, а с ними... посмотрите,— мисс Тервиллигер!

Дядюшка Телемах распахнул дверь, прежде чем в нее постучали, и все гости вошли один за другим.

— Привет тебе, Телемах,— сказал судья.— Мы прибыли, чтобы поставить тебя в известность, что новый претендент вступает в борьбу за титул Чемпиона Мира по Собиранию Веревок. И что это скорее не претендент, а претендентка.

При этих словах мисс Тервиллигер покраснела и смутилась, а дядюшка Телемах отшатнулся на другой конец комнаты, подняв брови чуть не до самой лысины и поглядел на шерифа. И в глазах его можно было прочитать вопрос: «Неужели она узнала о нашем тайном соглашении?!»

На что шериф пожал плечами и дернул правым усом, что означало также полное недоумение.

Во всяком случае, если мисс Тервиллигер что-то и знала или слышала, то вида не показывала. Наоборот, она весело улыбнулась и сказала:

— Разве не замечательно, что у нас оказалось так много общего?.. Да, ведь я тоже долгие годы собирала клубки, только не веревок, а пряжи. Но это почти одно и то же, верно? Я собирала все, что оставалось после моих занятий с учениками.

— Превосходно! — сказал судья, потирая руки.

— Но, послушай, судья...— с тревогой произнес дядюшка Телемах, а шериф продолжил:

— Послушай, судья, разве не тришком слудно, то есть, я хотел сказать, не слишком трудно для женщины участвовать в таких соревнованиях?

И он незаметно ткнул судью в бок и подмигнул ему. Но судья не понял или не захотел понять намека.

— Превосходно,— продолжал он,— это свидетельствует о том, что простая американская женщина начинает занимать достойное место в сфере деловой и общественной жизни своей нации. Место, принадлежащее ей по праву... И шериф, и Телемах, и я

глубоко ценим ваш общественный темперамент, дорогая мисс Тервиллигер, и я уверен, что ваше непосредственное участие принесет нынешней ярмарке непревзойденный успех.

Судья с трудом поставил точку в своей речи, и мисс Тервиллигер смогла наконец сказать:

— Ну, это вы, право, слишком... Пойдемте, судья, мне пора возвращаться домой. Всего хорошего, шериф. До свидания, Телемах. С вами мы увидимся в воскресенье, не правда ли?

После их ухода шериф и дядюшка Телемах долго еще спорили, обвиняя друг друга в раскрытии своего тайного соглашения. Но в конце концов они успокоились и пришли к выводу, что сама мисс Тервиллигер ни о чем не догадывается, а просто судья своими речами (он это умеет!) склонил ее тоже принять участие в состязании.

В течение нескольких дней, оставшихся до открытия ярмарки, весь город — да что там город! — весь округ только и говорил что о необычном состязании, в котором также примет участие одна из наиболее уважаемых жительниц Сентерберга — мисс Тервиллигер.

У каждого из претендентов были болельщики, которые сейчас лихорадочно собирали веревки или нитки для своих любимцев. Кроме того, болельщицы мисс Тервиллигер с гордостью сообщили, что она так уверена в своей победе, что позволила себе потратить часть пряжи на то, чтобы связать новое платье!

Когда мать Гомера услышала об этом, она тут же позвонила тете Агнессе и сказала, что нельзя допустить, чтобы Телемах появился на ипподроме, перед глазами сотен зрителей, в затрапезном виде. И на следующий день они потащили его в магазин и выбрали ему очень милый клетчатый костюм, который так шел к его лицу и лысине.

Ну, а как только это стало известно шерифу, он сказал:

— Что ж, если они хотят устроить мыставку вод, то есть, я хотел сказать, выставку мод, то за мной дело не станет!

Клубок скатили по доскам со второго этажа прямо в кузов грузовика.

И тут в разговор вступил Гомер и спросил: неужели на свете может быть еще один такой же огромный клубок, как у дяди Тели или у шерифа?

— Ах, сынок,— со вздохом сказал шериф,— ты не знаешь этой женщины! Она очень умна, поверь мне, очень умна.

— А как она жарит цыплят! — мечтательно произнес дядюшка Телемах и уныло добавил: — Но мы-то можем опять оказаться в прежнем положении. Что будет, если выиграет она? Как же наше дополнительное соглашение?

— Она не должна выиграть! — воскликнул шериф.— Потому что выиграю я!

— Если не я,— сказал дядюшка Телемах.

И на этом все расстались.

И он отправил заявку в лучшее ателье Нью-Йорка и заказал там самый модный двубортный костюм по последнему голливудскому образцу — какие носят только известнейшие киноактеры...

И вот наступил последний день перед торжественным открытием ярмарки, и Гомер с шерифом отправились к дому мисс Тервиллигер, чтобы присутствовать при том, как ее клубок будут грузить на машину и отправлять к месту состязаний. Но это оказалось не простым делом! Клубок был так велик, что не пролезал в дверь, и пришлось вызвать городского плотника, чтобы он разобрал стену, и только тогда клубок скатили по доскам со второго этажа прямо в кузов грузовика.

И пока грузчики с криками «Раз, два — взяли!» делали свое дело, шериф говорил:

— Н-да, это самый здоровенный клубок из всех, какие я видел. И какой аккуратный! Чувствуется ренская жука, то есть, я хотел сказать, женская рука!

— Я объявляю победителя в матче Первым Чемпионом мира по Собиранию Веревок!.. Музыка, туш!

Тут подошел дядюшка Телемах и сказал:

— Да, чудесный клубочек! Просто волшебный. Отливает всеми цветами радуги. Очень красиво... Только ручаюсь, что нитки совсем не натянуты. Конечно, он такой мягкий, что его проткнешь кулаком. Могу поспорить на что хочешь.

— Зато какой здоровенный! — печально сказал шериф.

Минула беспокойная ночь, засияло новое утро — и ярмарка открылась. К двум часам дня трибуны ипподрома были переполнены. Народ толпился в проходах и даже на самом кругу.

Ровно в два часа участники состязаний вместе со своими ассистентами начали раскручивать клубки. Это захватывающее зрелище не помешало публике (особенно женской ее части) одобрительно оценить новое розовое платье мисс Тервиллигер и новые костюмы двух других претендентов.

После первых трех кругов и соревнующиеся и их помощники страшно вымотались, устали, им было жарко и хотелось пить. Поэтому, чтобы не прерывать состязания, судья принял такое решение: разматывать клубки станут по очереди служащие ярмарки, а сам он вместе с главными участниками сядет в машину шерифа, и они на малой скорости будут следовать за клубками.

К концу первого дня соревнования клубок мисс Тервиллигер равнялся в поперечнике 5 футам 9 дюймам: клубок шерифа —5 футам 8 $^{3}/_{4}$ дюйма и клубок дядюшки Телемаха —5 футам 8 дюймам. И шериф и дядюшка Телемах были заметно обеспокоены.

После второго дня борьбы счет был такой:

Шериф и мисс Тервиллигер —5 футов.
Дядюшка Телемах — 4 фута 11 $^{15}/_{16}$ дюйма.

Шериф и дядюшка Телемах заметно повеселели.

Время шло, напряжение борьбы нарастало, и за день до закрытия ярмарки турнирная таблица выглядела так:

Дядюшка Телемах —	**$16^{1}/_{2}$ дюйма,**
Шериф —	**$16^{1}/_{2}$ дюйма,**
Мисс Тервиллигер —	**$12^{5}/_{3}$ дюйма,**

а клубок каждого из участников чемпионата сделал вокруг ипподрома девяносто девять кругов.

Дядюшка Телемах и шериф сейчас были уже совершенно уверены в победе — каждый, конечно, в своей и в том, что недалека та минута, когда один из них будет объявлен Чемпионом Мира по Собиранию Веревок, потому что ведь больше нигде на свете не проводились такие чемпионаты.

И вот он, наконец, заключительный день соревнований, день закрытия ярмарки. С самого раннего утра толпы людей из города и со всей округи осаждали ипподром. Все хотели увидеть последний тур чемпионата, когда снова, как и вначале, сами претенденты будут разматывать свои клубки, приближаясь или отдаляясь от желанного мига победы.

Шериф и дядюшка Телемах вышли на поле в новых, тщательно выутюженных костюмах. Но мисс Тервиллигер, к удивлению многих, не надела своего нового розового платья. Все женщины сразу заметили, что на ней было ее видавшее виды платье желто-сине-малинового цвета — то самое, что она сделала много лет назад, когда впервые начала давать уроки вязания. Только сейчас оно было внизу отделано розовой каймой.

...Два часа пополудни. Пробил гонг — и мисс Тервиллигер первая начала разматывать свой клубок, а вернее, то, что осталось от него, потому что весь он уместился в изящной корзинке, которая была у нее в правой руке. В левой же она держала не менее изящный зонтик, раскрыв его над головой для за-

щиты от не очень палящего, но все же достаточно горячего осеннего солнца.

Почти все знали о том печальном факте, что клубок мисс Тервиллигер на 3 $^3/_8$ дюйма меньше, чем у шерифа или у дядюшки Телемаха. И тем более все не могли не восхищаться силой духа и выдержкой мисс Тервиллигер, потому что ведь было ясно, что бедняжка не может уже претендовать даже на второе место.

Дядюшка Телемах и шериф, совершенно уверенные в победе (каждый, естественно, в своей), начали раскручивать свои клубки медленно и с достоинством — если только его можно сохранить, нагнувшись в три погибели и почти касаясь носом земли. Они двигались за своими клубками и время от времени бросали друг на друга зоркие ястребиные взгляды, глядя, чтобы противник не слишком приближался к забору и тем самым не уменьшал диаметра круга, а также чтобы все узлы на его веревках были целы. Мужчины не прошли еще и четверти круга, когда мисс Тервиллигер достигла уже половинной отметки и вот-вот должна была остановиться. Ее клубок, и без того очень маленький, уже давно не был виден из-за борта неглубокой корзинки.

Дядюшка Телемах и шериф тоже миновали половинную отметку, но у них был еще порох в пороховницах — иначе говоря, в их клубках еще оставалось немало веревок...

«Вот сейчас, вот сейчас она остановится!..» — думал Гомер про мисс Тервиллигер, и не один он так думал. Но мисс Тервиллигер продолжала идти, и нитка за ней продолжала разматываться, словно она держала в руках не простую корзинку с жалкими остатками ниток, а волшебную — с неиссякаемым запасом пряжи...

Три четверти круга... «Ну, все!» — вздохнул Гомер... Нет, мисс Тервиллигер по-прежнему шла размеренным шагом в своей блузке желто-сине-малинового цвета и в розовой юбке, и в правой руке у нее была корзинка, а в левой, как вы уже помните, зонтик...

Последние футы дистанции... Шериф и дядюшка Телемах ускорили шаг и обогнали мисс Тервиллигер — обогнали на пятьдесят футов... на сто... сто десять... И вот они остановились рядом, не дойдя полдюжины футов до судейской будки, напротив главного входа. Остановились на одной линии. Ноздря в ноздрю!

Ипподром замер...

— Я выиграл!!! — закричал вдруг во все горло дядюшка Телемах, и все зрители, как один, вздрогнули.— Смотрите! Судья!.. У шерифа конец веревки приклеен к грецкому ореху, а у меня нет! Значит, мой клубок длиннее!.. Я выиграл! Слышите?!

Послышались ликующие крики:

— Ура, Телемах! Да здравствует Теля! Пламенный привет Чемпиону Мира по Собиранию Веревок! Ура!.. Мо-ло-дец!

Когда шум постепенно затих, все услыхали негромкий тонкий голос:

— А ведь выиграла я!

И тут каждый из присутствующих увидел (он успел и позабыть о ней) увидел, что мисс Тервиллигер стоит прямо возле судейской будки напротив главного входа; стоит в своем розовом платье с желто-сине-малиновой оторочкой вокруг шеи... И в правой руке у нее корзинка, а в левой, как вы уже прекрасно помните, зонтик!..

Судья выскочил из будки, подбежал к мисс Тервиллигер, выхватил из ее рук желтый конец нитки, поднял высоко в воздухе и провозгласил:

— Я объявляю победителя в этом матче Первым Чемпионом Мира по Собиранию Веревок!.. Музыка, туш!

И долго не умолкали приветственные крики в честь мисс Тервиллигер.

Дядюшка Телемах *(серебряная медаль)* и шериф *(бронзовая медаль)*, как им ни было обидно, нашли в себе силы сразу подойти и тепло поздравить мисс Тервиллигер с победой.

Они были огорчены не столько поражением, сколько тем, что вновь остается все та же неопределенность в их взаимоотношениях с мисс Тервиллигер и друг с другом...

Надо сказать, что не было, наверное, на всем ипподроме ни одной женщины, которая с удовлетворением бы не заметила, с какой ловкостью и находчивостью мисс Тервиллигер выхватила знамя победы из рук противников. И женщины не удивились этому. Потому что, во-первых, они всегда знали, как умна мисс Тервиллигер, а во-вторых... Во-вторых, чего не придумает женщина, если не хочет лишиться ни одного из своих поклонников!

Конечно, и некоторые из мужчин — наиболее наблюдательные, такие, как, скажем, Гомер,— поняли, что придумала мисс Тервиллигер для того, чтобы добиться победы. Но они почти ни словом не обмолвились об этом, и если их языки и развязались, то лишь после того, как мисс Тервиллигер согласилась выйти замуж за дядюшку Телемаха. Это случилось через неделю после закрытия ярмарки. Свадьбу закатили на славу, и самое большое число тостов произнес шериф.

Дядюшка Телемах и его жена давно уже уехали посмотреть на Ниагарский водопад, а гости все еще пили пунш в их доме и ели свадебный пирог и пончики, не говоря уже про знаменитых жареных цыплят, которых бывшая мисс Тервиллигер заготовила в огромных количествах.

— ...Да,— сказал шериф Гомеру на пятый день празднования.— Свавная была сладьба, то есть, я хотел сказать, славная свадьба. Ничего не скажешь.

Он обсосал грудную косточку очередного цыпленка, взял двумя пальцами дужку — некоторые называют ее «бери да помни»,— повертел ее в руках и вздохнул. Но он недолго оставался печальным — через минуту взор его прояснился, и шериф сказал:

— А ты знаешь, они пригласили меня обедать у них каждый четверг.

И еще через минуту он добавил:

— Я думаю, это будет очень порошая хара... то есть, я хотел сказать, хорошая пара. Они вместе пойдут по жизни, собирая веревки.

— Да уж,— сказал Гомер,— теперь их никто на свете не обгонит.

— Ты прав, парень. Никому не намотать столько веревок, сколько у них у двоих... А я, пожалуй, начну теперь собирать бумажные мешки или эти... как их... каночные брышки, то есть, я хотел сказать, баночные крышки!

Перевел с английского
Ю. ХАЗАНОВ

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Смех смехом

Мальчик Дениска во многом похож на тебя, каким ты был в младших классах. Он любит петь громкие песни и слушать, как жук копается в коробочке, и еще он любит красных кавалеристов и чтобы они всегда побеждали. Он многое любит, целый мир, с папой и мамой, и другом Мишкой, и красивой девочкой на шаре, и мороженым, которое можно запивать газированной водой.

И еще он любит посмеяться. И ты, наверное, тоже любишь. Тогда обязательно разыщи и прочти книгу писателя **Виктора Драгунского «Рыцари и еще 57 историй».**

Некоторые рассказы из этой книги раньше печатались в «Пионере», выходили небольшими сборниками, а теперь собралась толстая книга. Художник С. Калачев нарисовал к ней иллюстрации, яркие и веселые.

Не все умеют про смешное рассказывать смешно. Даже самую забавную историю иной человек расскажет, а все пожмут плечами: ну и что? А этот писатель знает какие-то хитрые секреты смеха. В каждом его рассказе словно закручена тоненькая веселая пружинка: чуть дотронешься — пружинка развернется, выскочит и сверкнет. И смех разбирает — не остановишься.

С Денисом чаще, чем с другими людьми, случаются всякие ужасно смешные истории. То он натолкал полную комнату чужих собак, собаки сердились и хозяева тоже. В другой раз Денис по ошибке попал под купол цирка. И кружился там, не выпуская из рук пакет с помидорами.

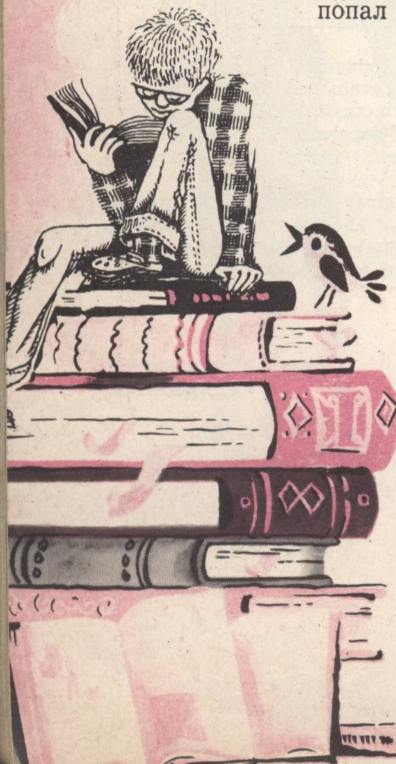
Веселого в этой книге много. Но давай сговоримся: когда будешь читать и смеяться, а может быть, и хохотать во все горло, то после, когда отсмеешься, подумай вот над чем. В рассказах про маленького Дениску не один только смех — в них есть и серьезное и даже печальное. И это, наверное, хорошо: ведь даже у самого веселого человека жизнь не сплошь веселая. Бывает беда («Человек с голубым лицом»), бывает любовь и разлука («Девочка на шаре») и настоящее волнение («Он живой и светится», «Белые амадины»).

Дениска не картонный плоский человечек, он живой мальчишка. Он живет себе, счастливый, играет во дворе в космонавтов, выкручивается, не выучив урока. Но вот с ним неудачно пошутили — и он загрустил, сидит в коридоре за вешалкой и горько размышляет: «...Если папе так хочется на меня выдумывать, то, пожалуйста, я могу уйти из дома прямо на целину. Там работа всегда найдется, там люди нужны, особенно молодежь»

Взрослые думают по-своему, а дети по-своему. Когда взрослый писатель пишет книжку для ребят, он думает и за себя, писателя, и за своих героев. Ему надо уметь думать, как они, чувствовать, как они. Тогда получатся в книжке живые ребята. Драгунский смотрит на ребячью жизнь тепло, и добро, и серьезно. Вот и получилась у него хорошая книга.

Дениска — мальчик моложе тебя. Но и у маленьких ребят бывают большие чувства, серьезные размышления, настоящее благородство. Дениса, пусть девятилетнего, можно смело брать в друзья; он не предаст и не обманет. Я бы хотела дружить с таким человеком, думаю, что и ты захочешь.

Л. МАТВЕЕВА

НАСТУПИЛО ЛЕТО — ПОРА БОЛЬШИХ КАНИКУЛ, КОГДА МОЖНО С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗАНЯТЬСЯ ЛЮБИМЫМ ДЕЛОМ. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОДНЯВШИСЬ ЗАТЕМНО, ТЫ ОТПРАВИШЬСЯ НА РЫБАЛКУ, ИЛИ, ПРИСТРОИВШИСЬ ГДЕ-НИБУДЬ НА ОПУШКЕ, БУДЕШЬ РИСОВАТЬ, ИЛИ ПРОСТО БРОДИТЬ ПО ЛЕСУ... И, КОНЕЧНО, НЕЛЬЗЯ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЛЕТО БЕЗ КНИГ: ЧИТАТЬ МНОГО, ЧИТАТЬ СКОЛЬКО ЗАХОЧЕТСЯ, ЧИТАТЬ ДОПОЗДНА...
ПРИПОМНИ ВСЕ КНИГИ, КОТОРЫЕ ТЫ ПРОЧИТАЛ ЛЕТОМ, И НАПИШИ НАМ, КАКАЯ ИЗ КНИГ, ПО-ТВОЕМУ, САМАЯ-САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ. ПИСЬМО ПОСЫЛАЙ НЕ ПОЗДНЕЕ ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ. ЖДЕМ ТВОЙ РАССКАЗ О КНИГЕ.

ВСЕ О РЫБАХ

«Пишет вам ученик 6-го класса Кустов Валерий из г. Горького. Мы с ребятами прочитали книгу **«РЫБЬИ ДОРОЖКИ» М. Заборского** и решили вам написать. Дело в том, что большая половина класса — заядлые рыбаки. Когда принесли в класс книгу, все не очень хотели ее слушать, но когда сказали, что эта книга о жизни и ловле рыб, то все сразу примолкли. Когда ее прочитали, то некоторые стали искать эту книгу в библиотеках и выписывать кому что надо...»

Многие ребята спрашивают, что можно почитать о рыбах. В издательстве «Детская литера-

ки-малышки, и книги больши,

тура» вышла книга **«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИХТИОЛОГИЯ» В. Сабунаева.** В ней множество рассказов, историй о рыбах, об их повадках и многом другом.

Вот, например, что рассказывается в главе под названием «Гиганты и карлики». Известно, что встречаются рыбы длиною до двадцати метров и весом до тридцати тонн. Это китовые акулы. Правда, китовая акула — безобидная рыба, она питается планктоном. Настоящий хищник — полярная акула. Ее длина восемь-девять метров. Ученые нашли ископаемую акулу кархаро-дон, считают, что ее длина превышала тридцать метров, «а в пасти у нее могли свободно разместиться семь-восемь человек...».

Вы, наверно, уже поняли, сколько интересного можно найти в книге. Как выглядели предки современных рыб? Как «разговаривают» наши рыбы? Как они видят? Обо всем этом можно прочитать в книге В. Сабунаева. И еще в ней есть красочные иллюстрации, изображения «рыбьих» марок, «словарик ихтиолога» и глава «50 вопросов и 50 ответов». Обязательно прочитайте эту своеобразную «рыбью» энциклопедию.

Книга **В. Федорова «ПУТЕШЕСТВИЕ ВВЕРХ»** тоже о рыбах. Но она совсем не похожа на первую. Это повесть о глубоководной небольшой рыбе — светящемся зубом удильщике. Он совершает путешествие из темных глубин океана к поверхности. И с кем он только не встречается по дороге! Он открывает для себя огромный, красочный и порою коварный мир. Сколько нового, неожиданного! Сколько опасностей. Тут и рыба-удав, и медуза, и океанская черепаха, и дельфин.

И еще одна книга — **«ХИТРЕЦЫ И НЕВИДИМКИ» Ю. Дмитриева.** Это «Рассказы о том, кто как защищается», как умеют прятаться разные животные, о «хитрых» птицах и рыбах, о насекомых, которые в одно мгновение могут стать невидимками.

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФ. М. П. КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

Единственный читатель

Библиотека великого французского писателя и философа Вольтера, насчитывающая семь тысяч томов, находится в Ленинграде.

Как попало это ценнейшее собрание в Ленинград? Библиотеку купила русская императрица Екатерина II. Долгое время книги Вольтера находились под замком. В феврале 1832 года царь Николай I разрешил пользоваться книгами А. С. Пушкину. Великий поэт был в то время единственным читателем библиотеки.

Сейчас книги Вольтера хранятся в Ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Чудная фамилия

В Царскосельском лицее, где учился Пушкин, были строгие порядки. Лицеистам не разрешали отлучаться в город. Ускользнуть незамеченным от гувернера, француза Трико, не так уж трудно, но у заставы стоит будочник, а у него есть список всех лицеистов. И все-таки Пушкин вместе со своим другом Кюхельбекером придумал, как преодолеть это препятствие. Оба лицеиста переоделись и решительным шагом направились к заставе.

— Фамилия? — строго спросил будочник.

— Однако! — ответил Пушкин.

Такой фамилии в списке не оказалось, и Пушкин беспрепятственно миновал заставу.

Через четверть часа к заставе подошел Кюхельбекер.

— Фамилия?

— Двако.

Будочник с сомнением посмотрел на него. Чудная фамилия. Но мало ли какие у людей бывают фамилии! И, покрутив головой, он пропустил и Кюхельбекера.

Вскоре гувернер хватился своих питомцев и, сообразив, где их следует искать, поспешил вдогонку. К заставе он подбежал, запыхавшись, растрепанный.

— Фамилия? — спросил будочник.

— Трико! — пробормотал француз.

— Нет, стой! Шалишь! Один за другим. Однако, Двако, Трико! Не пропущу! Начальство разберется!

И как ни уговаривал будочника, как ни объяснял ему все несчастный гувернер, бдительный страж был неумолим.

Экспромт

Как-то на собрании кружка литераторов один поэт, обернувшись к Пушкину, сказал:

— Дарю поэта я ослиной головою.

— А сам останетесь с какою? — быстро перебил его Пушкин.

— А я останусь со своею,— растерялся поэт.

— Так вы ж сейчас дарили ею! — отпарировал Пушкин.

странах, животных и птицах.

КЛУБ „со́рок соро́к"

СЕГОДНЯ ЗАСЕДАНИЕ!

СЕГОДНЯ ЗАСЕДАНИЕ!

СЕГОДНЯ ЗАСЕДАНИЕ!

Репортаж ведет Сорока-Всезнайка.

Все расселись на ветках. Ученая сорока Бабушка-Белобока надела очки и строго сказала:

— Начинай-ка ты!

И Всегда Грустная Сорока начала свой рассказ:

— Летала я, летала, устала, присела отдохнуть на высокий тополь, вдруг вижу: собрались на лужайке ребята и о чем-то спорят. Оказывается, была у них настоящая морская фуражка, и ее все носили по очереди, а потом подошла очередь Петьки Иванова. Он носит фуражку вот уже целую неделю и отдавать ее никому не хочет. А идти к Петьке ребята боятся. Он больше всех ростом и боксом в школе занимается. И тут девочка, маленькая такая, говорит:

— Эх вы, трусы!

И пошла прямо к забору, на котором Петька сидел в морской фуражке и на всех презрительно поглядывал. У меня в зобу дыхание сперло. А девочка так смело говорит:

— Петька, отдавай нашу фуражку!

Петька тут спрыгнул с забора и...

— Да ну тебя, только на всех страх нагоняешь,— завертелась на ветке Сорока-Егоза.— А я вот что вам расскажу: один профессор — Прутиков — роботов изобретает. Их у него очень много. Прутиков всех их зовет Робами, ласково так, и везде с собой берет. Один раз приехал в город известный дрессировщик львов. Прутиков пошел в цирк со своим любимым Робом-1. Профессор прямо ахал от страха, когда артист клал голову в пасть свирепому льву. И говорил взволнованно Робу:

— Ты подумай только, какое мужество у этого человека!

— Я с ним лично знаком,— похвастался робот.— Мы с ним...

А вот что дальше робот сказал, забыла.

— А я вот недавно слышала,— перебила ее Сорока-Путешественница,— мне один геолог рассказывал, что был он в тайге и пошел на охоту. Видит, дерево стоит старое, совсем сухое, ствол гладкий, без единой ветки, на телеграфный столб похоже. Наверху сидит медвежонок. А под деревом собаки прыгают, лают.

Вдруг видит охотник, что собаки то в разные стороны разбегаются, то снова к дереву подбегают и лаять начинают. «Что с ними такое?» — думает охотник. Подходит поближе да как захохочет! Маленький медвежонок умным и хитрым оказался.

Чтобы собак прогнать, он...

— Я тоже знаю историю! Я вот недавно слышала... Дайте я я я я я я я я я я! расскажу!

Так разгалделись сорок сорок, что у Бабушки-Белобоки от их крика голова разболелась.

— Вот что,— сказала она,— заседание закрывается. С вами, как видно, каши не сваришь. Пускай ребята сами придумают и пришлют конец для каждой истории. А вам наука: в седьмом номере я вас всех снова соберу, тогда каждая свою историю дорасскажет. А пока подождем да почитаем, что пришлют нам ребята.

НОВОСТИ С СОРОЧЬЕГО ХВОСТА

Ура! Главная новость: получены первые смешинки.

— Хозяйка варит варенье. К ней пришли ребята.

— Мы из бюро добрых услуг, вам не нужно снять пенки?

Евгений **ДРУЖИНИН**, г. Красноярск.

Встретились два друга:

— Знаешь, я вчера провел десять часов над учебником истории.

— Не может быть!

— Я оставил его под кроватью, когда ложился спать.

Шамиль **БИККУЛОВ**, г. Стерлитамак.

— Скажи, что тебе больше всего понравилось в кино?

— Конфеты, которые мне дала с собой мама.

Саша **НИКОЛАЕНКО**, г. Белово.

Только мы по гнездам собрались, а тут стук в дверь:

— **КТО ТАМ?**

— Писатель Юрий Хазанов.

— Скажите что-нибудь смешное.

— Пожалуйста. Вот четыре фразы из моей записной книжки:

— Ненаглядные пособия.

— Собака поела на скорую лапу.

— Мальчишка прожигал жизнь через увеличительное стекло.

— Любителям легкой музыки жилось тяжело.

ОДНОНОЖКА

Анна ГАРФ

(По мотивам аварских сказок)

Было это или не было? Кто знает! Но говорят, жила в одном селе курица одноногая, одноглазая, с одним крылом.

Петух как проснется и давай кричать:

— У-у-уходи с нашей уууулицы, ты, полкурицы!

А куры, те и близко не дают ей к корму подойти.

— Куда-куда-куда? Одноножка...

Вот однажды, пока они по зернышку клевали, наша одноножка подскочила, целый колосок схватила.

— Отдай-отдай-отдай! — всполошились куры.

— О-о-отда-а-ай! — заорал петух.

Да где там! Разве за ней угонишься? Ведь у нее только одна нога, не бегает она, а скачет. Прискакала в поле, обмолотила колосок, и взошла ее пшеница — целых четыре колоса.

На беду, шли мимо ханские кони и поле одноножкино потравили.

— Вот окаянные! — рассердилась полкурицы и погнала коней на ханский двор.

Вдруг из ущелья выскочил волк.

— Сейчас коней зарежу!

Но одноножка как разинет клюв, как подскочит — и проглотила волка. А тут откуда ни возьмись лиса.

— О, какая славная курица! Это не беда, что ты одноногая, одноглазая и что у тебя всего одно крыло, я тебя, милая, и такую с удовольствием съем.

А курица разинула клюв и проглотила лису.

После такой еды захотелось ей утолить жажду. Выпила она каплю за каплей озеро.

Вот пригнала коней на ханский двор.

Выглянул хан из окна своей башни.

— Что такое, что случилось?

— Уплати мне, хан, за потраву,— молвила курица,— не то коней твоих съем.

— Посадите эту похвальбишку в гусиный хлев,— приказал хан.

Увидали гуси одноножку, шеи вытянули, зашипели. Ой, сейчас расклюют!

Но курица выплюнула лису, та всех гусей передушила, к себе в нору перетащила.

Утром заглянул пастух в хлев — только пух да перья валяются. А курица стоит на одной ноге в углу и единственным глазом смотрит.

— Бросьте эту негодницу в конюшню,— рассердился хан,— пусть кони растопчут ее!

А курица, как попала в конюшню, сразу волка выплюнула, и тот всех лошадей к себе в лес угнал.

На другое утро пришли пастухи — в конюшне одна только курица, смирнехонько стоит она в углу, тихонько кудахчет.

— Посадите в горячую печь,— сказал хан.

Сунули ее в печь, заслонкой закрыли. А курица выплюнула озеро.

Через день хан сам своей рукой печную заслонку отодвинул, а курица как выскочит из печи да как закричит:

— Эй, наполните мне мешок пшеницей, а торбу овсом, не то я вас всех съем!

Испугался хан, сделал, как было приказано.

Подхватила курица мешок под крыло, торбу на шею повесила, прискакала в родное село, рассыпала овес и пшеницу.

— Клюй кто хочет, не жалко.

Когда все насытились, она спросила:

— Ну, скажите, курица я или полкурицы?

И тут петух поднял голову, захлопал крыльями, запел, заорал на всю улицу:

— Да здравствует великая ку-у-у-урица!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ЖЕНЯ ПОТАПОВ ПИШЕТ ПЕШКИНУ

Недавно шах получил толстый, тяжелый пакет. Посмотрев на почтовый штемпель, он прочитал: «Терехово Рязанской обл.». Шах бережно разорвал конверт, и оттуда посыпались листочки. Пятнадцать листочков, на каждом нарисована шахматная доска, а на доске — по-разному расположенные фигуры и пешки.

Все рисунки подписал Женя Потапов. Но зачем он так много трудился? Что означают его рисунки?

Долго думал и гадал шах, да так ничего и не придумал. И тогда он послал гонца с таинственным письмом Жени к Пешкину, в справочное бюро.

Пешкин взглянул на письмо и сразу обо всем догадался.

— Никакой тайны здесь нет,— сказал он.— Просто Женя не умеет записывать ходы, и он нарисовал решения моих конкурсных заданий. Видите стрелки на его диаграмме? Это Женя показывал, куда движутся фигуры. У меня есть и другое интересное письмо — от Алеши Иващенко из Колпашевского района, Томской области. Алеша сочинил целый рассказ о том, как решаются задачи из нашего журнала.

Ребят, которые не умеют записывать партии, не овладели шахматной нотацией, к сожалению, немало. Для них Пешкин сделал диаграмму, которую вы видите вверху.

А вот сокращенные названия фигур: король — Кр, ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К. Пешка обозначения не имеет.

Ход записывается в таком порядке: название фигуры, поле, на котором находилась фигура, и поле, куда она пошла.

Видите, все очень просто, только на первых порах, записывая позиции, будьте внимательны и не торопитесь. Запомните также, что нумерация горизонталей на диаграммах ведется всегда снизу. Самая нижняя — это первая горизонталь.

ДЛЯ ЧЕГО ЭТО НАДО

Шахматная нотация вроде азбуки. Без нее не научишься играть. Если бы не записывали партии, то шахматисты тысячи раз повторяли бы одни и те же ошибки и находили бы то, что уже давно нашли другие.

Партии и задачи стали записывать давно, более тысячи лет назад. Но вначале запись ходов была очень неудобной. Постепенно ее совершенствовали, и существующую сейчас систему придумали около двухсот лет назад.

СОВЕТЫ ЕГО ВЫСО—ЧЕСТ—ВУ

В одном из музеев Франции хранится рукопись XV века. Автор ее, видимо, учил шахматной игре какого-то князя. В рукописи много полезных советов. Вот один из них:

«Ваше высочество играет королевской пешкой на четыре пункта, считая от позиции короля. И если противник играет так же, вы играете королевским конем на три пункта, считая от позиции королевского слона, и, если он играет пешкой на третье поле от королевского слона, вы берете его пешку конем

И если он берет пешкой, вы даете ему шах ферзем на четыре пункта, считая от его королевской ладьи. И если он закрывается пешкой, вы берете его королевскую пешку и даете шах, нападая на ладью».

Длинная история, не так ли? А сейчас ее можно записать двумя строчками.

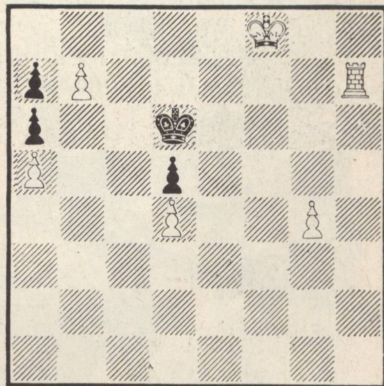
Попробуйте восстановить развитие событий, описанных в средневековой рукописи. Пришлите Пешкину все ходы, которые привели к позиции, показанной на диаграмме слева.

Объясните также, почему черные так быстро попали в тяжелое положение. Найдите, как белые продолжали бы атаку после хода 4... Кр e8 — e7.

БЕГ С ПРЕ—ПЯТ—СТВИЯМИ

Еще одно конкурсное задание Пешкина. В этой позиции белая пешка участвует в беге с препятствиями и прорывается на седьмую горизонталь.

В положении, данном на диаграмме, белые, начиная игру, дают мат в два хода. После того, как вы найдете решение, переставьте пешку b7 на c7. И снова белые смогут заматовать черных в два хода. Потом пешку поставьте на d7. Новая задача — двухходовка. И, наконец, пешку можно поставить на e7, и опять задача решается в два хода.

Итак, четыре задачи в одной! Пешкин надеется, что вы успешно справитесь и с этим его заданием. ★

СКОЛЬКО ВЕСИТ МАЛЬЧИК ПАТ?

МАЛЬЧИК ПАТ И СОБАЧОНКА
ВЕСЯТ ДВА ПУСТЫХ БОЧОНКА

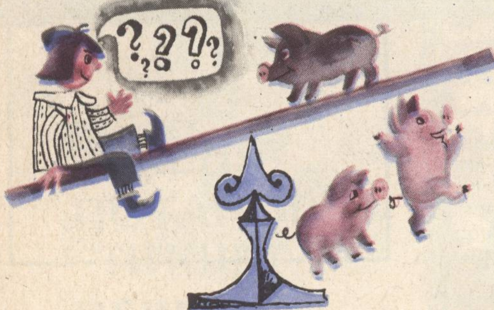
СОБАЧОНКА БЕЗ МАЛЬЧИШКИ
ВЕСИТ ДВЕ БОЛЬШИХ КОВРИЖКИ

А С КОВРИЖКОЙ ПОРОСЁНОК
ВЕСИТ — ВИДИТЕ! — БОЧОНОК

СКОЛЬКО ВЕСИТ МАЛЬЧИК ПАТ?
СОСЧИТАЙ-КА ПОРОСЯТ!

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

ЭКЗАМЕН

ПОХИЩЕННЫЕ

КОНАН-ДОЙЛЬ. В амстердамском музее хранится богатая коллекция рисунков, гравюр и офортов знаменитого голландского художника Рембрандта. Брюссельский музей изящных искусств собирался устроить выставку графики Рембрандта и договорился, что получит из Амстердама несколько папок с произведениями художника. Папки лежали в сейфе директора амстердамского музея. И вдруг три из них похищены.

— Кто обнаружил пропажу?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Сам директор.

— Похищены были только папки с рисунками?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Нет, вместе с папками преступники украли паспорт директора, его водительские права и разрешение на вывоз графических работ Рембрандта за границу, выписанное на имя директора.

— Когда обнаружили пропажу и кто, кроме директора, знал, где хранятся папки?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Два дня директор был болен, а когда вернулся на работу, в первый же день обнаружил кражу. Кроме него, о драгоценных папках знали еще четыре сотрудника музея.

— Удалось ли отыскать пропавшие работы?

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

Подъехал Иван-Царевич к избушке Бабы-Яги и говорит: «Избушка-избушка, стань ко мне передом, а к лесу задом».

Попробуйте переложить три спички так, чтобы избушка и вас послушалась.

ПРИНИМАЕТ КОНАН-ДОЙЛЬ

ОФОРТЫ РЕМБРАНДТА

Сотрудник музея.

КОНАН-ДОЙЛЬ. Да, папки нашли у букиниста в Брюсселе, но он отказывается назвать имя человека, от которого он их получил.

— А когда директор болел, кто-нибудь из четырех сотрудников отлучался надолго из музея?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Нет. Все были на работе.

— Наводились ли какие-нибудь справки в таможенной службе?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Удалось узнать только, что в эти дни контроль был значительно усилен.

— Вы сказали, что брюссельский букинист не хочет назвать имени своего сообщника?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Да, но есть некоторые основания предполагать, что похититель сам вручил папки торговцу.

— Что сделал Шерлок Холмс, когда начал вести расследование?

КОНАН-ДОЙЛЬ. Он побеседовал с директором, а затем со всеми четырьмя служащими. Беседы не добавили ничего существенного к тому, что я уже вам рассказал, и все же Шерлоку Холмсу удалось напасть на след преступника.

Как ему это удалось?

Аткемот и Аклесвин

Вот какие слова придумал для вас Дед-Буквоед. Попробуйте переставить буквы в сочетании «аклесвин», и у вас получится название музыкального инструмента.

Переставляя буквы в сочетании «аткемот», тоже можно получить другое слово.

Но самое чудесное свойство слов «аткемот» и «аклесвин» вот в чем: если вы отбросите в конце этих слов любое количество букв, то, переставляя те буквы, которые у вас останутся, вы все равно сможете получить новое по значению слово.

Попробуйте так сделать и напишите мне, какие слова у вас получились.

Барон Мюнхаузен рассказывал гостям, какой он отличный стрелок, и вытащил из письменного стола странную мишень.

— Я привез ее,— сказал он,— с оригинального стрелкового состязания. Участникам давалось всего две минуты на то, чтобы, стреляя по этой мишени, набрать ровно сто очков. Стрелки должны были сначала сами определить, куда им стрелять и сколько выстрелов сделать. Я набрал сто очков за три выстрела, затратив на размышление не больше тридцати секунд.

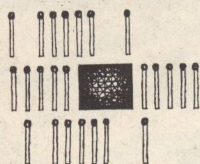
Проверьте, соврал ли барон Мюнхаузен. Как вы думаете, какие числа должны быть на мишени и сколько в нее нужно сделать выстрелов, чтобы добиться победы?

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 5

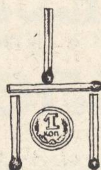
ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

Было девять, стало семь

Вы должны положить спички так:

Копейку в совок

А в этой задаче вот как получается:

7:0 в пользу остроглазых

Художник нарисовал такие совпадающие детали:
1) Арка над трибуной и рукоятка зонтика.
2) Черный кружок в девятке и ноль на майке.
3) Воротник нападающего и верхняя часть двери.
4) Гетры на левой ноге и боковая стенка аптечки.
5) Берет вратаря и одно из деревьев на горизонте.
6) Звездочка на футболке и на флаге.
7) Трава под нападающими и под палочкой эстафеты.

ИГРЫ ДЕДА-БУКВОЕДА

«С терпением, а не вдруг»

Эти басни Крылова вы все, конечно, знаете:
1) «Мартышка и очки»,
2) «Ворона и Лисица»,
3) «Свинья под дубом»,
4) «Лисица и виноград».

Ералаш

Если вы всех правильно расставите по местам, то у вас должны получиться такие стихи:

Злой кабан точил клыки,
Пароход давал гудки.
Соловей сидел на ветке,
Дикобраз томился в клетке.
Маша физику учила,
Кошка хвостик свой ловила.
Буратино ел блины,
Шил портной себе штаны.
Стол накрыт к обеду был,
Рак усами шевелил.
Еж гонялся за мышами,
Чиж летал под облаками,
Мальчик прыгал во дворе,
Чайник булькал на костре.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Оформление **К. Высоцкой.**

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00095. Подписано к печати 7/V 1969 г. **Формат бумаги** 84×60 1/8. **Объем** 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. **Тираж** 1 180 000 экз. **Изд. №** 989. **Заказ №** 1007.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«ЖИВЫЕ БАРОМЕТРЫ»

Есть немало растений, насекомых, птиц, зверей, довольно точно предсказывающих перемену погоды. Понаблюдайте внимательно за ними, и вы убедитесь в этом.

ЧТО МОЖНО УВИДЕТЬ, НАПРИМЕР, ПЕРЕД ДОЖДЕМ.

С листьев конского каштана и тополя-осокоря стекают капли клейкого сока.
Сильнее пахнут цветы желтой акации, сирени, душистого табака, донника, золотистой смородины, левкоя, петуньи, мать-и-мачехи, козлобородника.

Поникают и кажутся увядшими цветы красного клевера, кислицы, сердечника лугового, ноготков, чистотела. Головка чертополоха становится менее колючей. Закрываются цветы полевого вьюнка, мокрицы, василька колючего. По вечерам сильнее стрекочут кузнечики. Слышно протяжное «пи-и-и-ить» коршуна. Бурундуки издают булькающие звуки.

Ласточки, стрижи летают низко над землей. Муравьи закрывают ходы в муравейник. Пауки уходят с середины паутины и прячутся в укромные уголки.
Пиявки выходят из воды, раки приближаются к берегу. Вьюны и сомы всплывают на поверхность водоемов.
Чайки-поморники неспокойными криками предвещают шторм.

МНОГИЕ ИЗ «ЖИВЫХ БАРОМЕТРОВ» ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ПЕРЕМЕНУ ПОГОДЫ ЗАРАНЕЕ.

Так, перед пургой лоси, олени, тетерева, куропатки за сутки уходят с открытых мест в глубь тайги. Если лето будет сырое, степные луни вьют гнезда в степи, если лето сухое,— в кочкарниках на болоте.

Зимой перед оттепелью мыши выходят из-под лесной подстилки и бегают по снегу. Лесные полевки, предчувствуя малоснежную зиму, устраивают свои норы гораздо глубже в земле.
К морозной зиме белка строит гнездо низко на дереве, к теплой — высоко.

ПИШИТЕ НАМ, РЕБЯТА, О СВОИХ НАБЛЮДЕНИЯХ.

Центральный совет Всероссийского общества охраны природы

На крыльях „Зеландца" в пионерлагерь „Орленок"

ВСПОМНИТЕ! ЗАХВАТИВ «ЗЕЛАНДЦА», СМЕХОТРОН ПОВЕЛ ЕГО В ОДЕССУ К РЕБЯТАМ, НО...

1. На пути встретился хорошенький и уютненький необитаемый остров. Как раз для пиратов.

2—5. Наскоро оборудованная, заработала на острове школа Полиглота для пер... воспитания пиратов... А корабль лег на прежний курс, ведомый Смехотроном ... Фруктиком посменно. Уроки проходили весело и с пользой.

6. А «Зеландец» и его капитаны сквозь шторма, океаны, туманы пришли в Одессу, к ребятам.

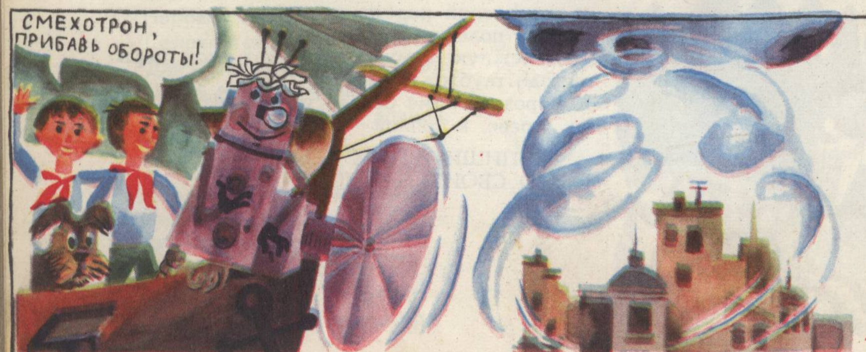
7. Одесский «Юнмор-клуб» уже разработал проект, как ок... лить корабль. «Чтобы дело закипело, горячо берись за де...

8. Вот что такое «Летучий Зеландец». Ясно?

9. Под килем — наводнение! Гибнет какой-то город! Спасем его!

10. Смехотрон не какая-нибудь «шляпа», он все-таки сын пылесоса и полотерки, и вентилятор у него в крови. Даешь вихрь!

11. Превратив воду в тучу, тучу — в лед, сд... его на фабрику мороженого, а сами — в Кр... в «Орленок», там их ждут с нетерпением...

Цена 25 коп. Индекс 70694.